

НАТАЛЬЯ БЕЛИНСКАЯ

ОБЕЩАННАЯ ЗЕМЛЯ

КОГДА СВЕТ НАЙДЕТ СВОЮ ТЕНЬ,
МИР ЗАМОЛЧИТ В ОЖИДАНИИ ИСХОДА.
ИБО ИХ СОЮЗ — ЭТО ВЕНЕЦ ТВОРЕНИЯ,
ЛИБО ЕГО ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталья Белинская
Обещанная тьме

«Автор»

2026

Белинская Н.

Обещанная тьме / Н. Белинская — «Автор», 2026

Мир балансирует на краю гибели, и спасти его могут лишь двое, чьи силы смертельные противоположности. Элия — носительница ослепительного Света, чей дар способен исцелять и разрушать. Дамиан — Король Тени, холодный стратег, для которого подчинение — лишь инструмент, а власть — смысл существования. Чтобы выжить и спасти своего отца из заточения, Элия вынуждена играть по правилам Дамиана, став его пленницей в золотой клетке Цитадели. Она ненавидит его, считая своим главным врагом, а он видит в ней лишь ценный трофей, который нужно приручить. Но у мироздания свои планы. Их магия, не спрашивая воли хозяев, неумолимо тянется друг к другу, ища равновесия. Каждое прикосновение — это искра, каждый взгляд — резонанс, который невозможно игнорировать. Когда магия диктует свои законы, а ненависть перерастает в страсть, им придется сделать выбор: стать созидателями нового мира или позволить ему сгореть в пламени их запретной связи. Свет и Тьма встретились. Теперь их судьбы связаны по праву крови.

© Белинская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	7
Глава 2.	19
Глава 3	33
Глава 4.	43
Глава 5.	54
Глава 6.	74
Глава 7	87
Глава 8.	100
Глава 9.	114
Глава 10.	127
Глава 11.	134
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Наталья Белинская

Обещанная тьме

Пролог.

В ту ночь Орион умирал не в тишине. Стены цитадели содрогались от ударов стенобитных орудий, но внутри, в королевских покоях, было слышно лишь прерывистое дыхание и тихий шелест стали. Гвардеец вошел в зал без стука. Его меч был обнажен, а на лице застыла маска решимости, которую не смогла бы пробить ни одна мольба. Он не был врагом в привычном смысле — он был тем, кто считал, что спасает мир от «проклятого семени».

Древнее пророчество гласило: когда Наследница взойдет на престол, огонь в её жилах выжжет земли дотла. Король преградил ему путь. Он был без доспехов, в одной лишь шелковой тунике, но в его руке сверкал меч предков.

— Отойди, Гвардеец, — голос короля сорвался. — Ты был моим лучшим гвардейцем. Ты клялся защищать мою семью!

— Я клялся защищать Орион, мой король, — Мужина сделал шаг вперед. — Ваша дочь — не благословение. Она — погребальный костер для всех нас. Лучше одна смерть сегодня, чем тысячи завтра.

Сталь столкнулась со сталью. Это был короткий, яростный бой. Король сражался за своего ребенка, но гвардеец сражался за свою фанатичную веру.

Последний выпад был точным и беспощадным. Тело короля рухнуло на ковер, окрашивая золотые нити узора в густой алый цвет.

Королева вскрикнула, прижимая к себе сверток с младенцем. Она отступила к самому краю балкона, за которым бушевала гроза.

— Ты убил своего господина...

— Я избавлю этот мир от пепла, — отрезал он.

Он схватил её за запястье, и в этот миг маленькая девочка открыла глаза. Она не плакала. Она смотрела на него, и в её зрачках золотое пламя вспыхнуло с такой чистотой и силой, что Гвардеец замер.

В этом взгляде не было зла — только беззащитность и свет. Его рука дрогнула. Меч, направленный на королеву, опустился. В этот момент гнев и страх внутри него столкнулись с чем-то более древним — инстинктом защитника.

Он понял, что не может убить её. Но и оставить здесь, под мечами тех, кто идет за ним по пятам, он тоже не мог.

— Отдай её мне, — прохрипел он. — Если я не убью её, это сделают другие. Я спрячу её. Я сделаю так, что она никогда не узнает своего имени. Она станет никем. Огонь погаснет в пыли.

Королева посмотрела на него с ненавистью, которую невозможно забыть.

— Ты лишил её отца. Ты лишаешь её трона. Ты хочешь украсть её саму?

— Я дарю ей жизнь, — ответил он.

Когда в замок ворвались те, кто жаждал крови Наследницы, комната была пуста. Лишь тело короля остывало на полу, а на балконе, под проливным дождем, лежала королева со сломленным сердцем.

Гвардеец исчез в ночи, унося на руках ребенка, чьих родителей он только что превратил в тени прошлого. Он бежал через Море Воспоминаний, сжигая за собой мосты. Он нашел женщину, которая потеряла всё в той же войне и согласилась стать соучастницей его великой лжи.

С того дня он стал фермером. Он зарыл свой окровавленный меч глубоко под корнями старой ивы, а свои руки заставил грубеть от плуга, чтобы никогда больше не чувствовать тяжесть рукояти. Он растил девочку как свою дочь, каждый день глядя в глаза, которые напоминали ему о его преступлении. Каждая её улыбка была для него и благословением, и пыткой. Он украл её у смерти, но при этом украл у неё правду. Он знал что придет много лет и , Тени придут, чтобы предъявить счет.

Глава 1.

Ясное летнее утро. Солнце уже поднялось высоко, заливая расплавленным золотом бесконечные ряды пшеницы. Воздух над полем дрожал от зноя, а тишину нарушал лишь сухой стрекот кузнечиков да скрип старых ворот фермы. Вдалеке едва угадывался ропот моря — «моря воспоминаний», как называл его отец.

Элия стояла посреди колосьев, её фигура четко вырисовывалась на фоне неба. Ритмичный взмах серпа, короткий хруст стеблей, шаг вперед. Светлые локоны выбились из-под платка и прилипли к мокрому лбу, а серая рубашка неприятно липла к лопаткам. Капли пота оставляли на пыльных щеках тонкие дорожки. Она остановилась, чтобы перевести дух, и прислонилась к старому пню на краю поля. Закинув голову, Элия подставила лицо ласковому ветру, но стоило ей закрыть глаза, как в ушах возник странный шум — не то отзвук далекого грома, не то чужой крик.

Девушка резко открыла глаза. Небо было чистым, ни облака. *Снова эти игры воображения*, — подумала она, потирая левое плечо, которое всегда ныло перед непогодой.

Она жадно припала к металлической фляге. Прохладная вода обожгла горло, смывая вкус полевой пыли. Элия посмотрела на свои ладони — в мозолях и царапинах, пальцы потемнели от сока колосьев. Отец всегда повторял, что такая работа закаляет характер, учит ценить каждый кусок хлеба. Но иногда, глядя на свои руки, девушка чувствовала странное несоответствие, будто она была создана для чего-то другого, чего сама не могла вообразить.

Прохладная вода тонкими струйками стекала по подбородку, и Элия, не отрываясь от фляги, прикрыла глаза. В этот миг реальность жаркого полдня поплыла, уступая место образам из далекого, почти стертого временем прошлого.

Она видела себя совсем крохотной — девочкой, чья голова едва возвышалась над созревшими колосьями. Тогда пшеница казалась ей неисходимым лесом, а каждое зернышко — маленьким сокровищем.

Она вспомнила, как отец, огромный и надежный, словно старая скала, брал её за крошечную ладонь и вел вглубь поля. Его голос, гулкий и добрый, рассказывал о том, что земля чувствует каждое прикосновение.

Маленькая Элия со всей серьезностью пыталась подражать взрослым. Пока отец работал, она собирала упавшие колоски в подол платяца, веря, что без её помощи урожай будет неполным.

В памяти всплыл запах его старой рубахи — смесь пота, табака и свежесмолотой муки. Этот запах был для неё синонимом безопасности. Самым ярким и болезненным воспоминанием был тот день, когда отец впервые вложил в её руку серп. Сталь показалась ей невероятно тяжелой и холодной, несмотря на зной. Рукоять, отполированная ладонями многих поколений, была гладкой, как речной камень.

«Не бойся его, дочка, — шептал отец, накрывая своей огромной мозолистой ладонью её тонкие пальцы. — Серп — это продолжение твоей руки. Уважай его, и он накормит тебя. Бойся его — и он тебя накажет.

Она вспомнила тот хруст, с которым поддался первый пучок колосьев, и острую вспышку боли, когда лезвие соскользнуло и задело палец. На золотистую солому упала первая капля её крови — яркая, пугающая. Отец тогда не бросился её утешать. Он просто перевязал рану чистой тряпицей и сказал: «Теперь это поле знает твоё имя».

Элия оторвалась от фляги и вытерла губы тыльной стороной ладони. Тот первый шрам на пальце давно исчез, но нытье в левом плече, которое всегда предшествовало чему-то важному, усилилось.

Она посмотрела на бескрайнее золото пшеницы и вдруг поняла, что тени от колосьев кажутся ей длиннее, чем должны быть в полдень. Словно за каждым стеблем пряталось нечто, что она когда-то знала, но предпочла забыть.

—Характер закаляется трудом, — повторила она слова отца, но внутри неё, под мозолями и пылью, что-то кричало о том, что её истинная сила никогда не принадлежала этому полю. Элия стояла, замерев с флягой в руках, пока полуденный зной вытягивал из земли ароматы сухой травы и перегретой пыли.

Закрыв глаза, она позволила памяти увести себя еще глубже — туда, где мир не ограничивался краем поля, а казался бесконечным и полным чудес. Она вспомнила, как после долгого трудового дня, когда солнце уже лениво опускалось, отец усаживал её на пороге фермы. Он указывал на первые проступающие на небе огни и называл созвездия, но не так, как это делали ученые мужи. Он говорил об Орионе как о защитнике, чей луч когда-то пронзил тьму, чтобы подарить людям надежду. Тогда это казалось просто красивой легендой, призванной убаюкать ребенка.

Элия вспомнила, как иногда, когда она сильно уставала или расстраивалась, отец давал ей подержать обычный речной камень. —«Почувствуй его тепло, Элия. В каждой вещи скрыта своя магия. Главное — уметь её услышать». Теперь она понимала, что он не просто утешал её — он учил её базовой концентрации, сам того не осознавая или, наоборот, зная слишком много.

Самое странное воспоминание касалось зимы, когда ей было около семи лет. Мороз тогда ударил такой силы, что птицы почти замерзли на лету. Очаг в доме едва справлялся, и маленькая Элия, дрожа под ворохом шкур, инстинктивно вытянула руки к гаснущим углям. В тот момент она не просто захотела тепла — она *потребовала* его. Внутри неё что-то щелкнуло, коротко и звонко, как лопнувшая струна. Угли в камине вдруг вспыхнули ярким золотистым пламенем, обдав комнату неестественным жаром. Она никогда не забыла выражение лица отца в тот миг. В его глазах не было радости или гордости — только чистый, первобытный страх. Он тут же залил огонь водой и строго запретил ей когда-либо «играть с воображением» подобным образом.

Элия открыла глаза и посмотрела на свои руки, которыми она сейчас сжимала флягу. Те же пальцы, что когда-то заставили угли сиять, теперь были покрыты мозолями от серпа.

Каждое воспоминание о детстве теперь казалось ей деталью огромного пазла. Работа на ферме закаляла характер. Нытье в левом плече стало почти невыносимым, пульсируя в такт какой-то далекой, приближающейся угрозе. Элия заткнула флягу и решительно подняла серп. Она чувствовала: время воспоминаний закончилось. Время действовать наступало вместе с тенью, что медленно ползла по золотому полю.

Элия почувствовала перемену кожей прежде, чем увидела её глазами. Воздух, до этого неподвижный и вязкий от зноя, вдруг вздрогнул. Ласковый ветерок, приносивший ропот моря, внезапно затих, оставив после себя звенящую, тревожную тишину. Кузнечики в траве разом замолчали, словно по команде невидимого дирижера.

Затем направление ветра резко сменилось. Теперь он дул не со стороны побережья, а с севера, от тех самых далеких хребтов, где всегда лежал снег. Этот новый ветер был колючим и холодным; он пах озоном, мокрым камнем и чем-то древним, давно забытым.

На горизонте, там, где купол неба соприкасался с золотом пшеницы, начала проступать тонкая свинцовая полоса. Она росла с пугающей скоростью, превращаясь в тяжелые, набухшие грозовые облака. Их края, подсвеченные уходящим солнцем, казались не золотыми, а болезненно-фиолетовыми — цвета тех самых нитей, что преследовали в её снах. Яркое золото полдня потускнело. Тени на поле стали резкими, глубокими и длинными. Свет приобрел странный, зеленоватый оттенок, какой бывает только перед самым сокрушительным ударом стихии.

Пшеничное море больше не шелестело — оно глухо роптало. Стебли пригибались к самой земле под натиском крепнущих порывов, словно пытаясь спрятаться от того, что надвигалось сверху.

Девушка снова коснулась левого плеча. Теперь оно не просто ныло — его жгло, будто под кожу загнали раскаленную иглу. Каждое приближение тучи отдавалось в её теле глухой вибрацией, резонирующей с раскатами грома, которые уже начали доноситься издалека. Это был как будто не обычный гром; в его рокоте ей слышался скрежет стали о сталь и чей-то властный, зовущий голос.

Элия судорожно вздохнула, пытаясь унять дрожь в руках. Гроза. Она всегда ненавидела это состояние природы — когда мир вокруг становился чужим и враждебным. С самого детства раскаты грома заставляли её забиваться в самый дальний угол подклета, закрывать уши руками и молиться, чтобы небо поскорее перестало рушиться на землю. Отец называл это «просто шумом облаков», но для Элии это всегда был голос чего-то огромного и безжалостного.

Стало ясно: работать сегодня больше не получится. Золото пшеницы теперь казалось грязным под свинцовым небом, а серп в руке ощущался опасно холодным, словно он мог протянуть к себе одну из тех молний, что уже начали чертить небосвод.

Она дрожащими пальцами подхватила свою флягу и перекинула через плечо старую сумку, в которой лежал скромный обед. Каждое движение сопровождалось острой вспышкой боли в плече — жжение стало почти невыносимым.

Элия оглянулась на недожатый участок. Раньше она бы расстроилась из-за брошенной работы, но сейчас в ней жил только один инстинкт — найти укрытие.

Девушка вышла на грунтовую дорогу, разделявшую поле и старую рощу. Ветер теперь бил ей в лицо, принося первые крупные капли дождя, которые разбивались о пыль, оставляя на ней темные кратеры.

Дорога, по которой она ходила тысячи раз, сегодня выглядела иначе. Деревья вдоль обочины стонали и гнулись под порывами северного ветра, словно предупреждая её: «Беги, беги!». Элия ускорила шаг, почти переходя на бег. Пыль на дороге смешивалась с водой, превращаясь в скользкую жижу, но она не замечала этого. Её взгляд был прикован к горизонту, где за пеленой начинающегося ливня должен был показаться силуэт их фермы.

Внезапная вспышка молнии осветила всё вокруг мертвенно-белым светом, и на мгновение Элии показалось, что тени деревьев на дороге превратились в высокие фигуры в плащах. Она зажмурилась, сердце пропустило удар.

— Это просто гроза, — твердила она себе как заклинание. — Просто гром. Просто воображение.

Дождь обрушился на дорогу внезапно, словно небо окончательно прорвало под тяжестью свинцовых туч. Первые редкие капли превратились в сплошную холодную стену, которая мгновенно вымочила одежду Элии насквозь. Серая рубашка тяжелым грузом прилипла к телу, а платок, не выдержав натиска воды, сполз на плечи, освобождая светлые локоны. Дорога домой превратилась в полосу препятствий. Грязь под ногами стала скользкой, и Элии приходилось прилагать усилия, чтобы не упасть. Но физическая усталость была ничем по сравнению с нарастающим чувством тревоги. Между лопатками закололо — то самое инстинктивное чувство, которое говорит, что ты больше не один. Ей казалось, что за пеленой ливня, среди стонущих деревьев, чьи-то немигающие глаза следят за каждым её движением. Сердце забилося о ребра, как пойманная птица. Элия перешла на быстрый, рваный шаг, почти срываясь на бег. Сумка на плече больно била по боку, а фляга в ней глухо постукивала, но она не замедляла темпа. Страх заставил её обернуться. Резким движением она бросила взгляд назад, через левое плечо, но ливень надежно скрывал всё, что находилось дальше десяти шагов.

Вспышка молнии на мгновение выхватила из темноты силуэты кривых дубов. На долю секунды Элии почудилось, что одна из теней отделилась от ствола и скользнула в подлесок,

высокая и неестественно быстрая. Она резко повернула голову вправо, пытаясь уловить в грохоте бури звук шагов или хруст веток, но слышала лишь неистовый рев ветра и хлесткие удары воды о землю. Жжение в плече стало пульсирующим, горячим, словно невидимое клеймо отзывалось на чью-то близость.

Элия задыхалась, её легкие обжигал холодный влажный воздух. Она снова обернулась, едва не поскользнувшись в глубокой луже, и её взгляд лихорадочно заметался по сторонам. Пусто. Только ревущая стена воды и мрак.

— Это просто тень, — шептала она пересохшими губами, хотя голос тонул в раскате грома. — Просто игра света и страха.

Но она уже не верила своим оправданиям. Дорога домой, которая всегда была символом покоя, теперь казалась бесконечной ловушкой. Девушка рванулась вперед, вкладывая последние силы в бег, зная, что если она остановится хоть на миг, то, что следует за ней, обязательно её настигнет.

Дом был уже совсем близко, сквозь пелену дождя угадывались очертания родного забора и спасительный свет в окне. Элия сделала последний рывок, задыхаясь от бега, как вдруг само небо над её головой раскололось надвое. Слепящая, мертвенно-белая вспышка на мгновение превратила день в кошмарную фотокарточку. Грохот раздался одновременно со светом — такой силы, что земля под ногами Элии вздрогнула. Столетняя ива, стоявшая прямо у ворот, приняла удар на себя. Огненный зигзаг вонзился в самую крону, и Элия увидела, как по стволу змеями разбежались искры, мгновенно превращая сок дерева в пар.

С оглушительным треском, напоминающим стон умирающего великана, дерево начало заваливаться. Тяжелые, мокрые ветви с хрустом ломали забор, вздымая тучи щепок и дорожной грязи. Огромный ствол рухнул прямо перед носом девушки, преградив путь к крыльцу непреодолимой стеной из спутанных сучьев и обугленной коры.

От неожиданности и чудовищной звуковой волны ноги Элии подкосились. Она не просто споткнулась — она буквально вылетела из собственных сапог, теряя равновесие на скользкой глине.

Девушка с тяжелым всплеском приземлилась прямо в глубокую грязную лужу. Удар о пятую точку был настолько сильным, что в позвоночнике неприятно отозвалось, а из легких выбило весь воздух. Холодная жижа мгновенно просочилась под одежду, довершая картину полного краха. Элия сидела в грязи, ошарашенно глядя на дымящийся остов ивы, а затем страх, копившийся всю дорогу, наконец вырвался наружу в виде ярости.

— Да чтоб тебя демоны сожрали! Проклятое ты полено! — выкрикнула она, не заботясь о том, что голос звучит жалко на фоне бури.

Она сорвалась на самые грязные ругательства, которым когда-то научилась от портовых грузчиков в море воспоминаний, поминая и небо, и молнии, и свою никчемную судьбу.

Элия ударила кулаком по воде, разбрызгивая грязь во все стороны. Лицо её было мокрым не то от дождя, не то от злых слез. Плечо горело так, будто дерево упало не перед ней, а прямо на неё, и в этом огне она вдруг снова почувствовала тот самый взгляд.

Кто-то стоял по ту сторону поваленного ствола. Элия стиснула зубы, заставляя себя подавить всхлип, готовый вырваться из груди. Она намеренно не поднимала глаз на преграду, боясь, что если посмотрит, то действительно увидит там то, что рисовало ей воспаленное воображение. Жжение в плече стало пульсирующим, почти осязаемым, но она лишь сильнее прижала руку к больному месту, пытаясь задавить эту боль.

Подняться оказалось не так просто. Пальцы скользили по размокшей глине, а тяжелая от воды юбка тянула вниз.

Элия, ворча под нос последние остатки ругательств, уперлась ладонями в скользкую землю и, пошатываясь, встала на ноги. Грязь стекала с её одежды густыми каплями, но ей было уже плевать на чистоту.

Вместо того чтобы обходить рухнувшую иву, она, движимая упрямством и страхом, полезла прямо через завалы. Мокрые листья хлестали по лицу, а обломанные сучья цеплялись за подол, словно пытаясь удержать её на месте. Она чувствовала, как «взгляд» сверлит её затылок, становясь тяжелее с каждым шагом, но девушка не обернулась. Она лишь ускорила движение, перебираясь через ствол, пока её сапоги наконец не коснулись дощатого настила дорожки.

Как только она взобралась на крыльцо, тяжелая дубовая дверь распахнулась, изливая во двор теплый свет свечей и запах сушеных трав. На пороге стояла Марта — старая няня, которая была в этом доме со дня рождения Элии.

Марта стояла, скрестив руки на груди, её лицо было изборождено морщинами, а седые волосы были строго прибраны под платок. В её руках было зажато сухое полотенце, и хотя в глазах читалась тревога, голос оставался ворчливым:

— Пресветлые небеса! На кого ты похожа? — Марта всплеснула руками, тут же хватая девушку за плечи и затаскивая внутрь, подальше от ревущего ливня. — Будто тебя черти по полю волокли! Живо в дом, пока лихорадка не скрутило. Няня принялась стягивать с неё промокшие вещи, не переставая причитать, — Дерево-то как грохнуло, я думала, дом пополам расколется. А ты в самую грозу... неужто нельзя было в сарае переждать?.

Элия стояла посреди прихожей, дрожа всем телом. Тепло дома казалось ей сейчас нереальным, а ворчание няни единственным якорем, удерживающим её в привычном мире. Она посмотрела на свои руки, которые няня уже яростно растирала полотенцем: под слоем смывтой грязи кожа на костяшках была содрана, но боли она не чувствовала. Только бесконечный холод, который не мог прогнать даже домашний очаг.

Марта засуежилась у печи, гремя чугунами, пока Элия, закутанная в колючее шерстяное одеяло, пыталась унять дрожь. Тепло дома постепенно проникало под кожу, но тревога, поселившаяся в груди еще на поле, не исчезала.

— Марта, — голос Элии прозвучал хрипло, перекрывая шум дождя, бившего в оконные стекла. — А где отец? Почему его нет? Он же обещал вернуться к обеду.

Няня ничего не ответила сразу. Она тяжело вздохнула и поставила на дубовый стол дымящуюся миску густой похлебки, от которой пахнуло чесноком и томленным мясом. Следом на столе появилась краюха свежего хлеба и кружка с горячим отваром шиповника. Марта присела на край скамьи, разглаживая фартук на коленях, и посмотрела на Элию своим привычным, немного суровым взглядом.

— Не жди его сегодня, деточка. Приезжал человек из города, еще когда тучи только собирались на горизонте, — Марта кивнула в сторону окна. — Передал, что у отца дела затянулись. Сказал, что торговый союз не отпускает его, нужно бумаги какие-то дооформить, да и дорогу развезло так, что повозка и не пройдет.

Элия замерла с ложкой в руке.

— Значит, он не придет? Сегодня?

— Передал, что приедет завтра, как только все уладит, — успокаивающе произнесла няня, пододвигая к ней тарелку поближе. — Просил, чтобы ты не смела нос на улицу совать и двери на все засовы закрыла. Видно, почувал старый, что буря будет знатная. Элия начала медленно есть, но вкус еды почти не ощущался.

Слова Марты должны были успокоить её, но вместо этого они лишь усилили чувство одиночества. Отец никогда не оставлял её одну в такую погоду, зная, как сильно она боится грозы.

— Завтра... — повторила девушка, глядя на пляшущее пламя свечи. — Значит, нам придется ночевать одним.

Марта лишь молча кивнула и принялась убирать со стола лишнюю посуду. Она двигалась механически, но Элия заметила, как няня то и дело бросает короткие, настороженные взгляды

на входную дверь, словно проверяя, крепко ли задвинут засов после того, как дерево рухнуло у самых ворот.

До сна оставалось еще слишком много времени, а навязчивое чувство беспокойства не давало Элии усидеть на месте. Пока Марта была занята на кухне, девушка, накинув на плечи сухую шаль, ускользнула вглубь дома. Её путь лежал к тяжелой дубовой двери в конце коридора — в святая святых их дома, кабинет отца.

Дверь отворилась с тихим, жалобным стоном, который тут же утонул в очередном раскате грома. В комнате царил полумрак, пахло старой кожей, табаком и высохшими чернилами. Элия зажгла масляную лампу, стоявшую на массивном столе, и неровный желтый свет выхватил из темноты полки, заставленные книгами, и разбросанные свитки.

Она начала перебирать стопки бумаг, о которых упоминала няня. Здесь были счета за зерно, расписки от мукомолов и скучные торговые договоры. Никакого намека на срочные дела, которые могли бы задержать отца в такую бурю. Случайно задев локтем подставку для перьев, Элия заметила, что одна из деревянных панелей стола прилегает не плотно.

Поддавшись импульсу, она нажала на край, и с глухим щелчком открылось потайное отделение. Внутри не было золота или драгоценностей. Там лежал лишь один свиток, обернутый в потемневшую от времени кожу.

Когда Элия развернула его, дыхание перехватило. Это была карта. Но она не была похожа на те обычные карты, что висели в сельской управе. Карта была выполнена на тончайшем пергаменте, который казался теплым на ощупь. Линии гор и рек были нанесены чернилами, которые в свете лампы переливались от глубокого синего до ядовито-фиолетового. Многие места были обведены красным, а в центре, там, где находился их родной край, стояла странная печать в виде луча, пронзающего созвездие. Элии показалось, что если присмотреться, то можно увидеть, как крошечные тени нарисованных лесов шевелятся, а символы рек текут, словно живая вода. В самом углу карты она увидела надпись, сделанную почерком отца: *«Луч укажет путь, когда тень коснется Наследницы»*.

Элия еще несколько секунд смотрела на странные слова, выведенные знакомым твердым почерком. «Луч укажет путь... Наследница...» — фраза звучала как строчка из тех старых сказок, что отец рассказывал ей на пороге фермы, когда она была совсем маленькой. В уютной тишине кабинета, наполненной запахом табака и старой кожи, эти слова казались просто плодом отцовской фантазии или, возможно, цитатой из какой-то притчи, которую он записал на память.

Чувство практичности, воспитанное годами тяжелого труда на поле, быстро взяло верх над мимолетным любопытством. Элия тряхнула головой, отгоняя странное наваждение.

Она решила, что «живые» тени и фиолетовое мерцание на пергаменте — лишь игра света от подрагивающего пламени масляной лампы и её собственной усталости после изнурительного дня под палящим солнцем. Надпись, скорее всего, была просто метафорой, которую отец использовал в своих торговых делах или для развлечения. В мире, где она только что ругалась на поваленную иву и сидела в грязи, не было места «наследницам» и магическим картам.

Девушка аккуратно свернула свиток обратно в потемневшую кожу, стараясь придать ему тот же вид, что и до её вмешательства. Она бережно уложила сверток в потайное отделение стола и нажала на панель, пока не раздался знакомый сухой щелчок.

Элия провела рукой по поверхности дерева, убеждаясь, что тайник снова надежно скрыт от посторонних глаз.

— Просто старая карта, — прошептала она себе под нос, гася лампу. — Отец всегда любил собирать всякий хлам. Она вышла из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь. Боль в плече, которая мгновение назад казалась невыносимой, чудесным образом утихла, сменившись привычной тупой ломотой.

Элия направилась обратно на кухню к Марте, решив, что лучше сосредоточиться на горячем отваре шиповника и ожидании завтрашнего возвращения отца, чем забивать голову непонятными записями в пыльном кабинете.

Вернулась на кухню, и стараясь ступать как можно тише, чтобы Марта не заподозрила её в излишнем любопытстве. Тепло очага после прохлады отцовского кабинета казалось почти обжигающим. Она снова опустилась на скамью и, вертя в руках остывшую кружку с отваром, постаралась придать своему голосу максимально будничным тон.

— Марта, — начала она, глядя, как няня методично протирает медный таз. — А отец никогда не рассказывал тебе странных историй? Ну, про Орионов, про каких-то... наследниц? Мне сегодня в поле, когда гроза начиналась, почудилось что-то в громе.

Рука Марты, совершавшая мерные круговые движения, на мгновение замерла. Спина старухи напряглась, а плечи поднялись, словно она внезапно почувствовала сквозняк.

Когда няня обернулась, её лицо, обычно мягкое и ворчливое, превратилось в суровую маску. Глаза Марты сузились, а в глубине зрачков промелькнула тень такого глубокого страха, что Элии стало не по себе.

— Глупости всё это, деточка, — отрезала няня, и её голос прозвучал непривычно резко, почти с присвистом. — Мало ли что девке в грозу почудится. Лихорадка у тебя, точно говорю. Мозги от жары расплавились, а теперь водой холодный залило, вот и лезет в голову всякая чепуха из старых сказок. Няня подошла к столу и начала быстро убирать остатки хлеба, словно пытаясь занять руки, чтобы они не дрожали. — Наследницы... Ишь, чего выдумала! Наследница у нас тут одна — на несоборный урожай да на дырявую крышу, если её градом побьёт. Ты лучше о деле думай: завтра отец приедет, а у тебя платье всё в грязи, да и ива ворота завалила — работы непочатый край.

Когда Элия попыталась вставить слово, но няня перебила её, заговорив громче и быстрее, засыпая девушку мелкими домашними поручениями.

— И нечего мне тут глазами хлопать! Пей отвар до дна и иди в постель. Нужно еще перину взбить, да проверить, не протекает ли в кладовой. А то развели тут разговоры про тени да про Орион... Спать давай иди, утро вечера мудренее. Пока солнце не встанет, и не думай о всякой небылице вспоминать.

Марта так активно загремела посудой, создавая завесу из шума, что Элия поняла: больше она от неё не добьется ни слова. Но то, как побледнела няня при одном упоминании «наследницы», ни чего не сказало ей, как и любые другие слова.

Завернувшись плотнее в шаль, она вышла из кухни и направилась к себе, стараясь не скрипеть половицами. Каждый шаг по темному коридору отдавался в голове навязчивой мыслью: если няня так побледнела, значит, надпись на карте — не просто старая сказка. Она решила, что не будет больше гадать, а завтра, как только отец переступит порог дома, она найдет способ спросить его обо всем напрямую.

Войдя в свою комнату, Элия не стала сразу зажигать свечу. Она подошла к окну, прижавшись лбом к холодному стеклу. Гроза, вопреки надеждам, не утихла — она становилась всё яростнее.

Вспышки молний теперь следовали одна за другой без пауз, на мгновение превращая ночной двор в призрачно-белое полотно. В этом мертвом свете рухнувшая ива у ворот казалась огромным костлявым чудовищем, преградившим путь к спасению.

Порывы ветра были такой силы, что старые рамы жалобно дребезжали, а по стеклу хлестали ветви кустарника росшие под окном, словно кто-то отчаянно пытался процарапать путь внутрь. Дальше забора не было видно ничего — только сплошная стена дождя и бесконечный, ревущий мрак, в котором, как ей казалось, всё еще прятался тот самый холодный взгляд.

Оторвавшись от окна, Элия быстро скинула остатки влажной одежды и нырнула под тяжелое шерстяное одеяло. Она сжалась в комок, пытаясь согреться, но кровать казалась непривычно холодной.

Она долго лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к грохоту грома. Каждый удар стихии теперь воспринимался ею не как природное явление, а как настойчивый стук в двери её сознания.

Постепенно изнурительный день на поле, тяжелая дорога и нервное напряжение взяли свое. Веки стали свинцовыми, а жжение в плече сменилось мягким, пульсирующим теплом, которое убаюкивало её, словно шепот.

Сон Элии был тяжелым и рваным. Ей не снились луга или привычные заботы. Вместо этого перед глазами плыли образы с той самой карты: живые реки, которые превращались в живых змей, и горы, которые начинали дышать.

Во сне она почувствовала, как по её комнате кто-то ходит. Это не были шаги няни или отца — они были слишком легкими, почти невесомыми, но пол был готов провалиться под их тяжестью. Свист ветра в каминной трубе начал складываться в слова. «Наследница...» — тянуло из темноты. Голос был холодным, как лед лепленных гор, и в то же время странно знакомым, словно она слышала его еще до своего рождения.

Среди ночи Элия резко распахнула глаза. Гром внезапно стих, и эта внезапная тишина напугала её больше, чем самый сильный разряд молнии. Она лежала неподвижно, боясь даже вздохнуть.

Элия медленно повернула голову к окну. Дождь всё еще шел, но теперь это был лишь тихий, мерный стук капель. В бледном свете луны, которая на мгновение проглянула сквозь прореху в тучах, она увидела нечто странное.

Там, где лежала поваленная ива, кто-то стоял. Это был высокий человек в длинном темном плаще. Его фигура была абсолютно неподвижна. Он не пытался войти, не звал на помощь — он просто смотрел на окна дома.

Она осторожно спустила ноги с кровати. Пол был ледяным. Элия нащупала свои туфли и, накинув покрывало прямо поверх ночной сорочки, направилась к двери. Она знала, что няня спит чутко, но сейчас это не имело значения. Элия медленно, стараясь не дышать, приоткрыла дверь своей комнаты. Петли, на удивление, не издали ни звука, словно сам дом сочувствовал её тайному побегу. Она прокралась по темному коридору, мимо двери Марты, откуда доносилось лишь мерное, тяжелое дыхание спящей няни.

Осторожно отодвинув тяжелый засов, Элия толкнула входную дверь. Холодный ночной воздух, пропитанный запахом озона и мокрой земли, мгновенно ударил в лицо, заставляя её плотнее запахнуть покрывало. Дождь почти прекратился, лишь редкие капли лениво падали с крыши, разбиваясь о ступени крыльца с глухим стуком. Ветер стих, и мир вокруг казался вымершим, застывшим в ожидании чего-то неизбежного.

Элия жадно всматривалась в темноту у ворот, там, где под лунным светом чернел изломанный силуэт ивы. Она ожидала увидеть высокую фигуру, почувствовать тот самый ледяной взгляд, но двор был пуст. Только тени от обломанных ветвей причудливо извивались на мокрой траве, создавая иллюзию движения. Она спустилась на одну ступеньку, затем на другую, чувствуя, как влага пропитывает тонкую подошву её туфель.

Элия обвела взглядом всё пространство до самого забора. Никого. Ни шороха, ни тени, которая не принадлежала бы дереву или постройкам.

— Просто воображение, — прошептала она, и её собственный голос показался ей чужим в этой звенящей тишине. — Совсем рассудок потеряла от этой грозы.

Она прижала ладонь к плечу, которое всё еще немного пульсировало, но теперь эта пульсация казалась ей лишь отголоском пережитого стресса. Девушка убедила себя, что таинственный силуэт был лишь игрой света и тени, порожденной её страхом и усталостью. Элия посто-

яла на крыльце еще минуту, вдыхая прохладу, пока холод не пробрался под тонкое покрывало, заставляя её вздрогнуть.

Повернувшись, она вошла обратно в дом и тихо заперла дверь. «Завтра приедет отец, и всё встанет на свои места», — подумала она, возвращаясь в постель.

Рассвет пришел ясный и умытый, словно буря прошлой ночью была лишь дурным сном. Воздух, очищенный грозой, был напоен ароматами влажной земли и свежести.

Элия проснулась от того, что в окно настойчиво стучал яркий солнечный луч. Свет заливал комнату, превращая пылинки в воздухе в крошечные танцующие искры. Небо было пронзительно-голубым, без единого облачка. Солнце уже поднялось достаточно высоко, и его тепло мягко согревало остывшие за ночь стены дома. Снаружи доносилось бодрое щебетание птиц и далекий, успокаивающий шум.

От ночного ужаса не осталось и следа, если не считать огромной тени от рухнувшей ивы, которая теперь в мирном свете дня выглядела просто кучей дров. С кухни донесся аппетитный запах жареного хлеба и свежего молока. Вскоре в дверях показалась Марта, выглядевшая на удивление бодро.

— Вставай, соня! — провозгласила няня, вытирая руки о передник. — Солнце уже всю печет, а ты всё в подушках. Иди завтракать, я блинов напекла, как ты любишь, с липовым медом.

Элия нехотя поднялась и спустилась вниз. Вид румяных блинов и улыбающейся Марты должен был успокоить её, но ночные видения всё еще стояли перед глазами. Она присела к столу, механически намазывая мед на блин, но аппетита не было.

— Марта, — тихо начала она, не поднимая глаз. — Ночью... мне показалось, будто во дворе кто-то был. Прямо у поваленного дерева. Я даже выходила проверить, но там никого.

Рука Марты, разливавшая молоко, на мгновение дрогнула, и белая струя плеснула мимо кружки.

— Ох, деточка, опять ты за свое, — няня быстро вытерла стол, но голос её прозвучал неестественно бодро. — В такую грозу чего только не привидится. Тени от молний, ветер ветки качает — вот тебе и «кто-то». Ты лучше ешь, силы тебе сегодня понадобятся. Отец вот-вот приедет, надо будет иву разбирать.

Марта снова заговорила о делах, намеренно шумя посудой. Элия смотрела, как няня суетится, пытаясь скрыть волнение за звоном тарелок, и понимала, что правды здесь не добьешься. Тяжесть на груди и странный зуд в плече гнали её прочь из душного дома. Ей нужно было пространство, чтобы осмыслить всё, что произошло за это утро.

— Марта, погода прекрасная, — тихо, но твердо произнесла Элия, поднимаясь из-за стола. — Пойду в лес, прогуляюсь до ручья. Мне нужно освежить голову, прежде чем отец вернется и мы начнем разбирать ту иву.

Марта замерла с полотенцем в руках, и страх в её глазах вспыхнул с новой силой.

— В лес? Сейчас? — голос няни дрогнул. — Деточка, после такой бури там всё развезло, ветки падают... Куда тебя несет? Сиди дома, скоро отец будет!

— Я ненадолго, Марта. Только до опушки и обратно, — Элия уже накидывала свой дорожный плащ. — Лес после грозы всегда спокойнее, чем люди.

Она не стала ждать новых возражений и вышла за дверь. Няня что-то кричала ей вслед, но Элия уже не слушала. Её манили тени деревьев, которые вчера казались враждебными.

Лес встретил её запахом мокрой хвои и прелой листвы; под ногами хлюпала грязь, но Элия шла уверенно, ведомая странным чувством в груди.

Чем дальше она уходила от фермы, тем теплее становилось на душе. Птицы, так весело певшие во дворе, здесь словно затаились, и только звук её собственных шагов нарушал покой чащи. Было такое чувство, что за ней наблюдают не только лесные обитатели, и что эта прогулка станет началом её долгого пути.

Элия шла вглубь леса, наслаждаясь тишиной, которая установилась после ночного хаоса. Лучи солнца пробивались сквозь густую листву, создавая на земле причудливую мозаику из света и тени. Она старалась не думать о странном поведении Марты, просто вдыхая прохладный лесной воздух. Она как раз вышла к небольшой поляне, когда лес вокруг внезапно затих.

Птицы, только что заливавшиеся трелями, разом смолкли, и даже шелест листвы прекратился. Элия остановилась, чувствуя, как по затылку пробежал знакомый холодок.

Из густой тени старых дубов на другом конце поляны медленно, словно само воплощение мрака, вышел конь. Он был угольно-черным, а его шкура лоснилась от влаги. На нем сидел всадник. Он не был похож на местных жителей или торговцев, которых она видела в городе. Высокий, облаченный в темные кожаные доспехи и тяжелый плащ, он сидел в седле с пугающим изяществом. Его лицо было бледным, а черные волосы растрепал ветер. Когда он поднял голову, Элия замерла. Его глаза, пронзительные и холодные, мерцали тем самым фиолетовым светом, который она видела в своих снах. В этом взгляде не было ярости — только ледяное спокойствие и странное, пугающее узнавание. Он смотрел прямо на неё, и Элия почувствовала, что её ноги словно приросли к земле. Всадник не спешил слезать с коня. Он просто направил коня на шаг ближе к ней. Хруст сухой ветки под копытом прозвучал в тишине как гром.

— Ты долго пряталась в этом золотом поле, — голос незнакомца был низким и вибрирующим, он словно шел отовсюду сразу. — Но тени всегда находят то, что принадлежит им по праву.

Элия попятилась, сердце её колотилось так сильно, что заглушало шум крови в ушах. Она не понимала, о чем он говорит. Страх, острый и холодный, наконец прорвал оцепенение.

Элия резко развернулась и бросилась прочь с поляны, не разбирая дороги. Ветки хлестали её по лицу, мокрая трава путалась под ногами, а сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Она бежала так, словно за ней гналась сама смерть.

— Стой! — громовой голос всадника заставил лес содрогнуться. — Неужели ты не хочешь узнать, зачем я наблюдал за тобой все это время? Неужели тебе не интересно, почему женщина в доме прячет глаза, когда ты задаешь вопросы? От правды не убежишь на этой ферме! Его слова ударили ей в спину, как физический толчок.

На мгновение Элии захотелось остановиться, обернуться и выкрикнуть все те вопросы, что жгли её изнутри. Но первобытный ужас оказался сильнее любопытства. Она не оглянулась. Она знала, что если посмотрит назад, то увидит эти фиолетовые глаза слишком близко.

Элия перепрыгивала через поваленные стволы и продиралась сквозь колючий кустарник, чувствуя, как легкие обжигает воздух. Грязь летела из-под подошв, пачкая подол платья, но она видела перед собой только одно — просвет между деревьями, за которым начиналось её родное поле. Голос всадника всё еще доносился до неё, становясь тише, но не теряя своей властной силы: каждую её попытку оправдаться. Элия вылетела из леса на дорогу, едва не упав на колени.

Она бежала к ферме, задыхаясь, чувствуя, как пот заливает глаза. Дом, который раньше казался ей скучным и тесным, теперь был единственной надеждой на спасение. Она ворвалась во двор, едва не сбив с ног Марту, которая как раз вышла на крыльцо.

— Дочка! Что случилось? На тебе лица нет! — вскрикнула няня.

Элия стояла на крыльце, согнувшись пополам и судорожно хватая ртом воздух. Грудь жгло, а сердце колотилось о ребра с такой силой, что, казалось, его стук слышен даже в лесу.

Она мельком заметила испуганные глаза Марты, почувствовала, как дрожат руки няни, и в этот момент в голове щелкнула спасительная мысль: *нельзя говорить правду*. Если она расскажет о всаднике, о его фиолетовых глазах. Корее всего пойдут вопросы. Ей отчаянно хотелось, чтобы это утро осталось обычным.

Элия заставила себя выпрямиться и выдавила дрожащую улыбку. Она смахнула со лба прядь мокрых волос, пытаясь унять дрожь в пальцах.

— Всё... всё в порядке, Марта, — выдохнула она, стараясь, чтобы голос не сорвался. — Просто... большая птица.

— Птица? — недоверчиво переспросила няня, осматривая её разодранный подол. — Ты бежала так, будто за тобой гналась стая волков!

— Да, — Элия нервно рассмеялась, и этот смех прозвучал фальшиво даже для неё самой. — Из-за кустов выпорхнул огромный филин, прямо мне в лицо. Гроза, наверное, его напугала, вот он и обезумел. Я так подпрыгнула от неожиданности, что споткнулась и... в общем, померещилось мне черт знает что. Ты же знаешь, какая я трусиха тем более после вчерашнего. Она прошла мимо Марты в дом, намеренно не глядя ей в глаза.

Девушка чувствовала, как няня провожает её подозрительным взглядом.

— Померещилось, говоришь? — тихо пробормотала Марта, прикрывая дверь на тяжелый засов. — Ишь, как разогналась из-за птицы-то.

Элия подошла к умывальнику и плеснула холодной водой в лицо. Вода смыла грязь и пот, но она не могла смыть ощущение того ледяного голоса в ушах.

— Это просто галлюцинация, — твердила она себе, вытирая лицо полотенцем. — Просто усталость.

Элия обернулась к Марте, стараясь выглядеть как можно более обыденно.

— Папа еще не вернулся? Мне нужно... мне нужно переодеться. Глупо вышло. Больше не пойду в лес одна, пока всё не подсохнет. Она начала направляться к себе в комнату, чувствуя на спине тяжелый взгляд няни.

Элия знала: она только что солгала самому одному из близких ей людей, и эта ложь легла на её сердце тяжелым камнем. Но еще больше её пугало то, что всадник, скорее всего, всё еще стоит там, на опушке, и ждет, не вернется ли она обратно.

После того как Элия смыла ледяную воду с лица и спрятала дрожь рук от пронизательного взгляда Марты, она решила, что лучшее лекарство от безумия — это обыденность. Натянув чистое платье и покрепче затянув корсаж, она подхватила корзину и отправилась на городской рынок.

Рынок встретил её многоголосьем, криками зазывал и резкими запахами: здесь смешивались ароматы свежесрезанной мяты, соленой рыбы и разогретой на солнце пыли. Элия намеренно шла в самую гущу толпы. Ей казалось, что если она окружит себя людьми, то ледяной шепот в ушах наконец замолкнет.

Здесь, среди запахов печеного хлеба, свежего сена и овечьей шерсти, её страх казался чем-то неуместным. Люди толкались, спорили из-за медных монет, смеялись — мир жил своей привычной, земной жизнью.

Элия остановилась у лавки старого булочника. Тот, как всегда, улыбнулся ей, обнажив щербатый рот, и протянул теплую булку. Она коснулась монеты в кармане, и на мгновение нытье в плече утихло. Вот она — реальность», — подумала она. — Хлеб, солнце, шум толпы. Затем она остановилась у лотка старой травницы, долго выбирая пучки сушеного шалфея, прислушиваясь к тому, как монеты позвякивают в кошельке. Этот звук был земным, надежным. «Смотри, — твердила она себе, — люди торгуются из-за пучка укропа, вон там мальчишка украл яблоко и удирает от лавочника. Мир прежний. Никаких всадников. Никаких голосов». Но чем дальше она шла мимо пестрых рядов, тем сильнее её охватывало чувство, что она находится внутри стеклянного шара. Звуки рынка внезапно стали доноситься как из-под воды.

Элия остановилась у прилавка с тканями. Её взгляд упал на рулон лилового бархата. Ткань была такой глубокой по цвету, что казалась почти черной в складках. Она протянула руку, чтобы коснуться её, и в этот миг плечо прошила острая, колючая боль.

Она резко обернулась. На другом конце торгового ряда, за спинами смеющихся горожан, стоял человек. Он выделялся на фоне пестрого рынка, как чернильное пятно на чистом листе. Высокий, в тяжелом темном плаще, он не двигался. Капюшон скрывал лицо, но Элия

почувствовала его взгляд — тяжелый, лишенный тепла, изучающий. Ей показалось, что воздух вокруг этого незнакомца задрожал, как над раскаленной дорогой. Люди проходили мимо него, задевая плечами, но никто не оборачивался, словно он был невидим для всех, кроме неё.

Сердце Элии пустилось вскачь. Она бросила выбранный шелк, не глядя на удивленного торговца, и схватилась за ручку корзины так крепко, что костяшки побелели.

Элия почти летела, не разбирая дороги. Рыночная площадь, еще минуту назад казавшаяся умиротворением, вдруг превратилась в лабиринт из острых локтей, крикливых голосов и пугающих теней.

Она рванулась вперед, опрокинув лоток с яблоками. Спелые плоды брызнули под ноги прохожим, но Элия даже не обернулась. Грохот собственного сердца в ушах заглушал ругань торговца. Ей казалось, что если она остановится хоть на секунду, ледяная рука незнакомца опустится ей на плечо.

Знакомые улочки городка вдруг стали чужими. Стены домов, выкрашенные в теплые цвета, в лучах солнца начали приобретать зловещий, фиолетовый оттенок. Тени от карнизов удлинились, вытягиваясь по мостовой, словно костлявые пальцы, пытающиеся схватить её за щиколотки. Ноющее плечо теперь горело так, словно под кожу вогнали раскаленную иглу. С каждым резким движением боль пульсировала, отдаваясь в висках.

Элия прижимала корзину к груди, как щит, чувствуя, как холодный пот катится по спине. Она свернула в узкий проулок, где пахло сыростью и старым камнем. Здесь было тише, и от этой тишины становилось еще страшнее. Топот её собственных туфель по булыжнику казался слишком громким. Ей чудилось, что за спиной раздается еще один шаг — тяжелый, размеренный, нечеловечески четкий. Она оборачивалась на ходу, задевая плечом шершавые стены, но видела лишь пустые подворотни и обрывки тумана, выползающего из канав.

Воздуха катастрофически не хватало. Легкие горели, а горло сдавило спазмом, словно тот ледяной голос из леса теперь затягивал невидимую петлю.

Когда впереди показалась знакомая калитка их сада, Элия едва не вскрикнула от облегчения. Она пронеслась через сад, не замечая цветов, которые сама так любили поливать. Она влетела на крыльцо, рванула на себя тяжелую дверь и, оказавшись внутри, тут же задвинула засов. Громкий шелчок железа прозвучал для неё как финальная точка.

Она привалилась спиной к дубовым доскам, тяжело дыша и закрыв глаза.

— Элия? Ты чего так несешься? — раздался спокойный голос Марты из кухни.

Элия не ответила. Когда за ней закрылась дверь комнаты, Элия присклонилась лбом к дверям:

—Что за день? Прошептала она

Глава 2.

Элия стояла, прижавшись лбом к прохладному дереву двери, пока колотье в груди не начало утихать. Голос Марты на кухне, звон посуды — всё это должно было успокаивать, но страх с рынка всё еще сидел занозой в сердце.

— Элия! — снова крикнула няня. — Хватит там столбом стоять. Лукас пришел, уже полчаса во дворе доски ворочает. Сказал, нечего девке сапоги о щепки рвать, сам иву раскидает. Выйди хоть, спасибо скажи, а то парень скоро в землю вратет от усердия.

Элия вздрогнула. Лукас. Только его ей сейчас не хватало. Она быстро вытерла лицо, поправила сбившийся платок и, глубоко вздохнув, вышла на заднее крыльцо. Во дворе было душно и влажно. Солнце нещадно палило мокрую землю, поднимая от неё тяжелый пар. Посреди завала из ветвей ивы, тяжело дыша, стоял высокий широкоплечий парень в перепачканной сажей рубахе. Его светлые волосы слиплись от пота, а на щеке красовался свежий след от древесной коры. Завидев Элию, он тут же выпрямился, пытаясь придать себе независимый вид, но широкая, немного смущенная улыбка выдала его с потрохами.

— А, Эл! — он вытер лоб тыльной стороной ладони, оставив на нем черную полосу. — Я тут это... шел мимо, гляжу — иву вашу бурей приложило. Думаю, дядя Кайл в городе, Марта одна не справится, ну и... в общем, я тут подсоблю.

Он подхватил тяжелый сук, который Элия вряд ли смогла бы даже сдвинуть, и с коротким кряканьем отбросил его в сторону.

— Спасибо, Лукас, — тихо сказала она, спускаясь со ступенек. — Ты бы не надрывался, я бы и сама потихоньку...

— Сама? — Лукас весело фыркнул, вонзая топор в толстое полено. — Работа то тяжелая только для взрослого мужика. Ты лучше придержи вот эту ветку, а я её обрублю.

Элия подошла ближе. Запах свежей древесины и пота Лукаса на мгновение вытеснил аромат озона, преследовавший её. Она ухватила за мокрую ветку, стараясь не смотреть на то место, где вчера в белом свете молнии ей почудился Всадник.

— Ты какая-то бледная сегодня, Эл, — Лукас остановился, внимательно глядя на неё своими простыми, ясными глазами. — На рынке что ли перегрелась? Или гроза напугала? Говорят, в лесу птицы с ума сходили, кричали как резаные.

— Просто... голова болит, — соврала она, сильнее сжимая ветку. — Слишком много шума.

— Это всё духота, — уверенно заявил Лукас, снова принимаясь за работу. — Вот разберем этот хлам, я к ручью схожу, окуней наловлю. Хочешь, вечером занесу? Мать пирогов пекёт, говорит, Элии надо сил набираться, а то совсем прозрачная стала.

Он говорил о пирогах, о рыбалке, о том, что у его отца в кузнице опять забарахлил мех — о тысяче мелочей, из которых состояла их жизнь. Элия слушала его, и ей почти удалось поверить, что мир всё еще прежний. Что нет никаких карт в потайных ящиках, нет людей в черных плащах, которые не отражаются в глазах прохожих.

Но когда Лукас, размахнувшись, с треском перерубил очередной сук, Элия вдруг замерла. Под обломками ивы, там, где ствол вонзился в землю, она увидела нечто странное. Земля была не просто разворочена — она была словно выжжена, а среди корней поблескивал осколок чего-то фиолетового, похожего на застывшую молнию.

— Гляди-ка, — Лукас тоже заметил блеск и нагнулся, чтобы поднять находку. — Камень какой-то странный. На обсидиан похож, только светится как-то... не по-нашему.

— Не трогай! — почти вскрикнула Элия, хватая его за руку.

Лукас замер, удивленно глядя на неё. Его ладонь была горячей и мозолистой — ладонь человека, который привык к железу и огню, но не к магии.

— Ты чего, Эл? Это просто стекляшка...

— Выбрось это, Лукас. Пожалуйста, — её голос задрожал. — Это дурной знак. Отец говорил, молния может оставлять после себя проклятые.

Лукас нахмурился, глядя то на камень, то на испуганное лицо девушки. Ему явно хотелось поспорить, посмеяться над суеверием, но, увидев настоящую мольбу в её глазах, он просто отшвырнул осколок далеко в кусты.

— Ладно, ладно. Раз проклятый — пусть там и лежит. Не хватало еще, чтоб ты из-за камня в обморок упала.

Он снова взялся за топор, но прежней легкости в разговоре уже не было. Элия чувствовала, как между ними растёт невидимая стена. Лукас был здесь, рядом, он был живым и надежным, но он не видел того, что видела она. Для него мир был простым и понятным, а для неё — он начал рассыпаться на части, и даже самый верный друг не мог удержать эти осколки вместе.

— Пойду воды принесу, — прошептала она, отпуская ветку. — Ты, наверное, пить хочешь...

Не дожидаясь ответа она почти побежала к дому, чувствуя на своей спине недоуменный взгляд Лукаса. Плечо снова зануло — теперь уже не тупо, а остро, как будто фиолетовый осколок в корнях ивы звал её, напоминая: время прятаться закончилось.

Элия вернулась в дом, руки всё ещё подрагивали, а в ушах стоял звук топора, методично вгрызающегося в древесину. Она остановилась у окна, наблюдая, как Лукас, не жалея сил, расправляется с поваленным великаном. Работа во дворе шла своим чередом. Лукас оказался прав — в одиночку она бы не справилась и к вечеру. Парень действовал споро: он ловко обрубал мелкие сучья, складывая их в аккуратные кучи для растопки, а толстые ветви распиливал на чурбаки.

Элия вышла на крыльцо и протянула ему воду. Лукас жадно припал к ковшу, и она видела, как по его загорелой шее бегут капли.

— Хороша водица, — выдохнул он, утираясь рукавом. — Слышь, Эл, я почти закончил. Проход теперь свободный, повозка дяди легко проедет. Осталось только комель в сторону оттащить, но тут мне без лошади не обойтись.

— Отец скоро будет, да. — ответила она, стараясь придать голосу уверенности. — Наверное, уже к лесу подъезжает.

— Ну и славно. А то Марта ворчит, что крыша в амбаре подтекает, надо бы глянуть, пока следующая туча не набежала.

Лукас снова взялся за дело. Элия встала рядом, подбирая щепки и складывая их в подол. Это была привычная, понятная работа. Здесь, под жарким солнцем, под ворчание соседа и стук инструмента, страхи ночи и рынка казались нелепыми выдумками. Она смотрела на свои руки, перепачканные в соке ивы и пыли, и думала о том, что скоро вернется отец, они пообедают, и завтрашний день будет точно таким же, как вчерашний.

К полудню двор преобразился. Основная часть ивы была разобрана и сложена у забора. Лукас, уставший, но довольный, обмыл руки у колодца.

— Ну, я пойду, Эл, — сказал он, надевая свою серую жилетку. — Мать ждет к обеду. Если дядя до вечера не управится с комелем, позови — я приду с нашим Сивкой, подцепим и оттащим.

— Спасибо тебе, Лукас. Правда.

Парень замаялся на мгновение, потянулся было, чтобы взъерошить ей волосы, как делал в детстве, но почему-то передумал и просто махнул рукой на прощание. Когда его широкая спина скрылась за поворотом дороги, на ферме воцарилась тишина. Лишь куры лениво копошились

в пыли, да Марта на кухне начала напевать какую-то бесконечную заунывную песню. Элия присела на порог дома.

Зной стал почти осязаемым. Она смотрела на пустую дорогу, ведущую к городу. На горизонте, там, где небо встречалось с «морем воспоминаний», застыло дрожащее марево. «Он скоро приедет», — повторила она про себя. «Он приедет, привезет новости, муку и, может быть, ту синюю ленту, о которой я просила». Она прикрыла глаза, слушая, как стрекочут кузнечики. Сейчас мир был простым. Просто лето. Просто тишина. Просто ожидание близкого человека. И в этой минуте покоя.

Элия медленно поднялась с порога. Ей вдруг остро захотелось ощутить это пространство — чистое, свободное от завалов, которые ещё утром казались ей непреодолимой стеной. Она стряхнула пыль с подола и побрела в сторону ворот, подставляя лицо жаркому солнцу. Лукас потрудился на славу. Дорожка, ведущая от крыльца к дороге, была тщательно очищена: даже мелкие щепки были прибраны, и только свежие зарубки на земле напоминали о том, где лежали тяжелые ветви. Запах свежей древесины здесь был особенно сильным — сладкий, терпкий аромат ивового сока смешивался с запахом сохнувшей травы.

Она шла не спеша, наслаждаясь тем, как босые ноги касаются прогретой земли. Страх, который гнал её по этой же дороге вчера, теперь казался просто дурным сном, рожденным духотой перед грозой. Вот то место, где она споткнулась и упала в лужу — теперь здесь была лишь подсыхающая темная отметина в дорожной пыли. Она дошла до самых ворот. Створки, которые ещё вчера жалобно скрипели под напором ветра, теперь стояли широко распахнутыми. Элия провела рукой по старой древесине ворот: дерево было горячим от солнца, а его поверхность — шершавой и надежной. Она вышла за пределы двора и остановилась на обочине грунтовой дороги. Пшеница по обе стороны стояла неподвижно — золотое море, застывшее в полуденном зное. Ни единого всплеска, ни единого шороха, кроме мерного жужжания шмелей над полевыми цветами. Элия посмотрела вдаль. Дорога уходила к самому горизонту, теряясь в дрожащем мареве. Она была пуста. Ни людей, ни теней — только бесконечный покой. «Вот видишь, — прошептала она себе под нос, — всё на своих местах».

Она присела на поваленный Лукасом комель, который теперь лежал в стороне от проезда, как поверженный великан. Плечо окончательно успокоилось, и даже то самое «чувство несоответствия» притушилось. Сейчас она была просто крестьянской девушкой, которая ждет отца с рынка, чтобы вместе сесть за стол, поесть свежего хлеба и обсудить, как лучше пустить на дрова старую иву.

Вдалеке снова послышался ропот — тот самый звук моря воспоминаний, который всегда успокаивал её. Но сейчас он звучал как-то особенно ласково, словно убаюкивая. Элия прикрыла глаза, чувствуя, как спокойствие разливается по телу. Она сидела так несколько минут, погруженная в дремоту полдня. Мир был гармоничен: в нём не было места героям баллад или древним пророчествам. Была только работа, семья и эта золотая пыль, танцующая в лучах света.

Элия уже собиралась встать, когда её взгляд зацепился за вспышку необычного цвета в густой траве у самой обочины. Там, среди обычных белых ромашек и пыльного подорожника, распустился цветок, которого она раньше никогда не видела в этих краях. Это был крупный колокольчик глубокого лазурного цвета, почти светящийся на фоне золотой пшеницы. Его лепестки казались плотными, как дорогой шелк, а в самой глубине чашечки дрожала крупная капля росы, чудом не высохшая под палящим солнцем. Элия спрыгнула с бревна и опустилась на корточки перед растением.

— Какой ты красивый... — прошептала она. Цветок слегка покачивался на тонком, но крепком стебле, словно кивая ей в ответ. Элия протянула руку, чтобы сорвать его. Она представила, как изящно он будет смотреться в старой глиняной вазе на обеденном столе. Марта

наверняка ворчливо заметит, что «от цветов сытости не прибавится», но всё равно улыбнется, глядя на эту яркую каплю неба в их скромном доме.

Когда её пальцы коснулись прохладного стебля, Элия на мгновение замерла. От растения исходила странная, почти неосязаемая свежесть, которая на секунду отогнала полуденный зной. Ей на миг показалось, что она слышит тонкий, едва уловимый звон, исходящий от лепестков, но это наверняка был просто гул шмеля где-то неподалеку.

Она осторожно надломилась стебель. Цветок оказался на удивление податливым. Прижав его к груди, Элия почувствовала тонкий, едва заметный аромат — не сладкий, как у роз, а скорее терпкий, пахнувший горным ветром и чистотой. «Папе понравится», — подумала она, поднимаясь на ноги. — «Он всегда говорит, что красота в мелочах помогает забыть о тяжести дня». С цветком в руке Элия не спеша пошла обратно к дому. Теперь, когда дорога была чиста, а подарок для стола — найден, ожидание отца стало совсем легким. Она видела, как из трубы кухни потянулся первый ленивый дымок — Марта, должно быть, уже поставила котелок на огонь.

Мир был полон покоя. Элия шла по дорожке, вертя в пальцах лазурный колокольчик, и чувствовала себя частью этого ясного, золотого дня. Тишина в доме стала густой и уютной, наполненной ароматами наваристых щей и свежего укропа. Ожидание затягивалось, и солнце, миновав зенит, начало медленно сползать к западным холмам. Желудок Элии предательски заурчал, напоминая, что завтрак был давно, а работа в поле отняла много сил. Марта, прислушавшись к тишине двора и не уловив знакомого скрипа колес, решительно хлопнула ладонями по коленям.

— Ну, ждуть — только аппетит портить, — рассудила она, поднимаясь. — Кайл, видать, на тракте задержался, дело торговое — оно такое: то колесо подведет, то знакомец встретится. Негоже еде остывать, а нам — голодом мориться. Садись, Элия.

Они сели друг напротив друга за дубовый стол, посреди которого в глиняной кружке гордо сиял лазурный цветок. Марта зачерпнула большой поварешкой густую похлебку и разлила её по мискам. Пар поднялся над столом, окутывая их запахом томленного мяса и корней. Элия взяла ложку, но на мгновение замерла, глядя на пустое место во главе стола.

— Ешь, ешь, — подбодрила её няня, отламывая кусок хлеба. — Отец приедет — мы ему в печи миску оставим, будет горячее, будто только из котелка.

Ели они неспешно, как и положено после тяжелого утра. Слышно было только мерное постукивание деревянных ложек о края мисок да хруст соленых огурцов. Горшечный жар приятно разливался по телу, снимая остатки усталости.

— Хороши сегодня щи, — заметила Элия, обмакивая корочку в наваристый бульон. — С кислинкой, как папа любит.

— Старалась, — кивнула няня. — А цветок твой, гляди-ка, и впрямь будто светится. Уж не знаю, правда ли про звезды, а только на душе от него как-то спокойнее.

Постепенно разговор перетек на обычные домашние дела. Они обсуждали, сколько мешков муки нужно попросить хозяина дома привезти в следующий раз и не пора ли собрать вишню в саду, пока птицы её не обнесли. Лукас, ива, предстоящий сбор урожая — всё это обсуждалось так мирно и буднично, что тревоги вчерашнего дня окончательно растворились в тепле кухни. Элия доела свою порцию и с удовольствием откинулась на спинку скамьи. В окне всё так же безмятежно сияло лето. Насыщенный обед и монотонный голос Марты убаюкивали.

— Вот увидишь, — Марта начала убирать пустую посуду, — не успеем мы чай допить, как твой цветок зазвенит, и батюшка твой на пороге покажется.

На столе остались лишь крошки хлеба и кружка с синим цветком, который в лучах заходящего солнца стал казаться почти прозрачным. Чувство сытости и безопасности было полным. Элия чувствовала себя защищенной этими стенами, этой старой няней и самой тишиной мирного дома.

Тишина послеобеденного часа была прервана не тяжелым рокотом отцовской повозки, а дробным, суетливым стуком в калитку. Элия, собиравшаяся было прикрыть глаза, встрепнулась.

— Ну вот, легок на помине! — воскликнула Марта, вытирая руки о фартук. — Видать, не дотерпел твой колокольчик, раньше времени зазвенел.

Элия первой выбежала на крыльцо. У ворот, придерживая за узду невысокую серую лошадку, стоял старый Томас — их сосед, чья ферма располагалась ближе всего к городскому тракту. Он выглядел запыленным и запыхавшимся, но на его лице не было тревоги, лишь привычная ворчливость старика, которого заставили сменить маршрут.

— Эй, хозяйки! — крикнул он, завидев Элию. — Живы-здоровы?

— Живы, дядя Томас! — Элия подбежала к воротам. — А отец где? Не с вами?

Старик усмехнулся, доставая из-за пазухи небольшой сверток, перевязанный грубой бечевкой.

— Да куда там со мной. Встретил я Кайла на перекрестке, у «Кривого ручья». Повозка у него целехонька, и сам бодр, да только дело вышло. Торговый караван из южных земель пришел раньше срока, и мукомолы его упростили остаться — говорят, зерно нынче в цене, надо успеть бумаги подписать, пока перекупщики не набежали. Томас протянул сверток Элии. — Просил передать, чтоб не волновались. Заночует он на постоялом дворе у старого Ганса, а завтра с первым лучом выедет. К обеду, говорит, ждите с полными закромами. А это тебе — велел вручить лично в руки, чтоб не скучала.

Элия с облегчением выдохнула. Тяжесть, которая подспудно еще сидела где-то глубоко внутри, окончательно испарилась. Всё было хорошо. Просто торговля, просто дела. Она развязала бечевку. Внутри, бережно обернутая в чистую ветошь, лежала та самая синяя лента, о которой она просила, и небольшая головка сладкого сыра в восковой корке.

— Видишь, — подошедшая Марта мягко положила руку ей на плечо, — я же говорила. Жив-здоров наш хозяин. А дела — это хорошо, значит, зима будет сытой.

Томас отказался от чая, сославшись на то, что его собственные коровы еще не доены, и, пожелав доброго вечера, уехал. Элия закрыла ворота на засов — не от страха, а по привычке.

Вечер обещал быть тихим. Солнце уже начало окрашивать пшеничные поля в багряные тона, и жара постепенно спадала, уступая место приятной прохладе. Элия вернулась в дом, прижимая к себе отцовский подарок.

— Ну что, — Марта улыбнулась, кивнув на лазурный цветок в кружке, — правду сказал твой колокольчик. Вести добрые. Давай-ка чаю заварим с мятой, да и спать ляжем пораньше. Завтра день будет длинный — отца нужно будет встречать.

Мир вокруг фермы погружался в сумерки. Спокойные, земные сумерки, где самой большой заботой была протекающая крыша амбара. Элия вышла на крыльцо, вдыхая полной грудью прохладный вечерний воздух. Сад, умытый вчерашней грозой и согретый дневным солнцем, теперь отдавал всё своё накопленное тепло в виде густых, пьянящих ароматов. Ночные фиалки распустилась во всю силу, наполняя сумерки сладким, тягучим запахом. Она присела на старую деревянную скамью под яблоней. Тишина вокруг была абсолютной, нарушаемой лишь редким сонным чириканьем птицы да далеким, едва слышным шелестом «моря воспоминаний».

Элия распустила волосы, и они тяжелой светлой волной упали ей за спину. Достав из кармана отцовский подарок, она развернула синюю ленту. Ткань оказалась удивительно нежной, прохладной на ощупь — цвета предрассветного неба. Элия начала медленно и методично заплетать косу, вплетая в неё обновку. Пальцы двигались привычно, уверенно. В этот миг всё, что произошло утром казалось ей не более чем обрывками старого сна, который забываешь сразу, как только переступаешь порог освещенной солнцем кухни. Страх, который гнал её по дорогам, окончательно выветрился, сменившись глубоким, умиротворяющим чувством дома. С отцом всё хорошо. Он жив, он весел, он торгует зерном и думает о ней. Это была единствен-

ная важная правда. Завязав тугой бант на конце косы, Элия провела по нему рукой. Она представила, как завтра выбежит встречать повозку, и синяя лента будет мелькать среди золотой пшеницы, указывая отцу путь домой.

— Просто длинный день, — прошептала она, улыбаясь звездам, которые начали одна за другой проступать на небосклоне. — Просто воображение разыгралось.

Она закинула косу за спину и на мгновение закрыла глаза, прислушиваясь к звукам ночного сада. Плечо, которое так настойчиво ныло весь день, теперь молчало. Внутри неё не осталось ни тревоги, ни предчувствий — только тихая радость и ожидание завтрашнего обеда.

Элия поднялась со скамьи, ощущая приятную прохладу вечерней росы на коже. Новая лента в косе казалась ей маленьким талисманом, обещанием того, что завтрашний день будет таким же ясным и спокойным. Она уже коснулась рукой перил крыльца, собираясь войти в уютное тепло дома, когда из густых сумерек у забора донесся негромкий, чуть хрипловатый голос:

— Эл, постой!

Девушка вздрогнула и обернулась. Из тени старой яблони, мягко ступая по примятой траве, вышел Лукас. В руках он держал небольшое ведерко, накрытое чистой рогожей. В лунном свете его фигура казалась еще массивнее, а лицо — непривычно серьезным.

— Лукас? — выдохнула Элия, прижимая руку к груди. — Ты напугал меня. Что ты здесь делаешь в такой час?

Парень остановился в паре шагов, неловко переминаясь с ноги на ногу. Он выглядел умытым, в чистой рубахе, от которой пахло щелоком и свежестью.

— Да я это... — он протянул ей ведерко. — Сходил всё-таки к ручью, как обещал. Окунь сегодня знатные, жирные. Мать велела занести, говорит, Марте на уху в самый раз будет. А то дядя Кайл завтра придет голодный, а у вас — свежая рыба.

Элия приняла ведерко, чувствуя его тяжесть и приятную прохладу.

— Спасибо, Лукас. Маме твоей передай благодарность. Ты из-за этого так поздно пришел?

Лукас замялся, глядя куда-то в сторону пшеничного поля.

— Не только. Всё думал, как ты тут... после того камня у ивы. Ты так в дом убежала, будто призрака увидела. Я потом еще раз в те кусты заглянул, куда его забросил, — хотел убедиться, что он там и лежит. Он поднял взгляд на Элию и вдруг заметил новую синюю ленту в её волосах. Его глаза на мгновение потеплели. — Красивая лента, — негромко сказал он. — Тебе идет. Синий — это твой цвет, Эл. Словно ты частичку неба в косу вплела.

Элия невольно коснулась банта на конце косы и улыбнулась — впервые за вечер искренне и открыто.

— Это папа прислал. С соседом Томасом передал. Он задержится до завтра, дела в городе.

— Ну, раз твой отец восточку подал, значит, и впрямь зря ты тревожилась, Лукас облегченно вздохнул, и его широкие плечи наконец расслабились. — А то я уж думал, мало ли что тебе почудилось. Теперь спи спокойно. Я завтра поутру еще загляну, комель ивовый помогу дяде оттащить. Он постоял еще секунду, словно хотел добавить что-то важное, но лишь коротко кивнул и направился к калитке. — Доброй ночи, Эл! — донеслось уже из-за забора.

— Доброй ночи, Лукас! — отозвалась она.

Элия вошла в дом, неся в руках тяжелое ведерко с рыбой. Мир вокруг был наполнен простыми человеческими заботами: рыбой для ухи, помощью соседа и синими лентами. Она заперла дверь на щеколду и почувствовала, как сонливость окутывает её — мягкая, густая и совершенно мирная. Она вошла на кухню, аккуратно пристроив тяжелое ведерко с окунями у порога. Марта, уже собиравшаяся задуть свечу, удивленно вскинула брови, глядя то на рыбу, то на размякшуюся племянницу с новой лентой в косе.

— Батюшки, это откуда же такое богатство приплыло? Неужто рыба сама на берег выбрасываться стала? — усмехнулась няня, подходя ближе и заглядывая под рогожу.

— Это Лукас занес, — Элия принялась развязывать ленты фартука, стараясь не смотреть Марте в глаза. — Сказал, на ручье сегодня знатный улов. Мать его велела передать, чтобы мы к приезду отца уху сварили.

Марта замерла, покровительственно склонив голову набок. На её губах заиграла та самая лукавая улыбка, которую Элия знала с детства — предвестница долгих разговоров и беззлобных поддразниваний.

— Ишь ты, мать велела! — Марта всплеснула руками и присела на край скамьи. — Послушать его, так бедная жена кузнеца только и думает, как бы нас рыбой завалить. А то, что парень после целого дня с топором у ивы еще и на ручей побредмя по колено в воде торчать — это, конечно, исключительно из почтения к твоему батюшке!

— Ну, он просто добрый сосед, Марта... — Элия почувствовала, как щеки начинают гореть.

— Добрый, добрый, — закивала няня, хитро прищурившись. — Такой добрый, что скоро к нашему крыльцу тропинку лаптями протрет глубже, чем тележная колея. Ты видела, как он на иву ту набросился? Щепки летели, будто он не дерево рубил, а змея подколодного, который тебе дорогу преградил. Марта потянулась к кружке с лазурным цветком и поправила его лепестки. — И ленту твою новую, небось, оценил? Небось, стоял, рот разинув, и бормотал что-то про красоту небесную? Знаю я этих кузнецовых сыновей — руки в саже, а сердце из воска, стоит тебе улыбнуться.

Элия не выдержала и тихо рассмеялась, присаживаясь рядом. Напряжение дня окончательно ушло, сменившись этой легкой, домашней болтовней.

— Он сказал, что синий — мой цвет, — призналась она, накручивая кончик косы на палец. — И что завтра придет комель оттаскивать.

— Ну еще бы не пришел! — Марта весело фыркнула. — Дай ему волю, он бы и забор нам перекрасил, и колодец заново вырыл, лишь бы ты лишний раз в ведро заглянула. Хороший парень, Элия. Крепкий, как дуб, и верный, как пес. Таких в городе не сыщешь, там всё больше хлыщи в шелках, а тут душа нараспашку. Няня поднялась и ласково потрепала Элию по плечу. — Ладно, деточка моя. Рыбу я в холодный погреб спущу, а ты иди спать. А то завтра Лукас придет спозаранку помогать, а помощница-то и глаз не продрала.

Элия взяла свечу и направилась к лестнице. В дверях она обернулась. Марта уже возилась с ведром, что-то довольно бормоча себе под нос про будущую уху. На столе всё так же ярко сиял синий колокольчик. Все тревоги — и всадник, и странные тени — казались теперь такими далекими, словно они случились в другой жизни или в плохой сказке, прочитанной на ночь. В этой реальности был только теплый дом, ворчание доброй няни и влюбленный сосед, который приносит рыбу. И это было правильно. Это было по-настоящему.

***

Солнечный луч, пробившийся сквозь щель в занавесках, настойчиво щекотал веки Элии. Она потянулась, чувствуя непривычную легкость — ночные кошмары отступили, оставив после себя лишь чистое, как умытое небо, спокойствие. Но окончательно её разбудил не свет, а мерный, уверенный звук снаружи: *тук... хруст... тук...* Элия вскочила, быстро заплела косу, не забыв поправить вчерашнюю синюю ленту, и подбежала к окну. Во дворе, залитом ярким утренним светом, уже всю кипела работа.

— Неужели уже полдень? — прошептала она, накидывая жилетку и выбегая на крыльцо.

На свежем воздухе пахло росой и щепой. Лукас, уже успевший взмокнуть, вонзал топор в остатки ивового комеля. Завидев Элию, он остановился и вогнал лезвие в пенёк, вытирая лоб плечом.

— О, проснулась-таки! — весело крикнул он, широко улыбаясь.

— Лукас! Ты когда пришел? Солнце едва над лесом поднялось, — Элия спустилась по ступенькам, шуря от ярких бликов на траве.

— Да как петухи проорали, так и пришел, — парень подошел ближе, поправляя пояс. — Гляди, Эл, я уже почти всё расколочил. Теперь дяде и делать-то нечего будет, разве что дрова в поленницу сложить.

Из открытого окна кухни высунулась Марта, вытряхивая полотенце.

— Слышь, работничек! — проворчала она, но в глазах плясали добрые искорки. — Ты нам так весь двор в щепки изведешь. Иди-ка сюда, я оладьи сняла, да на той рыбе, что ты принес, уха уже томится. Элия, чего стоишь? Живо ковш кваса парню вынеси, видишь упарился!

Лукас смущенно кашлянул, приглаживая растрепанные волосы.

— Да я не за оладьи, тетушка Марта... Я просто... дорога должна быть чистой к приезду хозяина.

— Знаем мы, из-за чего ты тут с рассвета топором машешь, — Марта лукаво подмигнула Элии и скрылась в глубине дома.

Элия подошла к кадлушке, зачерпнула прохладного, пахнувшего хлебом кваса и протянула ковш Лукасу. Тот принял его, нарочно коснувшись её пальцев своими горячими, мозолистыми руками.

— Спасибо, — тихо сказал он, глядя на неё сверху вниз. — Ты сегодня... другая какая-то. Светлая. Лента эта тебе правда очень идет.

— Ты это вчера уже говорил, — Элия покраснела, но взгляда не отвела. — Спасибо за помощь, Лукас. Без тебя мы бы тут утонули в этих ветках.

— Да брось, — он жадно допил квас и вытер губы. — Мне в радость. Слышишь?

Он замер, прислушиваясь к звукам, доносящимся со стороны тракта. Далеко-далеко, за золотым морем пшеницы, послышался едва уловимый, но такой знакомый звук — ритмичный перестук колес по камням и звонкое похрапывание лошади.

— Скрипит... — прошептала Элия, и её лицо озарилось восторгом. — Это папина повозка! Левое колесо всегда так поет, когда груженое.

— Ну, точно он! — Лукас подхватил топор. — Беги встречай, а я ворота пошире распахну, чтоб с разгону влетел.

Элия, забыв про всё на свете, сорвалась с места и побежала к дороге. Синяя лента в её косе победным знаменем трепетала на ветру, а впереди, в дрожащем мареве июньского утра, наконец показался знакомый силуэт повозки. Грохот колес становился всё отчетливее, и вот из-за поворота, поднимая легкое облако золотистой пыли, выкатилась знакомая повозка. Гнедой мерин, почуяв близость родной конюшни, бодро вскинул голову и прибавил шагу. Отец, крепко сжимая вожжи, издали заметил тонкую фигурку дочери и замахал рукой, широко улыбаясь.

— Папа! — Элия вылетела за ворота, едва не сбив с ног Лукаса, который как раз отодвигал тяжелый засов.

Повозка с мягким скрипом остановилась прямо посреди двора. Дамиан, не дожидаясь, пока пыль осядет, спрыгнул на землю. Он казался еще выше и крепче в своем дорожном плаще, припорошенном дорожной гарью.

— Дочка! Радость моя! — пробасил он, подхватывая подбежавшую Элию и кружа её в воздухе, как маленькую. — Ну, слава богам, жива-здоровая! А я всё гадал, не залило ли вас тут вчерашним потопом.

— Мы в порядке, папа! — Элия прижалась щекой к его колючей щеке, вдыхая родной запах табака, дегтя и вольного ветра. — Но ива... наша старая ива не выдержала. Она рухнула прямо на ворота!

Отец поставил дочь на землю и только сейчас огляделся вокруг. Его брови удивленно поползли вверх. Вместо хаоса из вывернутых корней и спутанных ветвей он увидел аккуратные штабеля дров и чистый проезд.

— Погоди-ка... — Отец почесал затылок, переводя взгляд на Лукаса, который стоял чуть в стороне, опираясь на топор и старательно разглядывая собственные сапоги. — Это кто же тут такой кудесник? Неужто Марта за ночь топором махать научилась?

— Это всё Лукас, отец, — Элия лукаво взглянула на парня, и тот мгновенно залился краской до самых корней волос. — Он пришел на рассвете, когда еще туман над полем стоял. Сказал, что негоже хозяину в заваленный двор въезжать.

Отец подошел к парню и с размаху хлопнул его по плечу так, что тот едва не присел.

— Ну, молодец, Лукас! Сын кузнеца, сразу видно — порода! — отец обвел рукой двор. — Вон какой подарок устроил. Спасибо, парень. Без тебя я бы тут до заката возился.

— Да бросьте, дядя ... — Лукас неловко кашлянул, мельком взглянув на Элию, которая в этот момент поправляла синюю ленту в косе и открыто улыбалась ему. — Соседи ведь. Чего там... работа нехитрая.

— Нехитрая, говоришь? — отец добродушно рассмеялся. — Ну-ну. Ладно, работнички, помогайте разгружать, а то у меня повозка от гостинцев стонет!

Он подошел к телеге и откинул тяжелую рогожу. Элия ахнула: там, среди мешков с отборным зерном и ящичков с инструментом, виднелись яркие свертки.

— Так, это — Марте, новые горшки и пряности, — отец подал Элии увесистую корзинку. — А это... ну-ка, иди сюда. Он достал небольшой продолговатый сверток из плотной бумаги. — Тут тебе, дочка, гребень костяной, резной — в городе мастера хвалили. И... — он подмигнул Лукасу, — сахарных голов парочка. Одну матери своей отнесешь, Лукас, скажешь — от соседа за подмогу.

— Ох, спасибо! — Элия прижала подарок к груди, сияя от счастья. — Папа, ты лучший!

— А то! — отец ухватился за край тяжелого мешка. — Давай, Лукас, хватай с того бока. Сейчас в амбар закинем, и за стол! Марта, небось, уже приготовила чего. Я по запаху чую, знатная будет трапеза!

Элия смотрела, как двое самых близких ей мужчин — огромный, надежный отец и сильный, смущенный Лукас — слаженно таскают мешки, и чувствовала, что этот день — самый правильный и счастливый в её жизни. Солнце уже стояло высоко, заливая кухню ярким золотом, когда тяжелые мешки были наконец уложены в амбаре. Марта, до этого момента лишь изредка выглядывавшая в окно, теперь властвовала над столом, выставляя дымящуюся супницу и блюдо с румяными оладьями.

— Ну, за стол, работнички! — скомандовала она, упирая руки в бока. — Пока похлебка не превратилась в кашу, а оладьи не остыли. Садись, Кайл, с возвращением! И ты, Лукас, не скромничай, место заслужил.

Они уселись за дубовый стол, и в центре его, словно приветствуя хозяина, по-прежнему ярко синел найденный Элией цветок. Кайл с наслаждением вдохнул аромат свежей рыбы и взялся за ложку.

— Эх, Марта, — выдохнул Дамиан, проглотив первую ложку ухи. — На городском рынке чего только нет: и заморские сласти, и зазывалы крикливые, а такой ухи и в лучшем трактире не сыщешь! Лукас, рыбка-то знатная, сладкая.

Лукас, сидевший рядом с Элией, заметно расслабился.

— Рад, что угодил, дядя Кайл.

— Ох, а в городе-то что творится! — отец рассмеялся, отламывая огромный кусок хлеба. — Представьте себе: иду я мимо лавки старого Трифона, ну, того, что тканями торгует. А у него там новый помощник, парень из южных земель. Решил этот малый завлечь покупателей — вытащил на улицу ручного попугая, огромного такого, красного!

— Попугая? — Элия округлила глаза, перестав жевать.

— Настоящего? — Самого что ни на есть! — отец хлопнул ладонью по столу. — Птица яркая, орет на весь квартал: «Лучший шелк! Лучший атлас!». Народу собралось — тьма. И тут мимо идет госпожа бургомистрова, вся в лентах, в кружевах, нос кверху. А попугай возьми да и крикни: «Эй, красotka, перья-то обшипаны!».

Марта прыснула в кулак, а Лукас не выдержал и громко расхохотался.

— Да ты что! — сквозь смех выдавил парень. — И что она?

— О-о, она зонтиком махать начала, закричала, что это заговор против её чести! Ткач за голову хватается, попугай на люстру взлетел и оттуда её дразнит... Еле успокоили. Но шелку в тот день он продал больше, чем за месяц!

Элия слушала, чувствуя, как внутри разливается блаженное тепло. Она смотрела на отца, чьи глаза лучились задором, на Лукаса, который то и дело украдкой поглядывал на её новую синюю ленту, и на Марту, подливающую всем чай с мятой.

— А еще, — продолжал отец, понизив голос до заговорщицкого шепота, — видел я на площади бродячих акробатов. Один малый умудрялся жонглировать пятью горящими факелами, стоя на катящейся бочке! Народ ахал, а он еще и умудрялся подмигивать девицам в толпе.

— Неужто не обжегся? — спросила Марта, качая головой.

— Ни пятнышка! — отец подмигнул Элии. — Сказал, что секрет в ловкости рук и хорошем настроении. Но я подумал: зачем нам акробаты, когда у нас тут свой мастер!

Лукас снова смущенно уткнулся в тарелку, но по его довольной улыбке было видно, что похвала Кайла для него дороже любых зрелищ. Обед продолжался под мерный гул голосов. Отец рассказывал о новых плугах, о ценах на овес и о том, что в городе поговаривают об открытии новой ярмарки к осени. Элия подперла щеку рукой. Всё в этой комнате — от запаха ухи до смеха отца — создавало ощущение нерушимой крепости. Лес, рынок и вчерашние страхи окончательно превратились в пыль. Здесь, за этим столом, жизнь была простой, понятной и удивительно доброй.

Когда мужчины, перешучиваясь и делясь планами на починку, скрылись в прохладной глубине амбара, на кухне воцарилась особая, женская атмосфера любопытства. Отец успел занести в дом несколько самых ценных свертков, и теперь Марта с Элией сгрудились над столом, словно искатели сокровищ.

— Ну-ка, ну-ка, — Марта нетерпеливо потянула за край грубой оберточной бумаги. — Посмотрим, не подсунули ли твоему батюшке колотый товар.

Первыми на свет появились новенькие глиняные горшки, покрытые густой темно-зеленой глазурью. Марта легонько щелкнула по боку каждого пальцем, слушая чистый, звонкий гул.

— Звенят! Хорошая глина, крепкая. В таком горшке сметана неделю не скиснет, она довольно кивнула и принялась распаковывать мешочки с пряностями.

Воздух в кухне тут же наполнился резким ароматом гвоздики, душистого перца и сушеного имбиря. Марта жмурилась от удовольствия, вдыхая эти запахи, которые всегда напоминали ей о больших праздниках.

Элия в это время бережно развернула свой сверток. Костяной гребень оказался настоящим произведением искусства: по его спинке тянулась тонкая резьба, изображающая переплетенные колосья и крошечных лесных птиц.

— Ой, Марта, гляди, какая тонкая работа! — Элия провела пальцем по гладкой кости. — И зубья такие ровные.

— Красиво, деточка, — отозвалась няня, разглядывая подарок. — Будешь косы чесать — в волосах солнце запутается. А лента-то синяя как с этим гребнем заиграет! Иди, примерь перед зеркалом, а я пока сахарную голову приберу.

Пока женщины обсуждали обновки, со стороны амбара донеслись громкие голоса и бодрый стук молотков. Элия выглянула в окно. Кайл и Лукас уже взобрались на крышу. Старая дранка была снята в том месте, где подтекало, и теперь мужчины, вооружившись новыми гвоздями, решили устроить настоящее состязание.

— А ну, молодежь! — громогласно пробасил отец, зажимая гвоздь в углу рта. — Посмотрим, чья сторона будет ровнее да крепче! Кто первый до конька дойдет — тому сегодня Марта двойную порцию оладий выставит!

— Ну держитесь, дядя Кайл! — азартно отозвался Лукас.

Он работал быстро, его молоток выбивал четкий ритм: *тук-тук-дзынь!*

— Мои гвозди сами в доску просятся, за оладьи-то я и всю крышу перестелю!

Элия вышла на крыльцо, прикрывая глаза ладонью от солнца. Мужчины выглядели на крыше как два огромных воробья. Отец работал размеренно, с силой вгоняя гвозди с одного удара, а Лукас брал скоростью, так и мелькая руками.

— Эл, гляди! — крикнул Лукас, на секунду отвлекаясь и едва не ударив себя по пальцу. — Я уже на три ряда впереди!

— Ты за пальцами следи, гонщик! — засмеялся отец, ловко подхватывая новую доску. — Качество, парень, качество прежде всего! Мои-то внуки еще под этой крышей бегать будут, а твои доски первым ветром сдует!

Лукас покраснел, покосился на смеющуюся на крыльце Элию и заработал с удвоенной энергией. Стук молотков, шутки и запах свежего дерева наполнили двор ощущением кипучей, радостной жизни. Марта вышла вслед за Элией, вытирая руки о фартук. Она привалилась к косяку двери, с улыбкой глядя на соревнующихся мужчин.

— Ишь, разошлись, петухи, — добродушно проворчала она. — Сейчас всю дранку изведут в запале. Но хорошо работают, дружно. Душа радуется, Элия.

Элия кивнула. Синий цветок в её косе, гребень в кармане и звонкий стук молотков — всё это складывалось в идеальную картину. Весь мир сейчас ограничивался этим двором, запахом сосновой смолы и уверенным голосом отца.

Солнце начало медленно клониться к макушкам дальних деревьев, окрашивая небо в нежные оттенки персика и топленого молока. Последний гвоздь с сочным стуком вошел в свежую дранку, и на крыше амбара воцарилась победная тишина. Кайл, вытирая пот со лба, довольно оглядел работу и примирительно хлопнул Лукаса по плечу.

— Ладно, парень, ничья! — пробасил отец. — Уложили ряд в ряд, комар носа не подточит. Иди, умойся у колодца, а то на тебе пыли больше, чем на дорожном столбе.

Лукас спрыгнул на землю, пружинисто приземлившись на траву. Он быстро ополоснул лицо и руки ледяной водой, от которой над кадушкой поднялся легкий парок, и, поправляя ворот чистой (хоть и помятой) рубахи, подошел к Элии. Она сидела на нижней ступеньке крыльца, вертя в руках свой новый костяной гребень.

— Эл, — негромко позвал он, и в его голосе прорезалась непривычная робость. — Слушай, пока солнце совсем не село... Сходим на ручей? Я вчера, когда окуней выуживал, такое место нашел — дух захватывает. Там ивы плакучие прямо в воду косы опустили, и свет такой... словно золото в воде растворили. Пойдем, а? Освежишься после этой жары.

Элия подняла на него глаза, и синяя лента в её косе качнулась в такт движению.

— На ручей? — она улыбнулась. — Ну, раз ты обещаешь золото в воде, то как я могу отказать? Марта, мы ненадолго! До заката вернемся!

— Идите уж, — донеслось из кухни вместе со звоном тарелок. — Только ноги не промочите, рыболовы!

Они вышли за ворота и побрели по узкой тропинке, разделявшей пшеничное поле и старую рошу. Колосья, налитые дневным зноем, теперь стояли неподвижно, отдавая накопленный аромат печеного хлеба.

— Тяжело было с отцом соревноваться? — спросила Элия, задевая ладонью шершавые усики пшеницы.

— Дядя Кайл — кремень, — Лукас усмехнулся, поправляя ремень через плечо. — У него рука как молот, гвоздь сам в доску ныряет от одного его взгляда. Я-то всё больше на скорость брал, а он — на совесть. Знаешь, Эл, я ведь всегда на него смотрел... Ну, как на пример. Хотелось бы и мне так построить дом, чтобы на века, и чтобы в нем всегда вот так пахло уютом и щитами.

— У тебя получится, Лукас, — мягко ответила Элия. — Ты ведь тоже не белоручка. Вон как иву быстро разобрал.

— Для тебя — хоть весь лес разберу, — выпалил он и тут же покраснел, уставившись под ноги на корявый корень. — Я к тому, что... ну, соседская помощь, сама понимаешь.

Они вошли под сень деревьев, и зной мгновенно сменился живительной прохладой. Лес после вчерашней грозы дышал влагой и жизнью. Пахло мокрым мхом, папоротником и сладкой земляникой, которая пряталась в густой траве.

— Смотри, — Лукас придержал колючую ветку ежевики, пропуская Элию вперед. — Сейчас за тем вывороченным дубом будет спуск. Они вышли к берегу ручья.

Элия невольно ахнула. Ручей здесь расширился, образуя небольшую тихую заводь. Вода была настолько прозрачной, что на дне был виден каждый камешек, каждый затонувший лист. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую листву огромных ив, падали на воду длинными светящимися столбами. Вода действительно казалась расплавленным золотом, в котором лениво шевелили плавниками мелкие рыбешки.

— Ну как? — Лукас присел на поваленный ствол березы, обросший мягким изумрудным мхом. — Не обманул я тебя?

— Красиво... — Элия подошла к самой кромке воды и опустила в неё ладонь. — Словно в сказке из тех, что Марта рассказывает. Тихо так, будто мир замер.

— Я вчера сидел тут с удочкой, — тихо заговорил Лукас, глядя на её отражение в воде. — И знаешь, о чем думал? Что вот бы так всегда. Чтобы ни войн, ни слухов дурных из города, ни этих странных туч что вчера так внезапно набежали. Просто лес, ручей и... и ты рядом. Чтобы можно было просто смотреть, как вода течет, и не ждать, что завтра что-то сломается.

Элия обернулась к нему. В полумраке леса её глаза казались огромными, а синяя лента ярко выделялась на фоне зелени.

— Ты тоже это чувствуешь, Лукас? Что иногда мир кажется слишком хрупким?

— Чувствую, — он кивнул, ковыряя носком сапога мягкую землю. — Поэтому и стараюсь... ну, иву там убрать, крышу подлатать. Вроде мелочи, а на душе спокойнее, когда вокруг порядок. Ты не бойся, Эл. Пока я рядом, ни одно дерево на твой дом не упадет. И... и вообще.

— Ты добрый, Лукас, — Элия присела рядом с ним на бревно. — Самый добрый человек, которого я знаю. Наверное, поэтому мне сегодня так спокойно. Даже после всего того... что мне вчера привиделось.

— Это всё гроза, — уверенно повторил Лукас, накрывая своей огромной ладонью её тонкие пальцы. — Она мысли путает. А лес — он лечит. Послушай, как вода журчит. Она все тревоги уносит.

Они сидели в тишине, слушая, как где-то высоко в ветвях перекликаются дрозды и как плещется рыба в золотистой заводи. Теплая рука Лукаса дарила ощущение надежности, а аромат леса убаюкивал. В этот миг Элия окончательно поверила: её жизнь — здесь, среди этих трав и верных друзей, и никакой другой судьбы ей не нужно.

Элия опустила взгляд на их соединенные руки. Ладонь Лукаса была горячей и шершавой, пахнувшей сосновой смолой, но когда её пальцы коснулись его кожи, в воздухе на мгновение проскочила невидимая искорка. Лукас вздрогнул, но не от боли, а от странного ощущения тепла, которое волной пробежало от его ладони к самому сердцу.

— Ты... ты сегодня вся словно светишься, Эл, — тихо проговорил он, замороженно глядя на её лицо.

В лучах закатного солнца её кожа казалась не просто загорелой, а словно отлитой из живого золота, а в глубине зрачков танцевали крохотные янтарные искры, которые она принимала за обычные блики.

— Это просто закат такой яркий, Лукас, — улыбнулась она, не осознавая, что её улыбка заставила тени под ивами отступить на шаг назад.

Когда они шли по тропинке, и Элия чувствовала странный прилив сил. Усталость после целого дня в поле исчезла, сменившись ощущением легкого, вибрирующего тепла в груди. Ей казалось, что если она сейчас засмеется во весь голос, то колосья пшеницы вокруг склонятся не от ветра, а от её радости. Лукас всю дорогу рассказывал о кузнице, о новых мешках с углем, но Элия почти не слышала слов. Она слушала ритм земли под ногами. Ей чудилось, что мир вокруг неё — это огромный музыкальный инструмент, а она — единственный музыкант, способный извлечь из него звук.

— Ты знаешь, Лукас, — произнесла она, останавливаясь у ворот. — Утром я думала, что мир стал опасным. Но сейчас... я чувствую, что в нем так много тепла. Столько света, что его хватило бы, чтобы согреть всю Столицу в самую лютую зиму.

Лукас замер, пораженный глубиной её голоса. Ему на миг показалось, что от её фигуры исходит едва заметное золотистое марево, но он тут же мотнул головой, списывая всё на сумерки. На крыльце дома горел фонарь. Отец и Марта сидели за столом. Как только Элия ступила на первую ступеньку, отец резко выпрямился, а его рука инстинктивно сжала черенок трубки. Он обменялся с Мартой коротким, тяжелым взглядом.

— Радость моя пришла, — негромко сказал отец, но в его голосе прозвучала нотка затаенной тревоги. Он видел, как ярко сияют её глаза, как легко она движется. То что внутри неё крепла, скрывать становилось всё труднее.

Марта торопливо плеснула чай в кружку, пытаясь отвлечь внимание.

— Ну, идите скорее к столу! Совсем девка от счастья голову потеряла, сияет, как медный таз! Садись, Лукас, не стой тенью.

Они пили чай, и Элия чувствовала на себе внимательные, почти охраняющие взгляды отца и няни. Они оберегали её, даже от самой природы, даря ей этот тихий покой.

— Папа, — вдруг сказала Элия, глядя на лазурный цветок. — Почему мне кажется, что я могу почувствовать, как он растет? Будто внутри него бьется крохотное сердце?

Кайл замер, не донеся чашку до губ. Он медленно выдохнул и тепло, но твердо положил руку на её плечо, словно «заземляя» её, прижимая этот рвущийся ввысь свет обратно к мирной земле.

— Это просто воображение, дочка. Ты слишком много времени провела на солнце. Пей чай и слушай соловья. Это всё, что тебе нужно знать сегодня.

Когда Лукас ушел, Элия поднялась в свою комнату. Она подошла к зеркалу и расплела косу. Синяя лента упала на пол, и в полумраке комнаты её волосы вдруг вспыхнули мягким золотистым ореолом. Она коснулась пальцами зеркала, и по стеклу пошли круги, словно по воде.

— Просто усталость, — прошептала она, повторяя слова отца.

Она легла в постель и закрыла глаза. Ей снилось золото — бескрайнее море золота, которое было не металлом, а живой, пульсирующей радостью.

Сон обрушился на неё не мягкой дремотой, а внезапным погружением в иную реальность. Как только веки сомкнулись, стены родной комнаты растаяли, превратившись в бескрайнее, безмолвное пространство, где не было ни земли под ногами, ни неба над головой. Элия видела себя со стороны, но это была не та девушка, что вчера сидела в грязи у поваленной ивы. Она стояла посреди пустоты, и её тело было соткано из чистого, пульсирующего золота. Каждый её вдох рождал волну тепла, а волосы рассыпались по плечам живым сиянием, затмевающим солнце. И прямо перед ней, из вязкого черно — фиолетового тумана, выростала Тень.

Это был колоссальный замок из черного обсидиана. Его шпили, острые как иглы, пронзали мглу, а стены поглощали любой свет, который пытался к ним прикоснуться. Замок дышал холодом и вечностью. И там, на самой высокой башне, стоял Он. В этом сне он не был скрыт доспехами. Элия видела его лицо — бледное, застывшее в величественной и печальной маске. Но страшнее всего были его глаза. Фиолетовые бездны, в которых вращались погибшие звезды. Он не двигался, он просто смотрел на неё, и этот взгляд был подобен магниту. Самым пугающим во сне было не присутствие врага, а реакция её собственного Света. Золотые нити, исходящие от её ладоней, не превратились в мечи. Они, словно живые существа, жадно потянулись вперед, к этой обсидиановой тьме. Её Свет не хотел сражаться — он хотел заполнить собой эти черные залы, согреть этот холодный камень, раствориться в фиолетовом пламени всадника. Элия чувствовала, как её суть рвется к нему, как к единственному существу во Вселенной, способному выдержать её жар. Тьма замка звала её, обещая покой в обмен на её ослепительную боль.

Она сделала шаг вперед, и под её ногами расцвели золотые цветы, тут же увядающие в ледяном дыхании обсидиана. Всадник протянул руку. Его черная тень коснулась её золотого сияния, и в месте соприкосновения вспыхнуло ослепительное пламя.

— Ты наконец-то проснулась, Астерия, — прошептал голос, который звучал не в ушах, а в самой её крови.

Глава 3

Элия резко распахнула глаза. Она сидела на кровати, тяжело дыша, а её сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. В комнате было серо — предутренние сумерки едва начали рассеиваться. Она лихорадочно осмотрела свои руки. Обычные пальцы, перепачканные вчерашним ивовым соком. Никакого золота. Никакого сияния. Она коснулась плеча — оно не горело, лишь привычно ныло от тяжелой работы.

— Глупости... — выдохнула она, вытирая холодный пот со лба. — Просто сказки Марты про звезды. И этот всадник в лесу... воображение дорисовало ему замок. Обсидиан, черные тени... Какая чушь.

Она встала, подошла к умывальнику и плеснула в лицо ледяной водой. Зеркало отразило бледную девушку с растрепанными волосами и синей лентой, запутавшейся в узлах косы.

— Я — Элия, — твердо сказала она своему отражению. — Дочь Кайла. Фермерша. А всё остальное — просто лихорадка после грозы. Она начала одеваться, намеренно туго затягивая шнуровку корсажа, словно пытаясь запереть внутри себя те странные чувства, что пробудил сон. Но где-то в самой глубине души, под слоями привычной жизни, всё еще жило ощущение того, как её свет тянулся к черной тени. И это пугало её больше, чем любой монстр из легенд. Элия стояла у зеркала, борясь с непослушной шнуровкой, когда до неё донеслись глухие голоса из кухни. Обычно по утрам там гремели горшки и слышалось бодрое ворчание Марты, но сегодня тишина в доме была натянутой, как струна, а голоса отца и няни звучали непривычно низко, почти неразличимо. Она замерла, прислушиваясь. Плечо снова начало пульсировать — мелко, дробно, вторя ритму их слов.

Отец сидел за столом, обхватив голову тяжелыми ладонями. Напротив него стояла Марта, её пальцы нервно теребили край передника, а лицо в тусклом свете раннего утра казалось серым и осунувшимся.

— Ты чувствовал это ночью? — голос Марты сорвался на шепот, полный первобытного страха. — Стены... они дрожали и не от ветра, Кайл. Пол в её комнате стал горячим, как устье печи. Я зашла проверить — она спала, но воздух вокруг кровати... он золотился. Словно она сама стала очагом.

Отец тяжело вздохнул, и этот звук был полон такой горечи, что Элия вздрогнула наверху, хотя и не поняла смысла слов.

— Я видел, — глухо отозвался отец. — На мгновение её свет пробился сквозь ставни. Он был таким ярким. Она просыпается, Марта. Пелена, которую мы накладывали все эти годы, истончилась. Пшеница и простая жизнь больше не могут сдерживать Солнце.

— Но Он! — Марта почти вскрикнула, тут же зажав рот рукой и испуганно взглянув на потолок. — Он придет за ней. Тень ищет её. Тот Всадник... Он будет искать свою Искру. Если он найдет её в таком состоянии — неокрепшую, не знающую своей сути — он либо поглотит её, либо превратит в пепел.

— Мы не отдадим её, — в голосе отца зазвенела сталь, та самая, которую Элия иногда слышала в его рассказах о войне. — Я спрятал её однажды и спрячу снова. Если нужно, я увезу её за Море Воспоминаний, туда, где магия не имеет силы. Но она... она потянулась к нему во сне, Марта. Я видел, как её свет искал тьму. Это самое страшное. Пророчество не лгало — Искра всегда ищет свою Тень или наоборот.

— Мы должны молчать, — Марта снова засуетилась у печи, создавая видимость работы. — Ни слова больше об этом. — Элия твоя дочь, дочь фермера, и она в безопасности. Ложь — единственный щит.

Элия стояла на верхней ступеньке лестницы, сжимая в руках костяной гребень. Фразы долетали до неё обрывками, искаженными толстыми половицами и шумом закипающей воды. «...стены дрожали...» «...золотилось...» «...щит из лжи...» «О чем они?» — пронеслось в голове. — «О каком свете говорит папа? И какая еще Тень? Неужели забор у амбара совсем прогнил, и они боятся, что он рухнет на меня?».

Ей стало обидно и странно. Почему они шепчутся, словно она — чужая в этом доме? Почему отец говорит так, будто он чего-то смертельно боится? Ей на мгновение захотелось ворваться вниз и потребовать ответов, спросить про замок из обсидиана и про фиолетовые глаза, которые она видела во сне. Но страх, исходящий от отца — того самого человека, который не боялся диких кабанов и морских бурь, — заставил её замереть. Если отец напуган, значит, правда гораздо хуже любого её кошмара. Она сделала глубокий вдох, нарочно громко кашлянула и тяжело зашагала вниз, делая вид, что только что проснулась.

— Доброе утро! — крикнула она, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Папа, Марта, что это вы в такую рань уже на ногах?

Когда она вошла в кухню, разговор оборвался мгновенно. Отец тут же нацепил свою привычную добрую улыбку, но Элия заметила, как дрогнул уголок его губ.

— Доброе утро, радость моя, — сказал он, протягивая руку к кружке. — Да вот, обсуждаем, что дрова на зиму надо бы пораньше закупить. А ты чего вскочила? Спи еще, день-то долгий будет.

Элия посмотрела на Марту. Няня лихорадочно терла и без того чистый стол, не поднимая глаз.

— Я слышала, вы говорили про Тень, — осторожно произнесла Элия, садясь за стол. — И про то, что что-то проснулось...

Отец и Марта замерли. В кухне стало так тихо, что было слышно, как жужжит муха у окна. Кайл на мгновение замер с поднятой кружкой, и Элия поклялась бы, что видела, как по его лбу скатилась капля пота. Но уже через секунду отец громко расхохотался, и этот смех, гулкий и нарочито беззаботный, заполнил всю кухню, разбивая тягостную тишину.

— Тень! Ну конечно, Тень! — Отец хлопнул ладонью по столу так, что ложки подпрыгнули. — Слыхала, Марта? Наша Элия уже в охотники записывается!

Марта, сообразившая не хуже хозяйина, тут же подхватила тон, хотя её голос всё еще немного дрожал.

— И то верно, — она фыркнула, усердно помешивая кашу. — Слух-то какой острый! Всю ночь, небось, под дверью караулила, пока мы со старым дурнем судьбу соседских овец оплакивали.

— Папа, о чем ты? — Элия нахмурилась, переводя взгляд с одного на другого. — Какая охота?

— Да волк это, дочка, старый прохвост по кличке Тень, — отец подался вперед, заговорицки подмигивая. — Томас вчера жаловался на рынке. Этот серый ворюга повадился к нему в загон прыгать. Тихий, как полночь, и быстрый, как мысль — за что и прозвали Тенью. Вот мы и решали с Мартой, не пора ли забор повыше подлатать, а то придет этот «гость» к нам, увидит твою ленту синюю и решит, что ты — самая красивая овечка в округе!

— Волк? — Элия недоверчиво прищурилась. — А при чем здесь золотилось? И почему ты сказал, что я ищу тьму или наоборот?

Отец ни на секунду не смутился. Он потянулся к тарелке с оладьями и с самым невинным видом принялся жевать.

— Золотилось? Это я про солому, — прошамкал он с набитым ртом. — Говорю, солома в загоне золотилась вчера, когда я её ворошил. А про тьму... так это я Марте выговаривал, что ты вечно в сумерках по саду гуляешь, тьму ищешь на свою голову, вместо того чтобы в постели десятый сон видеть! Скоро и впрямь волка за хвост поймашь в темноте-то.

Марта громко прыснула, вытирая руки о передник.

— Вот-вот! Искательница приключений на пустую голову. Пей давай отвар, а то Тень придет — и съесть не успеешь!

Элия всё еще чувствовала, что в этой истории концы с концами не сходятся, но добродушный тон отца и привычное ворчание няни начали успокаивать её. Неужели ей действительно всё почудилось? В этот момент в дверь дома постучали — громко, уверенно и ритмично.

— О, а вот и еще один охотник на волков пожаловал! — отец с облегчением вскочил с места, словно его только что спасли от допроса.

— Заходи, Лукас, не заперто!

Дверь распахнулась, впуская в дом свежий утренний воздух и запах угольного дыма. На пороге стоял Лукас — умытый, приглаженный, в кожаном фартуке, надетом поверх чистой рубахи. В руках он вертел кепку, а его лицо при виде Элии мгновенно расплылось в широкой улыбке.

— Доброго утра всем! — пробасил парень, весело кивнув Кайлу. — Дядя Кайл, тетушка Марта, я это... пришел Эл забрать, если отпустите.

— Забрать? — Марта хитро прищурилась. — Куда это ты её умыкнуть собрался спозаранку?

— В кузницу! — Лукас азартно блеснул глазами. — Отец сегодня затеял лемехи для плугов править, работы невпроворот. А Эл обещала заглянуть, помочь меха раздуть или хоть просто... ну, поприсутствовать.

— Иди, дочка, иди! Помогии парню, а то он от усердия кузню по бревнышку разберет. Заодно и про волка ему расскажешь, пусть косу для Тени наточит!

Элия рассмеялась, поднимаясь из-за стола. Напряжение утра окончательно рассыпалось.

— Ну пойдем, кузнец. Посмотрим, как ты там с огнем справляешься.

Дорога к кузнице вилась по краю рощи, где тени старых дубов всё еще цеплялись за землю, не желая уступать место утреннему зною. Элия шла рядом с Лукасом, слушая его рассказы о том, как тяжело в этом году дается закалка стали, но её мысли то и дело возвращались к странному утреннему шепоту отца и Марты. На самой опушке, там, где тропа резко сворачивала к ручью, они увидели старушку.

Старуха сидела на поваленном дереве, укрытая ворохом пестрых, выцветших шалей. Её лицо напоминало кору старого вяза — всё в глубоких бороздах и узлах, а глаза, мутные от времени, казались двумя камушками, выловленными со дна реки. Перед ней на траве лежали не карты и не кости, а рассыпанная горсть сухих семян подсолнуха.

— Погоди, Лукас, — Элия невольно замедлила шаг. Старуха подняла голову.

Она не смотрела на Лукаса — её взгляд, странно сфокусированный, впился в Элию, а точнее, в то место над её головой, где утреннее солнце играло в волосах девушки.

— Идешь к огню, золотая? — голос гадалки проскрипел, как несмазанная петля. — Кузнец греет железо, а ты носишь в себе то, что может расплавить саму гору.

Лукас нахмурился, инстинктивно делая шаг вперед и закрывая Элию плечом.

— Оставь свои бредни, старая Хельга. Мы по делу идем. Элия, не слушай её, она опять перепила травяного взвара.

Но старуха лишь беззубо рассмеялась, указывая костлявым пальцем на синюю ленту в косе Элии.

— Красивая лента, — прошамкала она. — Цвет неба... Но небо — это не только покой, девочка. Небо — это молния. Ты думаешь, что ты — колосок в поле, который ждет серпа? Нет... Ты — искра, которая ждет ветра.

Элия почувствовала, как по спине пробежал холодок. Тот же страх, что был в глазах отца утром, внезапно коснулся и её.

— О чем вы говорите? Какие искры? Я просто иду помочь в кузнице.

Гадалка наклонилась вперед, и от неё пахло горькой полынью.

— Загадка тебе, девочка: что ярче солнца, но не греет ладонь, пока не признает хозяина? Что тоскует по тьме, чтобы увидеть свою истинную силу? Твой дом — не эти стены. Твой дом — там, где тени становятся длиннее при твоём приближении. Она вдруг замолчала и быстро, дрожащими руками начала собирать семена с травы. — Уходи, Искра. Твой Всадник уже не на горизонте. Он — в твоём отражении. И когда ты перестанешь бояться, ты увидишь за его спиной обсидиановый трон.

— Пойдем, Эл! — Лукас почти силой потянул её за руку. — Она совсем обезумела. Слышишь? Пойдем скорее, отец уже, небось, горн раздул!

Элия послушно пошла за ним, но несколько раз оборачивалась. Старуха снова сидела неподвижно, сливаясь с серыми тенями леса. Слова о «Всаднике в отражении» и «доме, который не стены» бились в голове в такт пульсации в плече.

— Лукас, — тихо позвала она, когда они уже подошли к дверям кузницы, откуда доносился звонкий стук молота. — Ты ведь тоже думаешь, что она просто сумасшедшая?

Лукас остановился, его лицо на миг стало серьезным. Он посмотрел на её руки, которые всё ещё мелко дрожали.

— В нашем краю много странных сказок, Эл. Но я верю тому, что вижу. Я вижу тебя — добрую, смелую девушку, которая печет лучший хлеб и боится грозы. Остальное — пыль под ногами. Пойдем к огню, там всё кажется проще.

Кузница встретила их густым, плотным жаром и ритмичным, оглушительным пением стали. Внутри было сумеречно, и только багровое око горна освещало закопченные стены и развешанные по ним тяжелые клещи, молоты и цепи. Отец Лукаса, старый мастер Стефан, кивнул вошедшим, не отрываясь от работы: он как раз вытягивал из огня длинную полосу раскаленного металла. Лукас тут же скинул жилетку, оставшись в одном кожаном фартуке, и указал Элии на тяжелую рукоять мехов.

— Становись сюда, Эл! — крикнул он, перекрывая гул пламени. — Нужно держать ровный жар. Плавно вверх, сильно вниз. Справишься?

Элия обхватила отполированное дерево рукояти. Оно было теплым и пахло старым потом многих поколений кузнецов.

— Попробую! — отозвалась она, налегая всем весом на рычаг.

Мехи отозвались тяжелым вздохом, и угли в горне из темно-красных стали ослепительно-белыми. Искры брызнули вверх, исчезая в дымоходе.

— Вот так, молодец! — Лукас встал напротив отца, подхватывая заготовку клещами. — Тяни еще, Эл! Железо любит, когда воздуха вдоволь.

Пока Стефан и Лукас слаженно били по металлу, Элия мерно качала рычаг. Пот градом катился по её лицу, серая рубашка потемнела на лопатках. Она смотрела на раскаленный лемех, который под ударами молотов послушно менял форму, становясь острым и тонким.

— Лукас! — позвала она, когда мастера сделали короткий перерыв, чтобы снова сунуть металл в огонь. — А Хельга... она часто так сидит на опушке?

Парень вытер лицо краем фартука, его кожа блестела от пота и копоти.

— Да почти каждый день. Старики говорят, она ждет кого-то, кто ушел в лес еще до моего рождения. Не бери в голову её слова, Эл. Она каждому встречному пророчит то пожар, то свадьбу.

— Но она сказала про Искру, — Элия не отпускала рукоять, чувствуя, как мышцы рук начинают ныть от привычного напряжения. — И про то, что я не колосок.

Лукас подошел ближе, проверяя, как разгораются угли. Он посмотрел на её руки обычные, маленькие но крепкие руки фермерской девчонки, сбитые работой.

— А кто ты, если не колосок? — он по-доброму усмехнулся. — Ты — самое важное зерно в этом поле, Эл. Без тебя и урожай не в радость. А Хельга... она просто видит, что ты не такая, как остальные девчата из деревни. Те всё больше о танцах болтают, а ты — вон, мехи качаешь и не морщишься.

— Папа тоже вел себя странно утром, — продолжала Элия, прислушиваясь к гудению пламени. — Говорил про какую-то Тень, про волка...

— Ну, про волка — это дело серьезное, — Лукас снова взял клещи. — Если Тень объявился, значит, скотину в сарай надо запирать покрепче. Видишь, как всё просто объясняется? Хельга пугает сказками, Кайл — волками. Обычное дело. Тяни, Эл! Металл остывает!

Элия снова налегла на рычаг. Огонь ревел, обдавая её жаром, но она не чувствовала в нем ничего волшебного — только тяжесть работы и желание поскорее закончить. В кузнице не было места видениям; здесь всё было материальным: тяжелый молот, горячая окалина, запах жженого угля.

— Эй, помощница! — крикнул Стефан, закончив править лемех. — Хорошо качаешь, ровно! Кайлу скажу, чтоб чаще тебя к нам присылал, а то этот оболтус, — он кивнул на Лукаса, — вечно сбивается с ритма, если я на него не прикрикну.

Лукас только весело фыркнул, подмигивая Элии.

— С тобой собьешься... Ладно, Эл, на сегодня с лемехами закончили. Осталось только остудить.

Он подхватил раскаленную деталь и с шипением опустил её в бадью с водой. Клубы серого пара мгновенно заполнили кузницу, на мгновение скрыв Лукаса от Элии.

— Фух, ну и жарница, — Элия отпустила рукоять и вытерла лоб. — Пойду, отдышусь на улице.

— Иди, — улыбнулся Лукас, выходя из облака пара. — Я сейчас закончу и провожу тебя.

Кивнув Элия вышла на порог. Солнце уже перевалило за полдень. Она посмотрела на свои ладони — они были черными от сажи, а мышцы дрожали от усталости. Когда Лукас вышел из кузницы, они направились в сторону ее дома.

Дорога из кузницы в это время дня была залита густым, медовым светом. Жар горна остался позади, сменившись мягким дыханием разогретого поля. Элия шла, чуть покачивая уставшими руками, чувствуя, как на щеках постепенно остывает кузнечный румянец. Лукас шел рядом, непривычно притихший. Он то и дело поглядывал на неё, и в его взгляде не было обычной мальчишеской удалости — только странная, бережная нежность.

— Эл, — Ты ведь знаешь, что до праздника Урожая осталось всего ничего? Староста уже приказал готовить помост на площади, а девчата, говорят, всюю шьют новые сарафаны.

Элия улыбнулась, поправляя выбившуюся из косы прядь.

— Марта тоже что-то шептала про новую вышивку. Сказала, что в этом году я должна сиять ярче всех.

Лукас остановился, заставив и её замедлить шаг. Он обернулся к ней, и его лицо, всё еще слегка испачканное сажей, в лучах солнца казалось благородным и мужественным.

— Я не мастер говорить красиво, ты знаешь, — он замялся, неловко переминаясь с ноги на ногу. — Но я всё думаю об этом дне. О том моменте, когда скрипки заиграют первую мелодию... ту самую, под которую открывают праздник. Он сделал шаг ближе. От него пахло железом, дымом и чем-то надежным, земным. — Я бы хотел, чтобы ты подарила этот первый танец мне, Эл. Чтобы все видели... чтобы никто даже не посмел подумать подойти к тебе раньше меня.

Элия замерла. Воздух между ними, казалось, стал плотным и сладким, как цветочный нектар. Она посмотрела в его ясные, честные глаза, и на мгновение ей почудилось, что мир вокруг — и подозрительные шепотки отца, и загадки старухи Хельги — всё это не имеет зна-

чения. Важной была только эта тишина, эта ладонь Лукаса, которую он робко протянул ей, и полуденный свет, обнимавший их обоих.

— Первый танец — это серьезное обещание, Лукас, — негромко ответила она, чувствуя, как сердце забилось чуть быстрее. — В нашей деревне после такого танца сватов засылают к осени.

Лукас не отвел взгляда. Напротив, его ладонь сжалась чуть крепче, когда он накрыл её руку своей.

— Я знаю, — твердо сказал он. — И я не боюсь этого обещания. Если ты позволишь... я буду ждать тебя у помоста.

Элия почувствовала, как тепло разливается по её телу — не то жгучее, пугающее пламя из её снов, а мягкий, согревающий свет, какой бывает только от человеческой доброты. Она приподнялась на цыпочки и легко, словно крылом бабочки, коснулась его щеки.

— Хорошо, Лукас. Первый танец — твой.

Он просиял так, будто она подарила ему всё золото мира. Они пошли дальше, уже не таясь, рука об руку. Впереди виднелась их ферма, и дым из трубы поднимался ровным, мирным столбом. В этот миг Элия верила, что её судьба — это просто быть счастливой рядом с этим парнем, под этим небом, в этом бесконечном пшеничном поле.

Лукас долго стоял у калитки, глядя ей вслед, пока она не скрылась в тени яблоневого сада. Элия слышала, как скрипнула калитка за его спиной и как его тяжелые, уверенные шаги постепенно затихли на пыльной дороге.

Время перевалило далеко за полдень. Зной стал густым и неподвижным. Воздух звенел от стрекота цикад, а тяжелые колосья пшеницы, утомленные солнцем, стояли неподвижно, словно отлитые из меди. Элия замерла у порога дома, прислушиваясь к звукам изнутри: звяканье тарелок, мерное ворчание Марты, какой-то тихий напев отца. «Ложь — единственный щит», — вспомнила она утренние слова. Обида и жгучее любопытство вспыхнули внутри, пересилив привычный покой. Она не хотела заходить в дом, где от неё что-то скрывают.

Повернувшись, Элия бесшумно прокралась вдоль забора и, стараясь не шуршать сухой травой, скользнула обратно к лесу.

Лес встретил её обманчивым гостеприимством. Звуки здесь были приглушенными, сонными. *Хруст*, под ногой лопнула сухая ветка. *Фр-р-р...* — где-то в верхушках дубов перелетела с ветки на ветку невидимая птица. Воздух пах нагретой смолой и сухим папоротником. Элия шла всё глубже, туда, где деревья становились выше, а тени гуще.

Странное чувство в левом плече, которое утихло в кузнице, теперь проснулось и запульсировало с новой силой. Это была не боль, а зов. Она вышла на небольшую поляну, скрытую за стеной старого терновника. Здесь было неестественно тихо. Даже цикады замолкли. Листья на деревьях не шевелились, хотя в лицо Элии внезапно ударил резкий, ледяной порыв ветра, принесший запах озона и мокрого камня. С листьев, хотя дождя не было, начали падать тяжелые капли, разбиваясь о сухую землю с отчетливым, костяным стуком. Спокойствие леса раскололось в одно мгновение. Птица в вышине издала резкий, предсмертный крик и замолкла.

Элия замерла, её сердце пропустило удар. В нескольких метрах от неё, прямо перед густой завесой ельника, воздух начал вибрировать и темнеть, словно кто-то выплеснул в него чернила. Тень отделилась от ствола дерева — но это была не тень растения. Она увидела Его.

Всадник стоял на земле, без коня, но его присутствие было тяжелее, чем у любого зверя. Он был высоким, неестественно стройным в своем черном обсидиановом доспехе, который не отражал свет, а поглощал его. Его длинный плащ лежал на траве, и в местах, где он касался земли, зелень мгновенно серела и осыпалась пеплом. Между ними было не более трех метров. Элия слышала Его дыхание — холодное, размеренное, похожее на шелест льда. Он не двигался, но само пространство вокруг него искажалось.

Он медленно поднял голову, и капюшон соскользнул назад, открывая Его лицо. Оно было бледным, как кость, с резкими, красивыми и в то же время пугающими чертами. Но самым страшным были глаза. Фиолетовые. Глубокие, как ночное небо над Орионом, и холодные, как сама смерть. В них не было ярости — в них было бесконечное, вековое ожидание. Трава под Его ногами покрылась инеем, который с тихим звоном лопался на жаре.

— Ты пришла, — Его голос не был громким, но он отозвался в каждой косточке её тела, вибрируя в такт пульсации в плече. — Ты бежала через поля, пряталась за чужой ложью... Но Солнце нельзя спрятать в мешке с мукой, Астерия.

Элия хотела отступить, закричать, позвать Лукаса или отца, но её ноги словно вросли в землю. Она смотрела в эти фиолетовые бездны и чувствовала, как внутри неё, вопреки всему страху, просыпается то самое золото из сна. Она видела Всадника наяву, и он был точно таким же, как в её кошмаре.

— Я не... меня зовут Элия, — выдохнула она, и её собственный голос показался ей жалким писком на фоне этой ледяной тишины.

Всадник сделал один плавный, бесшумный шаг навстречу. Расстояние сократилось до вытянутой руки.

— Элия — это имя для колоска, который срежут осенью, — Он протянул руку в черной перчатке, и воздух между ними затрещал от электрических искр. — А ты — Искра, которой суждено сжечь этот мир или подарить ему рассвет. Посмотри на меня. Ты ведь чувствовала это, когда твоя рука касалась металла в кузнице. Ты ведь искала эту тьму всё утро.

Элия стояла неподвижно, боясь даже моргнуть. Расстояние между ними сократилось настолько, что она чувствовала исходящий от него холод — не освежающую прохладу ручья, а мертвенный, колючий холод, от которого немели кончики пальцев. Она смотрела на Его руку в черной перчатке, застывшую в считанных сантиметрах от её лица, и видела, как мелкие искорки фиолетового пламени срываются с Его пальцев и гаснут в воздухе.

— Я ничего не искала, — прошептала она, и её губы едва слушались, застывая от ледяного дыхания Всадника. — Я просто хотела... я хотела знать правду.

Всадник чуть склонил голову набок. Его фиолетовые глаза, казалось, просвечивали её насквозь, лишая последних крох приватности.

— Правда — это горький напиток, — Его голос зазвучал тише, приобретая вкрадчивые, почти нежные интонации. — Твой отец, этот старый воин, что притворяется пахарем... он поил тебя сладким молоком лжи, чтобы ты не видела огня в собственных глазах. Он думает, что стены его фермы защитят тебя от судьбы. Но посмотри вокруг. Он медленно обвел рукой лес, и Элия в ужасе увидела, как тишина становится осязаемой. Деревья вокруг них застыли, словно вырезанные из темного камня. Даже капли воды, падавшие с листьев, замерли в воздухе, превратившись в неподвижные хрустальные бусины. Время в этом кругу остановилось. — Ты чувствуешь этот холод? — продолжал Он, и Его голос теперь резонировал прямо у неё в голове. — Это не мой холод. Это пустота мира, в котором погасли искры. Ты — единственное, что еще может дарить тепло, но ты тратишь его на то, чтобы раздувать меха в сельской кузнице, или работать в поле. Ты думаешь, что тот мальчишка защитит тебя? Он — всего лишь пыль, которая сгорит, стоит тебе на мгновение забыть о самообладании.

Элия зажмурилась, пытаясь отогнать Его слова, но они проникали под кожу, как иголки.

— Уходи... — выдохнула она, сжимая кулаки так, что когти впились в ладони. — Уходи от куда пришел. Я не знаю никакой Астерии. Я дочь Кайла.

Всадник внезапно рассмеялся — тихо, безрадостно, и этот звук напомнил Элии хруст костей.

— Кайл... Человек, который украл свет, чтобы осветить свой подвал. Ты можешь называть себя как угодно, но кровь не обмануть. Ты сама пришла сюда, ведомая своим зовом. Ты сама сделала шаг навстречу Тени. Он медленно опустил руку, но не отошел. Теперь Он стоял

так близко, что Его тень полностью накрыла Элию, погрузив её в искусственные сумерки. — Я не причиню тебе вреда сегодня, — произнес Он, и в Его глазах на мгновение промелькнуло нечто, похожее на печаль. — Ты еще слишком глубоко спишь в своей колыбели из лжи. Но помни: каждый раз, когда ты будешь смотреть на закат, ты будешь видеть в нем отблеск моего замка. Каждый раз, когда ты будешь касаться огня, ты будешь чувствовать мою руку. Мы связаны, Астерия. Золото и Obsидиан. Свет и Тьма. Он начал медленно отступать, не поворачиваясь спиной. Его фигура начала скрываться в тени, растворяясь в воздухе, как дым от погасшей свечи. — Скоро ты сама позовешь меня, — донесся Его голос, ставший тихим шепотом ветра. — Потому что ложь твоего отца сгорит, а правда... правда окажется ярче, чем ты сможешь вынести.

Последним, что исчезло, был блеск Его фиолетовых глаз. Элия еще долго стояла на поляне, не в силах пошевелиться. Тишина леса мгновенно сменилась привычным шумом: снова запели птицы, зашелестела листва под ветром, а замершие капли с шумом обрушились на землю. Она посмотрела на свои руки. Они были обычными, покрытыми кузнечной копотью и мелкими царапинами. Никакого золота, никакого сияния. Только левое плечо теперь не просто пульсировало — оно горело, словно к нему приложили раскаленное клеймо.

Элия развернулась и бросилась бежать прочь с поляны, не разбирая дороги. Ветки хлестали её по лицу, подол платья цеплялся за колючки, но она видела перед собой только одно — теплый, оранжевый свет из окон своей кухни, который теперь казался ей самой хрупкой вещью в мире.

Она выбежала из густой тени леса, когда золото заката уже начало сменяться густыми пурпурными сумерками. Увидев впереди знакомый силуэт родной фермы, она резко затормозила, едва не поскользнувшись на сухой колее. Сердце в груди грохотало так сильно, что казалось, его стук слышен даже в кузнице Лукаса. Она вцепилась побелевшими пальцами в старые, посеребренные временем доски калитки. Ноги подкашивались, а перед глазами всё еще стояли две фиолетовые бездны.

— Дыши... — приказала она себе, судорожно глотая прохладный вечерний воздух. — Просто дыши.

Элия закрыла глаза и прислонилась лбом к прохладному дереву. Левое плечо, там, где Всадник коснулся её своим вниманием, горело невыносимым, сухим жаром, но внешне всё выглядело обычным. Она чувствовала, как капли холодного пота стекают по позвоночнику, а подол платья, разодранный колючками терновника, предательски дрожит у лодыжек.

— Нельзя... нельзя в таком виде, — прошептала она, пытаясь унять дрожь в руках. — Папа увидит. Марга сразу поймет. Они напуганы и без этого.

Она заставила себя выпрямиться. Тщательно, стараясь не делать резких движений, Элия принялась приводить себя в порядок: Она поправила выбившуюся косу, заново перевязав синюю ленту. Костяной гребень, подарок отца, чудом удержался в волосах, хотя его зубья теперь казались ледяными. Она отряхнула пыль и сухие листья с юбок, стараясь спрятать разорванный край в складках ткани. Элия с силой потерла щеки ладонями, чтобы прогнать мертвенную бледность и вызвать хотя бы подобие естественного румянца.

Звуки фермы теперь казались ей кадрами из другой, бесконечно далекой жизни. Скрип флюгера на крыше амбара, мычание коровы в хлеву, плеск воды в умывальнике — всё это было привычным, но теперь ощущалось как тонкая декорация, за которой скрывается obsидиановый замок и фиолетовое пламя.

Она вспомнила Его слова: «Ложь отца сгорит». Внутри Элии боролись два чувства: жгучее желание броситься к отцу на шею и выплакаться, рассказав о ледяном Всаднике, и новая, горькая решимость. Если они лгали ей, чтобы защитить, то и она будет лгать, чтобы сохранить этот последний островок спокойствия.

— Я просто Элия, — повторила она, как заклинание. — Я была в кузнице. Я устала.

Она дождалась, пока дыхание станет ровным, а пульс перестанет отдаваться в ушах. Сделав последний, самый глубокий вдох, Элия толкнула калитку. Та отозвалась привычным, уютным скрипом. На веранде уже горела масляная лампа, её теплый желтый свет падал на дорожку. Элия медленно пошла к дому, стараясь шагать твердо, несмотря на свинцовую тяжесть в ногах.

— Элия? Это ты, дочка? — голос отца донесся из кухни, и в нем послышалось явное облегчение, смешанное с тенью подозрения.

— Я, папа! — отозвалась она, удивляясь тому, как ровно звучит её голос. — Задержалась у ручья после кузницы, засмотрелась на закат.

Она остановилась на пороге, щурясь от яркого света кухни. Марта замерла с полотенцем в руках, сканируя её взглядом с головы до ног. Элия улыбнулась — вымученно, но искренне — и прошла к столу, надеясь, что запах кузнечной копоти, всё еще шедший от её кожи, перебьет ледяной запах озона, принесенный из леса.

Когда после ужина Элия была у себя в комнате на пороге появился отец. Элия сидела на краю кровати, расчесывая волосы. Костяной гребень с тихим шорохом скользил по прядям, но мысли её были далеко. Когда в дверь негромко постучали, она вздрогнула, едва не выронив подарок отца.

— Можно, дочка? — отец приоткрыл дверь.

В свете свечи, которую он держал, его лицо казалось изрезанным глубокими тенями, старше и тревожнее, чем обычно. Он подошел ближе и присел на край сундука у изножья кровати. Тяжелый запах табака и кожи, всегда даривший Элии чувство безопасности, на этот раз показался ей чужим, словно он пытался заслонить собой тот ледяной аромат озона, что всё еще преследовал её.

— Долго ты сегодня гуляла, — негромко сказал он, внимательно всматриваясь в её лицо. — Марта волновалась. Да и я... места себе не находил.

— Всё хорошо, папа. Просто лес сегодня был... особенным, — Элия отложила гребень и посмотрела прямо в глаза отцу. Решимость, рожденная страхом на поляне, требовала ответов. — Папа, я хотела спросить. Когда я заходила к тебе в кабинет за счетами... я видела у тебя на столе старую карту. Там было созвездие, но оно было обведено странным фиолетовым свечением. Словно бумага светилась сама по себе. Что это за карта?

Кайл замер. Тень от его фигуры на стене задрожала, когда он непроизвольно сжал пальцы на подсвечнике. На мгновение в комнате стало так тихо, что было слышно, как потрескивает фитиль свечи.

— Карта? — он переспросил это так, будто слово было ему незнакомо. — Ах, это... Должно быть, тебе показалось, дочка. Старые чернила иногда бликуют при свете лампы, особенно если масло плохое. Это просто морские пути, по которым я ходил в молодости. Никакой тайны в них нет.

— Но фиолетовый цвет... — Элия подалась вперед, чувствуя, как пульсирует плечо. — Он был точь-в-точь как... как искры в грозу. Почему именно это созвездие?

Кайл резко поднялся. Свет свечи качнулся, на мгновение ослепив её. Улыбка, которую он попытался изобразить, вышла натянутой и безжизненной.

— Тебе нужно меньше слушать сказки Марты, дочка. Воображение — опасная штука, ты устала после кузницы, — он подошел к двери, явно стремясь закончить этот разговор. — Полно об этом. У нас завтра важный день. На рассвете выезжаем в город. У меня накопилось много дел к мукомолам, да и тебе не мешало бы сменить обстановку.

— В город? — удивилась Элия. — Но ведь ты только что вернулся.

— Дела не ждут, дочка. — Лукас присмотрит за фермой. Собирай вещи, только самое необходимое. Выезжаем, как только первый луч коснется флюгера. Он задержался в дверях, его силуэт почти полностью перекрыл свет из коридора. — Спи, радость моя. Завтра всё будет видеться иначе. Городская суета быстро выгонит эти лесные фантазии из твоей головы.

Когда дверь закрылась и слышались его тяжелые шаги, уходящие вниз, Элия осталась сидеть в темноте. Она знала — что он многое ей не договаривает.

Глава 4.

Дорога в город заняла весь следующий день. Повозка мерно поскрипывала, поглощая мили пыльного тракта, а Элия сидела на мешках, глядя, как родные поля сменяются густыми лесами, а затем — первыми каменными строениями предместий. Отец был необычно молчалив, он то и дело оглядывался назад, словно что то проверяя.

Город встретил их оглушительным многоголосьем. После тишины фермы Элии казалось, что она попала в растревоженный улей. Грохот кованых колес по булыжной мостовой — дзынь-бум-крах, выкрики торговцев рыбой, звон колоколов на ратуше и бесконечный гул сотен голов. Здесь пахло не сеном и росой, а жженым углем, пекарнями, пряными ароматами заморских лавок и пылью. Они остановились на постоялом дворе У старого Ганса.

Остановив повозку во внутреннем дворике постоялого двора, отец спрыгнул на землю и протянул руку Элии, помогая ей спуститься. Его лицо, обычно суровое от деревенских забот, здесь, в тени высоких городских стен, казалось чуть светлее.

— Ну вот мы и на месте, — Кайл похлопал по борту повозки и обернулся к дочери. — Слушай меня, дочка. Мне нужно на зерновую биржу, дела сами себя не сделают, и боюсь, это затянется до самого вечера.

Он вытащил из поясного кошелька несколько медных монет и одну блеснувшую серебряшку, вложив их в ладонь девушки.

— Не теряй день даром, дочка. Сходи на рыночную площадь, посмотри на ленты, может, приглядишь себе новое платье или те безделушки, о которых ты втихомолку вздыхала на ферме. Сегодня город принадлежит тебе. Только будь осторожна и не забредай в портовые переулки. Договорились?

Элия просияла. Радость, чистая и искристая, как утренняя роса, заставила её на мгновение забыть обо всём на свете. Она крепко обняла отца, чувствуя колючую щетину на его щеке и привычный запах домашнего табака.

— Спасибо, папа! Я буду осторожна, обещаю!

— Иди уже, егоза, — усмехнулся он, легонько подтолкнув её в сторону ворот.

Пока отец пропал на зерновой бирже, Элия бродила по узким улочкам. Город жил своей жизнью. Здесь она была лишь одной из сотен деревенских девчонок. Она старалась раствориться в этой толпе, забить голову ценами на кружева и блеском витрин.

Город поглотил Элию целиком, обрушившись на неё водопадом красок и звуков, которые не оставляли в голове места ни для лесных теней, ни для тревожных шепотов отца. Здесь, среди высоких каменных стен, всё казалось незабываемым и полным кипучей жизни. Элия шла по центральной рыночной площади, и её глаза разбегались. После привычной зелени полей город казался пестрым лоскутным одеялом. Витрины ювелиров сверкали так ярко, что слезились глаза. Маленькие зеркала, выставленные на продажу, ловили солнечных зайчиков и бросали их на мостовую, создавая иллюзию бегущих искр. Из открытых дверей кофейни доносился звонкий звон фарфоровых чашек, а уличный скрипач на углу выводил такую быструю мелодию, что ноги Элии сами собой пускались в пляс. Воздух был густым и сладким. Стоило пройти мимо кондитерской, как в нос ударял запах ванили, корицы и жареного миндаля в сахаре. Чуть дальше — лавка заморских тканей, пахнувшая сандалом и незнакомыми благовониями. Элия на мгновение остановилась у лотка с фруктами, завороченно глядя на оранжевые плоды, привезенные с далекого юга — они были похожи на маленькие солнца, которые можно подержать в руках.

— Гляди, девица, какой шелк! Прямо из Столицы привезли! — крикнул ей веселый торговец, взмахнув отрезом ткани цвета морской волны.

Ткань закрутилась на ветру, переливаясь на свету, и Элия невольно протянула руку, чтобы коснуться этой невероятной гладкости. Она чувствовала себя частью огромного, слаженного механизма. Ей нравилось толкаться в толпе горожанок в накрахмаленных чепцах, слушать, как спорят из-за цены на кружева почтенные матроны, и наблюдать за жонглерами, которые подбрасывали в небо разноцветные мячики. В этом шумном хаосе не было места холоду. Город уже жил предвкушением Дня Путника.

На каждом шагу Элия видела, как горожане готовятся к торжеству. Группы молодых парней, переключаясь и смеясь, развешивали между домами длинные веревки, усаженные синими бумажными фонариками. Шуршала бумага под легким бризом с реки. В витринах мастерских появились огромные колокола из синего стекла. Когда по ним легонько ударяли специальным молоточком, по всей улице разливался глубокий, вибрирующий гул: «Бо-о-о-ммм...», возвещающий о том, что праздник уже близко. На набережной разгружали баржи, доверху наполненные васильками и колокольчиками. Запах свежесрезанных цветов смешивался с речной прохладой, создавая атмосферу чистоты и надежды.

Элия купила себе крошечный стеклянный колокольчик на тонкой серебряной нити. Он был таким прозрачным и хрупким, что она боялась его раздавить. Когда она шла по мостовой, он издавал тоненькое, едва слышное тиликанье при каждом её шаге.

— Как красиво, — прошептала она, улыбаясь своему отражению в витрине.

Там стояла обычная, счастливая девушка с горящими глазами, и в этом отражении не было места ничему, кроме радости. Элия остановилась у невысокого каменного парапета, за которым несла свои воды городская река.

Солнце, уже начавшее клониться к закату, рассыпало по воде миллиарды золотых чешуек, и этот живой блеск отразился в гранях её маленького стеклянного колокольчика. Она подняла его повыше, ловя лучик света. «Тили-линь... тили-линь» — пел прозрачный бок колокольчика, откликаясь на её дыхание.

В этот миг Элия почувствовала себя легкой, как та самая пушинка, что пролетала мимо. Вся тяжесть недавних дней, все странные сны и шепотки остались где-то там, за невидимой чертой, отделяющей её тихую ферму от этого праздничного города.

— Ты только послушай, — прошептала она самой себе, и голос её звучал звонко и радостно. — Он поет так же, как смеется Марта, когда я приносила ей первые весенние цветы.

Она приложила прохладное стекло к щеке. Ей не нужно было сейчас ничьих советов, ничьих оберегающих взглядов. Она была просто молодой девушкой в красивом платье, окруженной ароматами свежих вафель и речной свежести.

Мимо пробежала стайка детей с синими бумажными вертушками, которые шуршало на бегу, и один мальчишка, засмотревшись на Элию, споткнулся. Она ловко подхватила его, и он в благодарность протянул ей крошечную веточку лаванды.

— Это вам, госпожа, для аромата! — крикнул он и умчался догонять друзей.

Элия приколола веточку к корсажу. Теперь от неё пахло не только пылью дорог, но и сладким покоем городских садов. Она крутанулась на месте, и её юбки закружились, вскидывая облачко пыли. Никаких тайн.

Только этот миг, этот звук прозрачного стекла и предвкушение танцев на площади. Она снова заглянула в витрину, где среди шелков и кружев виделась её фигура. В глазах Элии было чистое, земное золото, которое бывает у людей, абсолютно довольных своей жизнью. Она подмигнула своему отражению и тихонько рассмеялась.

— Мы будем самыми красивыми, — прошептала она, обращаясь к колокольчику. — Мы вернемся, и я подарю Лукасу этот смех, этот запах лаванды и всё то счастье, что я нашла здесь. Мир был огромен, ярк и совершенно безопасен. Элия чувствовала, что может обнять весь этот город, и он ответит ей теплым звоном сотен таких же стеклянных сердец.

Солнце начало медленно клониться к крышам, окрашивая черепицу в медовые и персиковые тона. Уставшая, но бесконечно довольная, Элия забрела в небольшую пекарню на углу, откуда по всей улице разносился дурманящий аромат ванили и теплого теста. Выйдя оттуда с пышной румяной булочкой, посыпанной крупным сахаром, она отыскала свободный край невысокого каменного парапета у старого фонтана.

Она сидела, с удовольствием отламывая кусочки мягкого, еще горячего мякиша, и наблюдала за вечерней суетой. Прямо перед ней уличный кукольник давал представление: деревянные фигурки рыцарей и принцесс забавно сталкивались лбами под звонкий смех обступившей их детворы. Чуть поодаль старый шарманщик выводил тягучую, но удивительно уютную мелодию, а его маленькая обезьянка в красной шапочке ловко собирала медяки в жестяную кружку.

Элия смотрела, как зажигаются первые масляные лампы в окнах домов, как прохожие кутаются в легкие плащи, обмениваясь короткими шутками, и чувствовала, как внутри разливается тягучее, сладкое тепло. Этот город казался ей огромным механизмом, где каждая деталь была на своем месте, и в этом механизме нашлось место и для неё. Она была счастлива, по настоящему, без всяких «но».

Вечер в городе опустился не серой тенью, а мягким бархатом, расшитым тысячами огней. Когда отец вернулся на постоялый двор, его лицо светилось редким спокойствием. Он широко улыбнулся, увидев Элию, которая всё еще восторженно перебирала свои скромные покупки.

— Ну что, дочка, дела слажены, зерно пристроено! — пробасил он, весело хлопнув в ладоши. — Мы идем на предпраздничную ярмарку. Говорят, сегодня на Главной площади зажигают первые лазурные фонари!

Элия как в детстве подпрыгнула и хлопнула в ладошка.

Когда они вышли на площадь, Элия невольно прижала руки к груди. Это было похоже на ожившую сказку. Тысячи крошечных масляных ламп в синих стеклянных плафонах тянулись гирляндами от ратуши к домам, создавая над головой подобие ночного неба, упавшего на землю. Отовсюду лилась бодрая дробь барабанов и залиvistые трели флейт. Уличные акробаты в блестящих трико выстраивали живые пирамиды, а толпа взрывалась восторженным ах каждый раз, когда над площадью взлетали каскады разноцветных искр от фейерверков. Прилавки ломились от чудес.

Элия видела горы сахарных петушков, блестящих, как янтарь, и засахаренные фиалки в жестяных коробочках. Дети разгрызали миндальное печенье, смеясь и толкая друг друга.

— Папа, смотри! — Элия потянула отца к лавке инструментальных мастеров.

Среди тяжелых молотов и грубых пил на отдельном бархатном лоскуте лежал небольшой предмет, который сразу приковал её взгляд. Это был складной нож, но не простой. Его рукоять была вырезана из темного, мореного дуба и инкрустирована тончайшей серебряной нитью в виде колоска пшеницы. Лезвие из лучшей городской стали хищно и чисто блеснуло под светом фонарей — «вжик!» — когда мастер продемонстрировал его остроту.

— Это для него, — прошептала Элия, сияя от восторга. — Чтобы он мог вырезать свои ивовые свистульки настоящим инструментом.

Она представила лицо Лукаса, когда он увидит этот городской подарок. Представила его сильные руки, сжимающие эту рукоять, и то, как он будет гордо показывать нож отцу в кузнице.

— Хороший выбор, дочка, — одобрил Дамиан, отсчитывая монеты. — Крепкая вещь. Под стать парню.

Элия бережно прижала сверток с ножом к сердцу. В этот миг радость переполняла её так сильно, что казалось, она вот-вот взлетит над мостовой вместе с синими фонариками. Она купила еще и новую шелковую ленту — не просто синюю, а с серебристой каймой, которая шипела, когда она проводила по ней пальцами. Они с отцом долго гуляли среди рядов, ели горячие пышки, посыпанные сахарной пудрой, и смеялись над шутками бродячих комедиан-

тов. Элия ни разу не вспомнила о тревожных днях что были на днях. Здесь, она была просто счастливой девушкой, которая везет подарок своему любимому другу.

— Завтра домой, папа? — спросила она, когда они возвращались, слушая, как город постепенно затихает, оставляя лишь ласковое дилиньканье стеклянных колокольчиков на ветру.

— Завтра домой, — кивнул Дамиан, и его голос был полон тепла. — К празднику успеем. Будешь танцевать на помосте, как королева.

Вернувшись в комнату Элия засыпала с улыбкой, сжимая в руке подарок для Лукаса. Весь мир казался ей золотым, добрым и полным лазурного света.

***

Рассвет застал их уже в пути. Городские ворота с тяжелым звуком открылись перед повозкой отца, выпуская их на вольный простор тракта. Элия сидела на козлах рядом с отцом, то и дело прижимая ладонь к карману, где в плотной бумаге покоился нож для Лукаса. Её сердце пело в такт бодрому цокоту копыт.

Когда солнце поднялось к зениту, окрашивая дорожную пыль в золото, впереди показалось яркое пятно. Сначала до них донесся ритмичный звук бубнов и звонкий смех, а затем из-за поворота выкатился караван бродячих артистов.

Это было невероятное зрелище: Деревянные домики на колесах были раскрашены во все цвета радуги. На крышах сидели дрессированные обезьянки в крошечных жилетах, которые приветствовали прохожих. Один из артистов, сидя на крыше головного фургона, увлеченно дул в волынку, и её густой, ворчащий звук разносился далеко над полями. Даже бродяги готовились к Дню Путника — к гривам их лошадей были привязаны синие ленты, а на бортах фургонов болтались связки глиняных колокольчиков, которые на каждой кочке издавали весело е «тили-бом!».

— Эгей, почтенный хозяин! — крикнул рослый мужчина в расшитом кафтане, увидев их повозку. — Не в ту ли деревню вы держите путь, где завтра зазвенят лазурные колокольчики?

— В ту самую! — Отец придержал коней, давая каравану пристроиться рядом. — Мой дом там. А вы, стало быть, будете веселить народ на празднике.

— Истинная правда! — отозвалась молодая циркачка, балансирующая на краю фургона. Она подбросила вверх три серебристых шара и поймала их с ловкостью кошки. — У нас есть и танцы, и фокусы, и даже предсказатель, который читает по звездам!

Элия восторженно наблюдала за ними. Эти люди казались ей воплощением той свободы и радости, которую она только что видела в городе. В их компании дорога домой пошла быстрее. Один из шутов, заметив её взгляд, достал из широкого рукава бумажный цветок — ярко-синий, почти настоящий — и с поклоном протянул ей.

— Для самой прекрасной путницы! — воскликнул он, и его бубенцы на колпаке весело дзынькнули.

— Спасибо.—Сказала Элия.

Она смеялась вместе с ними, слушая их байки о далеких странах и чудесах. Всё плохое, всё пугающее окончательно стерлось. Теперь она видела только эту пыльную дорогу, залитую светом, и яркий караван, который вез праздник в её родную деревню.«Завтра, — думала она, поглаживая лепестки бумажного цветка. — Завтра мы будем танцевать под эти самые бубны. Я подарю Лукасу нож, и мы будем самыми счастливыми на всем празднике». Она была так полна этим сияющим полуднем, что даже лес, показавшийся на горизонте, больше не внушал ей страха. Это был просто лес, через который лежал путь к дому, к Марте, и Лукасу.

Дорога к дому казалась Элии бесконечной лентой, свитой из солнечного света и дорожной пыли, но вот, наконец, на горизонте показалась знакомая колокольня, а за ней — крыши

родных домов, утопающие в зелени садов. Деревня преобразилась до неузнаваемости: к Дню Путника каждый забор был украшен веточками ивы с привязанными к ним синими лоскутками, а над главной площадью уже высился деревянный помост, обмотанный гирляндами из васильков. Весело пело колесо повозки, и Элия, не в силах усидеть на месте, вытянулась во весь рост, вглядываясь в очертания ворот.

Первым, кого она увидела, был молодой кузнец. У самого въезда в деревню, опершись на старый верстовой столб, стоял Лукас. Завидев повозку, он сорвался с места и побежал навстречу, вздымая облака золотистой пыли. Его лицо, покрасневшее и сияющее, было самой прекрасной картиной, которую Элия видела за всё время путешествия.

— Вернулись! — пробасил он, хватаясь за край повозки на ходу. — Дядя Кайл, Эл! Я уж думал, город вас не отпустит.

Отец придержал лошадей, и Элия, не дожидаясь полной остановки, спрыгнула прямо в объятия парня.

— Ух. — выдохнул Лукас, подхватывая её и на мгновение приподнимая над землей.

— Мы здесь, Лукас! — смеялась Элия, чувствуя, как от него пахнет родным теплом и кузнечным горном. — Я привезла тебе подарок! Но это позже, дома. А ты... ты как здесь?

Лукас хитро прищурился и, отпустив её, залез за пазуху своей чистой праздничной рубахи.

— Я времени зря не терял, пока вы там по лавкам ходили, — сказал он, и в его голосе прорезалась гордость. — Пойдем, глянь, что я к празднику для тебя удумал.

Он повел её не к дому, а чуть в сторону, к небольшой иве, стоявшей у самой кромки их поля. На её ветвях, скрытые густой листвой, висели десятки маленьких, искусно выкованных из тонкого металла колокольчиков. В ту же секунду набежал легкий порыв, и дерево отозвалось невероятным звуком. Это не было хрупкое «тили-линь» городского стекла. Это был глубокий, чистый и мелодичный звон, словно сотни крошечных серебряных молоточков заиграли музыку самой земли.

— Я выковал их так, чтобы они пели в один голос, — Лукас поправил один из колокольчиков, и тот мягко коснулся пальца Элии. — Чтобы, когда ты будешь танцевать на площади, ты слышала их звон даже отсюда. Чтобы ты знала — дом всегда зовет тебя обратно.

Элия стояла, завороженная этим звуком. Она достала свой стеклянный колокольчик из города, и когда он соприкоснулся с железным творением Лукаса, возник созвучный, нежный аккорд.

— Это самое чудесное, что я когда-либо слышала, — прошептала она, глядя в его сияющие глаза. — Ты настоящий мастер, Лукас.

Лукас смущенно улыбнулся, и Элия заметила, как на его щеках проступил легкий румянец. Он взял её руку в свою — его ладонь была мозолистой и пахла металлом и углем, но его прикосновение было самым нежным из всех, что она знала.

— Мастерство тут ни при чем, — негромко ответил он, перебирая пальцами её тонкие запястья. — Просто когда я бил молотом по наковальне, я каждый раз представлял твой голос. Думал: «Этот слишком резкий, этот — слишком глухой». Мне хотелось, чтобы дерево пело именно для тебя.

Элия легонько качнула ветку, и ива снова отозвалась хрустальным переливом. Она поднесла свой стеклянный городской колокольчик поближе к свету, разглядывая, как в нем отражаются первые звезды.

— В городе всё было таким... быстрым, Лукас, — сказала она, прислонившись плечом к стволу дерева. — Люди бежали, фонари горели, всё кричало и звенело. Это было красиво, правда. Но только сейчас, здесь, я чувствую, что могу дышать по-настоящему. Там я была одной из многих, а здесь... здесь я дома.

Лукас в это время достал из кармана складной нож и начал аккуратно подправлять узел на одной из веревок, удерживающих колокольчик, чтобы тот висел идеально ровно. Его движения были точными и спокойными.

— Я боялся, что город тебя заберет, — признался он, не поднимая глаз от работы. — Что ты увидишь все эти шелка и башни и поймешь, что наша деревня и это поле слишком тесные для тебя.

Элия рассмеялась, и этот звук гармонично слился со звоном металла. Она подошла к нему вплотную и, забрав нож из его рук, сложила его и убрала обратно в его карман.

— Глупый ты, Лукас. Башни — это просто камни. А счастье... оно пахнет как эта ива и звучит как твоя работа.

Она поправила воротник его простой полотняной рубашки, стряхивая невидимую пылинку. Лукас замер, боясь спугнуть этот момент, а затем осторожно коснулся пряди её волос, выбившейся из причёски.

— Значит, завтрашний танец на площади? — спросил он с надеждой.

— Только с тобой, — пообещала Элия. — И пусть все фонари мира завидуют тому, как мы будем кружиться.

Они шли к ферме позади повозки отец, и звон ивовых колокольчиков сопровождал их, переплетаясь со смехом бродячих артистов, которые уже начали расчищать место для своих фургонов на площади. Элия чувствовала, как в сердце разливается абсолютный покой. Здесь, рядом с Лукасом, под музыку его колокольчиков, она была счастлива. Она была дома. И завтрашний праздник обещал стать началом новой, самой светлой главы её жизни.

Весь остаток дня на ферме превратился в радостную круговерть. Никто не хотел сидеть на месте — предчувствие завтрашнего праздника заставляло руки работать быстрее, а сердца биться легче.

Первым делом Кайл подкатил повозку к самому крыльцу, и Марта, выбежав навстречу, всплеснула руками. «Ох, батюшки!» — только и выдохнула она, когда Лукас и отец начали заносить в дом тюки и ящики. Элия с азартом принялась помогать.

— Марта, гляди! Это тебе для праздничного пирога, — она вытащила небольшой мешочек с корицей и ванилью. Просыпался ароматный порошок, когда она развязывала бечевку, и кухня мгновенно наполнилась запахом далеких стран. — А это — новые формы для выпечки, медные!

Марта сияла, протирая медь подолом фартука до зеркального блеска.

— Ох и напеку я завтра, — приговаривала она. — Вся деревня на запах сбежится, даже бродячие комедианты мимо не пройдут!

Пока мужчины занимались тяжелой работой — разгружали мешки с зерном и убрали инструмент в амбар, Элия и Марта принялись за подготовку угощения. Кухня ожила. Элия мелко нарезала яблоки, закипал в котелке ягодный взвар.

— Рассказывай, девочка, — Марта хитро подмигнула, замешивая тесто. шлепая о доску. — Видала в городе кавалеров в шелках? Небось, наш Лукас теперь тебе простым кузнецом кажется?

— Ну что ты, Марта! — Элия рассмеялась, отряхивая руки от муки. — В городе красиво, но там всё какое-то... чужое. Громкое. А здесь даже воздух пахнет правильно. И Лукас... он выковал для меня целое дерево колокольчиков! Разве городские хлыщи так умеют?

Ближе к вечеру, когда жара спала, отец позвал всех во двор. Нужно было украсить ворота к завтрашнему утру, ведь по традиции Дня Путника, первый, кто пройдет через них, приносит в дом удачу. Лукас притащил охапки свежесрезанной ивы и охапки васильков.

— Давай, Элия, плети гирлянду, а я буду крепить! — он ловко взобрался на приставную лестницу. Элия подавала ему цветы и ленты, и они переплетались в стебли. Отец в это время

смазывал колеса повозки, готовя её к завтрашнему выезду на площадь, и его гулкий бас подпевал какой-то веселой городской песенке.

— Эл, посмотри! — Лукас свесился с лестницы, закрепляя последний бант. — Красиво?

Элия подняла голову. На фоне темнеющего неба ворота, увитые зеленью и синевой, выглядели как вход в сказочное королевство.

— Очень, Лукас. Завтра это будет самый красивый дом в деревне.

Когда работа была закончена, они вчетвером уселись на крыльце. Стемнело. Со стороны площади доносились звуки настраиваемых скрипок и смех — артисты уже разожгли свои костры.

— Ну, всё готово, — отец выдохнул, глядя на звезды. — Завтра отдохнем за весь год.

Элия чувствовала приятную усталость в мышцах. Она прислонилась к плечу Марты, слушая, как где-то в траве поет сверчок. В кармане платья она всё еще сжимала сверток с ножом для Лукаса, решив приберечь его до самого утра, чтобы праздник начался с подарка. Мир был полон надежды. Золотое лето, синие колокольчики и близкие люди — в этот вечер Элия была абсолютно уверена, что счастье — это и есть её единственная истинная правда.

Вечер уже полностью вступил в свои права, укрыв ферму мягким темно-синим одеялом. Праздничная суэта в доме утихла отец и Марта ушли внутрь, оставив на веранде лишь мерцание затухающей лампы.

Элия тихонько позвала Лукаса, и они ускользнули в глубь сада, туда, где старые яблони сплетали свои кроны, создавая уютный шатер. В тишине было слышно лишь далекое, едва уловимое звяканье железных колокольчиков на иве и стрекот сверчков в густой траве.

— Лукас, постой, — Элия остановилась в тени большого дерева, где свет луны пробивался сквозь листву тонкими серебряными нитями. — У меня есть кое-что для тебя. Я всё утро не знала, как дотерпеть до завтра. Она достала из кармана сверток, обернутый в плотную городскую бумагу, которая легким шелестом отозвалась на её движения. — Вот. Это из самого города. Я увидела его и сразу поняла — он твой.

Лукас осторожно, словно боясь повредить хрупкое сокровище, взял сверток. Его пальцы, привыкшие к тяжелому молоту и грубому металлу, дрогнули, когда он развернул бумагу. В лунном свете лезвие ножа вспыхнуло холодным, чистым блеском стали и он коснулся большого пальца, проверяя заточку. Он долго рассматривал рукоять из мореного дуба, проводя подушечкой пальца по инкрустированному серебряному колоску.

— Эл... — голос Лукаса сорвался и стал совсем низким. Он поднял на неё взгляд, в котором смешались изумление и такая неприкрытая радость, что Элии стало жарко. — Это же настоящая городская сталь. И работа... посмотри, как тонко вырезано. Это же целое состояние стоит!

— Оно того стоит, — улыбнулась она, чувствуя, как внутри разливается тепло. — Я хотела, чтобы у тебя было что-то особенное. Чтобы каждый раз, когда ты будешь вырезать свистульки для деревенских ребят, ты помнил... что ты лучший мастер, которого я знаю.

Лукас замер, не сводя с неё глаз. Он сделал шаг ближе, и в тишине сада стало слышно, как бьются их сердца — часто и в унисон.

— Я не могу поверить, — прошептал он, бережно сжимая нож в руке, словно это был величайший дар на земле. — Я-то думал, что мои колокольчики — это так, безделушка... А ты привезла мне это. Спасибо, Эл. Я клянусь, я никогда с ним не расстанусь.

Он вдруг порывисто обнял её, уткнувшись лицом в её волосы, пахнущие городским ветром. Элия прижалась к нему, чувствуя его силу и ту самую земную надежность, которая была её главным щитом.

— С праздником, Лукас, — тихо сказала она.

— С праздником, Эл, — ответил он.

Над их головами высоко в небе мерцал Орион, но в эту минуту его холодный свет не пугал Элию. В тишине сада, рядом с Лукасом, всё было так, как и должно быть: честно, просто и бесконечно правильно.

***

Утро Дня Путника, вся деревня проснулась не от крика петухов, а от невероятного, сказочного перезвона. Казалось, сам воздух наполнился хрустальной музыкой. Пели тысячи колокольчиков: стеклянные в окнах, глиняные на почтовых столбах, кованые на воротах и крошечные серебряные на шеях коз и коров. Солнце, выкатившись из-за горизонта, было необычайно ярким и теплым, словно тоже нарядилось к празднику.

Элия открыла глаза и сладко потянулась. Сон о золотом море и фиолетовых тенях растаял, оставив лишь легкое, радостное покалывание в кончиках пальцев. В окно заглядывал шаловливый солнечный зайчик, который прямая перебирался с подушки на стену, приглашая вставать.

— Утро! Утро! — пропела она, вскакивая с кровати.

Её левое плечо больше не болело, оно лишь приятно пульсировало, словно внутри него билось маленькое, горячее сердце, готовое к танцам. Из кухни уже доносились умопомрачительные запахи: Марта пекла свои знаменитые медовые коврижки с корицей и ванилью, вздыхало тесто в печи, Марта усердно взбивала сливки.

— Вставай, соня! — донесся её веселый голос. — Весь мед без тебя съедят!

Элия спрыгнула с кровати и подбежала к сундуку, достала свое новое платье. Оно было цвета спелой ржи, с пышными рукавами и вышивкой в виде лазурных цветов по подолу. Элия закружилась по комнате, любуясь тем, как ткань облегает фигуру. Она села перед зеркалом и принялась расплетать косу. Волосы рассыпались по плечам золотистым водопадом. Элия взяла новый костяной гребень, подаренный отцом в городе, и бережно провела им по прядям.

В дверь постучали, и вошел отец. Он был в своей лучшей синей рубашке, подпоясанной широким кожаным ремнем с серебряной пряжкой. Его борода была аккуратно подстрижена, а в глазах плясали веселые искорки.

— Ну что, радость моя, готова затмить самой все во круг? — Он полез в карман и достал кулон. Это был необычный камень, оправленный в тусклый металл. На первый взгляд он казался обычным прозрачным кварцем, но внутри него, в самой глубине, пульсировала крошечная искра, напоминающая застывший солнечный луч.

Элия замерла, глядя на ладонь отца. Камень в оправе словно почувствовал её присутствие: крошечная искра внутри него на мгновение вспыхнула ярче, отозвавшись тихим теплом в её пальцах.

— Папа — выдохнула она, осторожно касаясь прохладной поверхности кулона. — Он невероятный. Я никогда не видела ничего подобного. Кажется, будто в нём спрятано живое солнце.

Элия бережно взяла украшение, любуясь тем, как солнечные зайчики пляшут на стенах комнаты, отражаясь от граней кварца. Она протянула кулон отцу и повернулась к нему спиной, приподнимая густые волосы.

— Надень его мне, пожалуйста.

Кайл, чьи огромные руки привыкли к тяжелому плугу и топору, с удивительной осторожностью застегнул тонкую цепочку на её шею. Кулон лег прямо на ложбинку у ключиц, и Элии показалось, что по телу пробежала легкая, приятная волна спокойствия. Она повернулась к зеркалу: простая шелковая лента в волосах и этот таинственный камень делали её похожей на сказочную лесную принцессу.

И тут пробасил он, с гордостью оглядывая дочь.

— Гляди, какая красавица выросла! Кузнецы окрестные, небось, уже молоты побросали, к площади бегут, чтобы хоть краем глаза взглянуть.

Элия рассмеялась, прикладывая к волосам новую шелковую ленту с серебряной каймой.

— Папа, не выдумывай! Они бегут, чтобы Мартиных коврижек поесть, а не на меня смотреть.

— И то верно! — Отец притворно вздохнул. — Против Мартиной выпечки даже магия бессильна. Ну всё, пошли! — Отец подхватил её под руку. — Повозка ждет, кони бьют копытами, а Лукас, небось, уже всю кузнию извёл, ожидая твоего появления!

Они вышли на крыльцо, и деревня встретила их оглушительным, радостным — Ура-а-а!. Праздник День Путника начался, и этот день обещал стать самым волшебным в жизни Элии.

Кайл вывел из конюшни лошадей, чьи гривы Марта самолично украсила разноцветными лентами и маленькими колокольчиками. Телега превратилась в настоящий плывущий сад: борта были укрыты охапками полевых цветов, а над сиденьем качались гирлянды из свежей ивы.

— Ну, дочка, занимай трон! — отец посадил Элию на переднюю скамью, застеленную расшитым ковром.

Как только телега тронулась, раздался веселый перезвон от каждого движения копыт. Едва они выехали со двора, как их окружили радостные крики соседей.

— Смотрите, Элия едет! Настоящая королева Дня Путника! — кричала тетушка Беата, размахивая пятнистым платком из окна своего дома.

— Кайл, не растеряй дочку, а то женихи повозку на сувениры разберут! — шутил старый Томас, подмигивая им с порога своей лавки.

Отец в ответ только громко хохотал, помахивая кнутом, на кончике которого тоже болтался крошечный колокольчик.

— Не дождутся, Томас! У меня кулак тяжелее их серенад! — басил он, а затем шепотом добавил Элии: — Гляди, как все рты пооткрывали. Точно говорю, твоя лента в волосах сегодня станет главной темой для сплетен на целый месяц.

Элия смеялась, подставляя лицо теплему ветру. Она махала рукой деревенской детворе, которая бежала следом за повозкой, пытаясь поймать ленточки, развевающиеся на ветру. Дребизжали колеса по мягкой траве, и всё вокруг казалось расцветенным в самые яркие краски.

Когда они проезжали мимо кузницы, из-за угла выскочил Лукас. На нем была белоснежная рубаха с вышивкой, которую он явно берег для особого случая, а на поясе — о чудо! — висел тот самый новый нож в кожаных ножнах, который Элия подарила ему вчера.

— Эй! Подождите путника! — крикнул он, на ходу запрыгивая на подножку телеги. — Дядя Кайл, подвиньтесь, а то я сейчас на ходу катапультируюсь! Лукас ловко перемахнул через борт и уселся рядом с Элией. От него пахло свежей мятой и совсем немного — привычным жаром железа. — Ну и ну! — Лукас присвистнул, оглядывая Элию. — Ты сегодня... ты прямо как та самая легенда, Эл. Глаза так и сияют.

— Это всё лента, Лукас, — Элия кокетливо поправила серебристую кайму на волосах, чувствуя, как щеки обжигает приятный румянец. — Она из города, там знают толк в блеске. Тебе нравится?

— Лента? — Лукас хмыкнул, не сводя с неё восхищенного взгляда. — Лента красивая. Но ты в ней — еще красивее. Гляди, я нож взял. Отец как увидел сталь, чуть наковальню не проглотил от зависти! Сказал, что с таким инструментом я к осени должен стать главным мастером в округе.

Отец обернулся к ним, хитро прищурившись.

— Ну-ну, мастер, ты только лезвие не затупи, пока на празднике пироги резать будешь. А то знаю я вас, молодых: сначала танцы до упаду, а потом ножи по кустам теряете!

— Не потеряю, дядя Кайл! — Лукас серьезно хлопнул по рукояти. — Это мой талисман теперь.

Телега торжественно въехала на площадь под громкий аккорд скрипок бродячих артистов.

— Приехали! — объявил отец, натягивая вожжи. — Лукас, помоги Элии спуститься, да смотри, чтобы она ноги не отдала в первом же танце!

Лукас спрыгнул первым и протянул Элии обе руки.

— Позвольте, госпожа Элия, — он запнулся на мгновение, словно вспомнив что-то важное, но тут же широко улыбнулся. — Сегодня весь этот праздник — для тебя. Слышишь, как колокольчики звенят? Они поют твое имя.

Элия вложила свои ладони в его горячие, мозолистые руки. Когда она коснулась его, по всему телу пробежала волна тепла, но на этот раз это была не пугающая стихия, а чистая, искрящаяся радость.

— Я слышу, Лукас, — прошептала она. — Я всё слышу.

Вокруг них уже закружился хоровод, запахло жареным мясом и медовухой, а на помосте скрипач взял первую, самую высокую ноту, призывая всех к началу Дня Путника. Площадь превратилась в бурлящий океан радости. Повсюду развевались синие флаги, а в воздухе стоял густой, аппетитный аромат праздника. Элия и Лукас, спрыгнув с телеги, сразу оказались в самом центре этого безумного и прекрасного вихря.

— Эл, если мы сейчас не попробуем жареных яблок тетушки Беаты, я официально объявлю этот праздник неудавшимся! — засмеялся Лукас, увлекая её к торговым рядам.

Они пробирались сквозь толпу, обмениваясь шутками с соседями. Лукас купил два огромных яблока в густой, золотистой карамели. Элия откусила кусочек, и сладкий сок брызнул на губы.

— Это же чистый мед! — сказала она.

Рядом жарились на углях колбаски с чесноком — шипел жир, падая на пламя. Отец, завидев их, протянул им по кружке свежего холодного сбитня. Элия сделала глоток, чувствуя, как имбирь и мята приятно холодят горло.

— Смотри! — Элия указала на Марту, которая с победным видом раздавала свои медовые коврижки.

У её прилавка стоял такой гвалт, что не было слышно музыки.

— Элия, дочка! — крикнула Марта, утирая пот со лба. — Бери еще теплую, а то артисты всё подчистую выгребут!

На середине площади организовали традиционную игру Дня Путника. На высоком столбе, густо смазанном маслом, висели связки лазурных колокольчиков и один главный приз — расшитый кошель с серебром.

— Ну что, кузнец, покажешь удаль? — подзадорила Элия, глядя на Лукаса с вызов. Лукас сбросил праздничный жилет, оставшись в одной рубахе, и, лихо подмигнув, бросился к столбу. Толпа взорвалась криками:

— Давай, Лукас! Жми!

Ладони парня скользили по дереву. Он сопел, напрягая мышцы, и когда до верхушки остался всего локоть, столб предательски качнулся. Элия затаила дыхание, прижав руки к груди. В какой-то момент Лукас соскользнул вниз на метр, и толпа издала разочарованный вздох. Но он не сдался. Сделав мощный рывок, он уцепился за перекладину и с торжествующим криком сорвал один из лазурных колокольчиков.

— Для тебя! — выдохнул он, спрыгнув на землю и протягивая Элии трофей.

Колокольчик звякнул в его руке особенно чисто. Они пошли дальше, мимо бродячих артистов. Один из шутов на ходу жонглировал горящими факелами. Гудело пламя над голо-

вами, и Элия невольно зажмурилась, а потом рассмеялась, когда шут внезапно достал из-за её уха крошечную стеклянную рыбку.

— Ты видел? Откуда она там взялась? — Элия крутила в руках безделушку, сияя от восторга.

— Магия, не иначе, — подхватил отец, который подошел к ним, уминая сочную колбаску. — Элия, Лукас, идите-ка к качелям, пока там очередь не выстроилась до самого леса. Сегодня небо принадлежит молодым!

Лукас подхватил Элию под руку, и они побежали к огромным деревянным качелям, украшенным лентами. Когда они взлетали ввысь, Элии казалось, что она может коснуться солнца. Ветер бил в лицо, раздувая её золотистые волосы, серебристая лента вилась следом, и весь мир внизу — шумный, пестрый, пахнущий медом и дымом — казался самым безопасным местом во вселенной.

— Я никогда не была так счастлива! — крикнула она Лукасу, когда они были в самой высокой точке полета.

— Это только начало, Элия! — отозвался он. — Слышишь? Скрипки начинают настраиваться. Скоро будут настоящие танцы и наш с тобой танец!

Глава 5.

Небо над деревней начало наливаться глубоким индиго, и первые звезды — предвестники Ориона — робко проступили сквозь вечернюю дымку. Шум праздника не утих, но изменил свой тон: на смену залиvistому смеху пришло таинственное, почти благоговейное ожидание.

— Смотрите! Пора! — пронесся по толпе гулкий шепот.

Староста деревни поднес факел к главному костру на площади. Сухое дерево отозвалось мгновенно. Языки пламени, жадные и ярко-рыжие, лизнули сумерки, с треском рассыпая снопы искр. Вслед за главным огнем по всей округе начали вспыхивать малые костры, словно отражения звезд на земле. Воздух наполнился запахом горящей березы и горьковатым дымом, который тонкой струйкой уходил в зенит.

Наступил самый торжественный момент Дня Путника. Скрипки замолкли, и над площадью поплыл низкий, тягучий звук волынки.

— Девы, в путь! — провозгласила женщина, её голос в тишине прозвучал торжественно и строго. — Ищите то, что дарит небо, и пусть земля укажет вам дорогу к сердцу!

Элия почувствовала, как по спине пробежала волна мурашек. Согласно древнему поверью, только в эту ночь, когда зажигаются костры, в лесу расцветают редкие лазурные цветы. Та, что найдет цветок, встретит свою истинную судьбу. Кто-то шептал, что это принесет счастье с любимым.

— Эл, — Лукас поймал её за руку, и его глаза в свете костра казались темными, почти черными. — Будь осторожна. Не уходи слишком далеко. Я буду ждать тебя здесь, у первого огня.

— Я быстро, Лукас, — пообещала она, поправляя синюю ленту. — Я знаю лес. Он сегодня добрый.

Группа девушек в светлых платьях, словно стайка призрачных мотыльков, двинулась к кромке леса. Элия шла чуть впереди. Как только они пересекли границу первого дерева, шум праздника внезапно схлопнулся, сменившись гулкой, ватной тишиной. Теперь она слышала только шорох своих юбок о высокую траву и хруст маленьких веточек. Лес дышал прохладой и влажным мхом.

Костры на площади остались позади, превратившись в мерцающие точки. Теперь единственным светом были звезды и слабое, почти невидимое сияние, исходившее от самого воздуха. Левое плечо Элии начало пульсировать — мерно, горячо, в такт её шагам. Она отделилась от подруг, ведомая этим странным внутренним компасом. Ей казалось, что лес расступается перед ней, шепча: «Сюда... сюда...».

Она вышла на поляну. И там, в корнях старого дуба, она увидела его. Крошечный цветок с лепестками, которые казались вырезанными из сапфира. Он светился мягким, лазурным светом, пульсируя точно так же, как её плечо. Элия затаила дыхание.

Пальцы Элии дрожали, когда она коснулась стебля. Как только её кожа соприкоснулась с лепестками, лазурный свет цветка вспыхнул ярче, на мгновение окрасив её ладони в призрачный неоновый цвет. Она осторожно потянула и цветок оказался у неё в руках. Он был легким и холодным, словно сделанным из замороженного тумана.

В ту же секунду лес вокруг неё изменился. Мирный стрекот сверчков оборвался так резко, будто мир оглох. Воздух вокруг поляны застыл, став густым и липким.

Элия почувствовала, как по затылку пробежал ледяной разряд, а волоски на руках встали дыбом. За её спиной раздался звук, который невозможно было спутать ни с чем тяжелой, морозной ткани о сухую траву. Она не обернулась — она замерла, боясь даже вздохнуть. Воздух

за её плечом внезапно запах озона, старой кожей и бесконечным, вековым холодом. Температура упала так низко, что её выдох превратился в густое белое облако пара. Элия медленно, дюйм за дюймом, повернула голову. Он стоял всего в двух шагах.

Всадник не был похож на человека в этот раз; он казался прорехой в самой реальности. Ткань плаща казалась сотканной из живого дыма, который медленно стекал на землю, превращая траву под Его ногами будто в пепел. Лицо Его было скрыто глубокой тенью капюшона, но Элия видела два фиолетовых огня, горевших там, где должны были быть глаза. Они смотрели на неё с пугающим спокойствием, в котором не было угрозы — только бесконечное, неизбежное право обладания.

Элия прижала лазурный цветок к груди, чувствуя, как его холод борется с жаром, внезапно вспыхнувшим в её плече.

— Ты... — выдохнула она, и её голос надломился.

Всадник не ответил. Он не произнес ни слова, но в тишине её сознания прозвучал тихий, вибрирующий гул, похожий на звон далекого колокола. Медленно, с величественной грацией, Всадник поднял руку. Черная латная перчатка, матовая и тусклая, со скрежетом указала длинным пальцем в сторону мерцающих вдали костров деревни. Этот жест был красноречивее любых слов. «Иди. Твое время еще не настало. Наслаждайся своим последним земным праздником».

Элия сделала шаг назад, не сводя глаз с темного силуэта. Её сердце колотилось о ребра заглушая все остальные звуки. Она ждала, что Он бросится на неё, что Тень поглотит её вместе с лазурным цветком, но Всадник оставался неподвижен, как обсидиановая статуя. Она сделала еще шаг, затем другой.

Холод начал отступать, сменяясь далеким теплом праздничных костров. Когда Элия оказалась на краю поляны, она в последний раз обернулась. Тень всё еще стояла там, среди мертвой тишины и инея. Фиолетовые глаза вспыхнули в последний раз, и Всадник медленно растворился в ночном тумане, оставив после себя лишь едва уловимый запах озона и тихий, замирающий шепот ветра.

Она развернулась и со всех ног бросилась к свету, сжимая в руке цветок, который теперь казался ей не просто символом судьбы, а настоящим маяком в этой наступающей тьме.

Выбежав на освещенный край поля, где тепло праздничных костров наконец коснулось её лица, прогоняя ледяное оцепенение. Она резко остановилась, заставив себя глубоко выдохнуть. Вдох... выдох... сердце постепенно замедляло свой бешеный ритм, хотя лазурный цветок в её руке всё еще казался тяжелее кузнечного молота. Она быстро оправала юбки, смахнула с плеча крошечные пылинки, и спрятала дрожащие пальцы в складках платья.

Когда она подошла к главному костру, отец уже стоял там, оживленно беседуя со старостой. Он обернулся, и в его глазах на мгновение вспыхнула тень той самой утренней тревоги, но Элия опередила его вопрос. Она нацепила на лицо самую лучезарную улыбку, на которую была способна, и высоко подняла сияющий цветок.

— Смотри, папа! — её голос прозвучал звонко, почти без дрожи. — Я нашла его!

Прямо у старого дуба, как в сказках Марты. Отец подошел к ней, внимательно вглядываясь в её лицо. Его взгляд скользнул по её волосам, по щекам, раскрасневшимся от бега, и задержался на лазурном свечении лепестков.

— Нашла всё-таки, — пробасил он, и Элия почувствовала, как его тяжелая ладонь легла ей на плечо. — Ты вся дрожишь, Звездочка.

— Лес сегодня холодный? — Просто разгорячилась, пока бежала, а потом ветром обдало, — легко соврала она, чувствуя, как ложь горьким привкусом оседает на языке. — Там так тихо, папа. Ни души, только звезды и этот цветок.

Марта подошла сзади, всплеснув руками при виде лазурного сияния. «Ох, красота-то какая!» — восхитилась няня, принимаясь вплетать стебель цветка в косу Элии, прямо рядом с синей лентой.

— Ну теперь держись, — шепнула Марта, поправляя серебристую кайму. — Теперь ты — настоящая Хозяйка Пути. Лукас вон уже глаза проглядел, всё к лесу оборачивался.

Элия чувствовала на себе пристальный взгляд отца. Кайл молчал, но его ноздри чуть заметно подрагивали, словно он пытался уловить в воздухе запах озона или чужака. Но Элия лишь задорно рассмеялась, потянув его за рукав к столам с угощением.

— Пойдем, папа! Я проголодалась так, будто не ела неделю. Городские пышки уже давно выветрились!

— Иди, ешь, — отец наконец улыбнулся, хотя складка между бровей никуда не делась. — Иди к Лукасу, он там у помоста круги нарезает. А я... я присмотрю, чтобы костер не погас.

Элия отошла от отца, чувствуя, как спину обжигает его защитный, подозрительный взгляд. Она знала — он не до конца поверил. Но сейчас, среди этого барабанового и веселого сотен колокольчиков, ей было жизненно важно верить в свою обычную жизнь. Она видела Лукаса, который стоял у края помоста, и его лицо осветилось такой искренней радостью, что ледяной холод Всадника окончательно отступил в самые дальние уголки её памяти.

— Нашла! — выдохнул Лукас, делая шаг ей навстречу. — Элия, ты... ты светишься. Настоящая судьба, как и обещали.

— Настоящая, Лукас, — ответила она, подавая ему руку. — Давай танцевать.

Пока музыка не смолкла. Она вскинула голову, и лазурный цветок в её волосах вспыхнул в такт первому удару смычка по струнам. Тягучие звуки волынки резко оборвались, и над площадью рассыпалась звонкая, заливи́стая трель скрипки. Это был сигнал к началу Главного Танца. Лукас, который до этого момента не сводил с Элии глаз, решительно шагнул вперед. В свете костров его лицо казалось высеченным из камня, но в глазах плясали озорные и теплые огоньки. Он отвесил шуточный, но глубокий поклон, прижав руку к сердцу.

— Госпожа Хозяйка Пути, — пробасил он так, что окружающие весело заулюлюкали. — Не откажите простому кузнецу в чести сбить каблуки об этот помост!

Элия со смехом вложила свою ладонь в его широкую ладонь.

— Смотри не подкачай, кузнец! Говорят, городские девчата танцуют быстрее ветра!

Они вылетели в центр круга, и в ту же секунду барабаны ударили мощный, ровный ритм. Танец закружил их мгновенно. Это не был чинный городской вальс — это была неистовая деревенская пляска, полная жизни и силы. Лукас подхватил Элию за талию, и они закружились так быстро, что подол её золотистого платья взлетел, описывая широкую дугу. Шелестела ткань, задевая высокую траву у края помоста. Лукас выбивал ритм коваными сапогами, а Элия звонко смеялась, откидывая голову назад. Лазурный цветок в её волосах пульсировал в такт музыке, оставляя в воздухе едва заметный светящийся след. Вся деревня расступилась, образовав живое кольцо. Люди хлопали в ладоши, выкрикивали их имена и подбадривали:

— Давай, Лукас! — Элия, лети!

Они были идеальной парой: темноволосый, могучий Лукас, чья рубаша натянулась на широких плечах, и тонкая, сияющая Элия, чьи золотистые волосы рассыпались по плечам, переплетаясь с серебристой лентой. В какой-то момент музыка стала еще быстрее — скрипач на помосте буквально терзал струны. Лукас подхватил Элию и на вытянутых руках поднял её высоко вверх.

— Смотри, Эл! Весь мир у твоих ног! — крикнул он, вращая её над головой.

Элия раскинула руки, чувствуя, как ветер свистит в ушах, а искры от костров взлетают рядом с ней, словно крошечные светлячки. В этот миг она забыла обо всём: о Всаднике, о тайнах отца, о холоде леса. Она чувствовала только горячие ладони Лукаса, ритм барабанов и бесконечный восторг полета. Когда музыка достигла своего пика и оборвалась на торжественном, мощном аккорде, Лукас бережно опустил её на землю. Они стояли в самом центре, тяжело дыша, раскрасневшиеся и абсолютно счастливые.

— Ух... — выдохнул Лукас, утирая пот со лба. — Ну и задала ты мне жару, Эл.

Элия стояла, вцепившись в крепкие плечи Лукаса, и чувствовала, как земля под ногами всё еще продолжает кружиться в бешеном ритме скрипок. Волосы растрепались, одна прядь прилипла к влажному лбу, а лазурный цветок в косе чуть сдвинулся набок, но она никогда не чувствовала себя такой живой. Она звонко рассмеялась, глядя в его сияющие глаза, и шутливо толкнула его ладонью в грудь.

— Это я-то задала жару? — выдохнула она, пытаясь поймать сбитое дыхание. — Да ты кружил меня так, будто хотел забросить прямиком на луну! У меня до сих пор коленки дрожат, кузнец.

Лукас восхищенно покачал головой, не выпуская её рук.

— Видал я, как городские барышни в садах вальсируют — медленно, как сонные мухи. А ты... Откуда в тебе это, Эл? Тебя точно в городе учили какому-то тайному танцу, признавайся!

Элия покачала головой, и её смех смешался с радостным гулом толпы вокруг.

— Никто меня не учил, глупый! В городе я только на витрины смотрела да рты разевала. Там всё по линейке, всё по правилам... А здесь... Она на мгновение замолчала, прислушиваясь к тому, как внутри неё всё еще вибрирует эхо барабанов. — Здесь мне просто не нужно было думать. Ноги сами знали, куда ступать, а сердце — когда прыгать. Словно музыка текла у меня по жилам вместо крови. Наверное, это просто наш воздух такой, Лукас. Или твои руки слишком крепко держали, чтобы я могла оступиться. Она поправила свою серебристую ленту, которая теперь висела на плече, как живая змейка. — Город красивый, да. Но там я была просто тенью среди камней. А здесь, с тобой... я чувствую, что я дома. И никакой учитель танцев не расскажет тебе, как летать, если у тебя нет крыльев.

Лукас улыбнулся — той самой открытой и нежной улыбкой, от которой у Элии всегда становилось сладко на душе. Он притянул её руку к своим губам и быстро, почти невесомо коснулся пальцев.

— Твои крылья сегодня видели все, Эл. И поверь, теперь ни один парень в деревне не уснет спокойно, вспоминая, как ты сияла в этом кругу.

Праздничный шум на мгновение расступился, когда Марта, раскрасневшаяся и сияющая не меньше самой Элии, замахала им широким белым полотенцем. Она стояла у длинного дубового стола, который буквально стонал под тяжестью угощений.

— Эй, танцоры! — прорезал гул голосов её звонкий выкрик. — А ну-ка живо сюда, пока молодые артисты не оставили от окорока одни косточки! На одних прыжках да улыбка до рассвета не протянете!

Лукас, всё еще тяжело дыша, весело подмигнул Элии и потянул её за руку к столу. Запах жареного мяса, приправленного дикими травами и чесноком, был настолько густым, что у Элии закружилась голова. Огромный окорок, покрытый золотистой хрустящей корочкой, выпускал в прохладный вечерний воздух аппетитные завитки пара, шкварчал сок стекая на блюдо.

— Ох, Марта, — выдохнула Элия, присаживаясь на край скамьи. — Я думала, что после такого танца вообще ничего не почувствую, но теперь... кажется, я готова съесть целый луг!

— И правильно, девочка! — Марта с ловкостью заправского повара отрезала щедрый ломоть мяса и положила его на тарелку Элии. — Ешь, заслужила. Вон как у Лукаса глаза горят — того и гляди, со столом вместе проглотит.

Лукас в это время уже вовсю орудовал своим новым городским ножом, отрезая кусок хлеба. Сталь блеснула в свете костра, и парень с гордостью посмотрел на инструмент.

— Гляди, тетя Марта, как режет! — похвастался он. — Словно не хлеб, а масло. Городская сталь — вещь!

— Вижу, вижу, мастер, — рассмеялась Марта, разливая по кружкам прохладный золотистый сидр запел напиток, покрываясь белой пеной. — Ты только пальцы побереги, они тебе завтра в кузнице понадобятся. А ну, берите кружки!

Элия поднесла кружку к губам. Сидр был ледяным, терпким и пах яблоневым садом после дождя.

— За День Путника! — пробасил подошедший Отец, скрестив свою кружку с их. Чистый звук разнесся над столом. — И за то, чтобы каждая тропа всегда вела к доброму порогу. — Хорошо-то как, папа, — Элия сделала глоток, чувствуя, как приятная прохлада смывает усталость танца. — Всё-таки наш праздник — самый лучший. В городе такого сидра не сыщешь, там он какой-то... слишком правильный. А здесь в нем будто само солнце бродило.

— Это всё потому, что здесь его пить веселее, — Лукас откусил добрый кусок мяса и довольно зажмурился. — Эл, ты только посмотри на артистов! Кажется, они сейчас начнут свое главное представление.

Марта подложила Элии еще пару запеченных картофелин, пахнувших дымком.

— Ешьте, ешьте, голубчики. А потом — снова в круг. Пока лазурные колокольчики звенят, спать никому не положено!

Элия улыбнулась, чувствуя, как тепло родного дома и забота Марты окончательно вытесняют тени леса. Она смотрела на Лукаса, на отца, на сияющие огни вокруг и верила, что этот вечер — самая настоящая крепость, которую не разрушить ни одной тьме. Над площадью внезапно прогреготал мощный удар барабана, и толпа мгновенно притихла, расступаясь перед бродячими артистами.

Главный закликал в ярко-алом кафтане взмахнул рукой, и из темноты, окружавшей костры, вылетели первые светящиеся снаряды. Это были не просто факелы. Это были тонкие, гибкие обручи, обмотанные особой нитью, которая горела холодным, ярко-синим пламенем. Они чертили в воздухе идеальные дуги, переплетаясь и рассыпаясь каскадами искр.

— А теперь! — прокричал артист, чей голос перекрывал даже треск костров. — Нам нужна та, чье сердце сегодня поет в такт лазурным колокольчикам! Та, что нашла цвет самой ночи!

Он указал расшитым рукавом прямо на Элию. Все головы повернулись к ней. Лукас бодряще сжал её ладонь под столом, а отец, чуть нахмурившись, всё же кивнул — праздник требовал чудес.

— Иди, Эл! — шепнул Лукас. — Покажи им!

Элия поднялась, и вышла в круг под задорный перебор лютни. К ней подбежала гимнастка в сверкающем трико и протянула два обруча. Они не обжигали, от них веяло странным, бодрящим озоном — почти таким же, как в лесу, но без ледяной жути.

— Просто крути их, красавица, — шепнула артистка. — Огонь сам знает, куда лететь.

Элия взмахнула руками, и обручи послушно взмыли вверх. Она начала вращаться, и синие кольца пламени заплясали вокруг неё, создавая светящуюся сферу. Воздух загудел. Элия чувствовала себя центром маленькой, прирученной бури. Толпа восторженно ахнула. Под удары бубнов Элия подбрасывала обручи и ловила их, пританцовывая. Её лазурный цветок в волосах резонировал с пламенем, вспыхивая ярче с каждым её движением.

Лукас вскочил с места, хлопая громче всех. Его глаза сияли гордостью. Марта прижала руки к щекам, шепча молитвы удачи, а Кайл невольно подался вперед, замороженный тем, как ловко его дочь управляется со стихией. В какой-то момент артисты подбросили вверх еще пять обручей, и все они, словно притянутые магнитом, начали вращаться вокруг Элии. Она стояла в самом центре синего огненного вихря, смеясь и раскинув руки.

— Смотрите! Она сама как огонь! — закричал кто-то из толпы.

Элия поймала последние обручи и эффектно опустила их на землю, гася пламя одним резким движением. Наступила секундная тишина, а затем площадь буквально взорвалась криками и свистом.

— Ну ты даешь, Эл! — Лукас подбежал к ней, когда она, запыхавшаяся и сияющая, вышла из круга. — Ты точно не из их каравана сбежала? Это было... невероятно!

Элия обернулась к артистам, которые отвешивали ей поклоны. Глубокая полночь опустилась на деревню, но праздник не угас — он просто переродился, став тише, таинственнее и теплее. Небо превратилось в густой черный бархат, на котором Орион сиял так ярко, будто звезды умылись в ночной росе. Главные костры на площади прогорели, превратившись в горы малиновых, дышащих жаром углей. Выбрасывая ввысь одинокую золотую искру.

Деревня погрузилась в мягкий оранжевый полумрак, в котором силуэты людей казались призрачными и мягкими. Веселые скрипки смолкли, уступив место низкой, баюкающей мелодии лютни. Издалека, со стороны реки, доносился прерывистый шепот воды. А над всей площадью плыл едва уловимый, хрустальный перезвон: это тысячи лазурных колокольчиков откликнулись на легкое дыхание ночного бриза. К аромату жареного мяса и яблок добавился запах ночного леса — мокрой хвои, папоротника и остывающей земли.

Элия и Лукас сидели на краю помоста, свесив ноги. Усталость после бешеного танца и огненного шоу навалилась приятной тяжестью. Элия прислонилась головой к плечу парня, чувствуя, как его рука осторожно и собственнически обнимает её за талию.

— Тишина-то какая, Эл, — прошептал Лукас, и его голос в этой полночной мгле звучал непривычно глубоко. — Кажется, если прислушаться, можно услышать, как звезды шепчутся.

— Они не шепчутся, Лукас, — Элия полузакрыла глаза, глядя на тлеющие угли. — Они поют. Просто днем их песня слишком тихая для нас.

Отец и Марта сидели чуть поодаль, у остатков своего стола. Отец курил трубку, и красная точка табака мерцала в темноте, как глаз маленького зверя. Он молчал, но его взгляд то и дело возвращался к дочери. В эту полночь он выглядел не как грозный кузнец, а как человек, который хранит слишком тяжелую ношу и наконец позволил себе минуту отдыха.

Вдруг со стороны леса потянуло странным холодом — тонким, колючим сквозняком. Лазурный цветок в волосах Элии, который за вечер немного поник, внезапно расправил лепестки и вспыхнул ровным, пульсирующим светом.

— Полночь Путника, — тихо произнесла Марта, перекрестившись. — Время, когда старые дороги закрываются, а новые только намечаются в пыли. Элии на мгновение показалось, что в тени заброшенной мельницы промелькнул длинный черный плащ, но она лишь крепче прижалась к Лукасу.

— Не бойся, — шепнул он, почувствовав её легкую дрожь. — Я здесь. И колокольчики звонят по-доброму.

Площадь постепенно пустела. Последние гуляки тихими группами расходились по домам, и только редкий смех вдалеке нарушал воцарившуюся гармонию. Угли главного костра подернулись серым бархатистым пеплом, сквозь который всё еще проглядывало мягкое рубиновое свечение.

Лукас поднялся первым и протянул Элии руку, помогая ей встать с деревянного помоста. Его ладонь была горячей и надежной.

— Ну что, Эл, — негромко проговорил он, и его голос в ночной тишине показался Элии удивительно бархатистым. — Пора и честь знать. Марта вон уже зевает, прикрываясь фартуком, да и дядя Кайл подозрительно часто поглядывает на свою трубку.

Они пошли по знакомой тропинке, ведущей к ферме. Деревня спала. Воздух стал неподвижным и густым, наполненным ароматом прибитой росой пыли и ночных цветов. Где-то в зарослях малины сонно ворохнулась птица, а из высокой травы доносилось монотонное, убаюкивающее последнее сверчка. Луна, огромная и серебряная, заливала дорогу призрачным светом, превращая обычные кусты калины в фантастические застывшие изваяния.

Элия шла рядом с Лукасом, чувствуя, как приятная усталость разливается по телу. Лазурный цветок в её волосах теперь светился совсем слабо, как затухающая свеча.

— Знаешь, — тихо сказала она, нарушая тишину. — Мне на мгновение показалось, что этот вечер никогда не закончится. Слово мы так и будем кружиться в танце, пока не станем частью этих звезд.

Лукас улыбнулся и чуть крепче сжал её пальцы.

— Если бы я мог, я бы остановил время прямо сейчас. Чтобы ты всегда так улыбалась, Эл. Без этого странного взгляда в сторону леса, который у тебя иногда бывает.

Они остановились у старой калитки, той самой, где еще вчера Элия пыталась отдышаться после встречи в лесу. Но сегодня здесь было спокойно. Пахло сухими травами, которые Марта развесила на веранде, и теплым деревом.

— Ну, вот мы и пришли, — Элия обернулась к нему.

Серебристая кайма её ленты блеснула в лунном свете. — Завтра... — Лукас замялся, переминаясь с ноги на ногу.

— Завтра на рассвете, когда туман еще будет лежать над ручьем, придешь? Я хочу показать тебе то место у старой ивы. Там сейчас рыбы столько, что, кажется, её можно руками ловить. Да и просто... посидим в тишине, пока деревня не проснулась.

Элия кивнула, чувствуя, как сердце радостно екнуло.

— Приду. Как только первый луч коснется флюгера на амбаре, я буду там.

— Договорились, — Лукас нехотя отпустил её руку. — Спи крепко, Эл. Пусть тебе снятся только хорошие сны, слышишь?

— Слышу, Лукас. Доброй ночи.

***

— Элия... Дочка, просыпайся. Живо.

Голос отца звучал непривычно — в нем не было утренней доброты, только сухая, сжатая, как пружина, тревога. Элия с трудом разлепила веки. В комнате царил серый, неуютный полумрак предрассветного часа. Воздух казался колючим и холодным.

Элия приподнялась на локтях, щурясь от слабого света масляной лампы, которую отец держал в руке. Его лицо в дрожащем пламени казалось высеченным из серого гранита.

— Папа? Что случилось? Еще ведь совсем темно...

— Собирайся, — коротко бросил Отец, игнорируя её вопрос. Он уже был в дорожном плаще, а за его спиной виднелся плотно набитый вещевой мешок. — Бери только самое необходимое. Смену белья, крепкие сапоги. Быстрее, Элия!

Элия вскочила с кровати, её босые ноги коснулись ледяных половиц. Страх, который она так старательно прятала вчера за танцами и смехом, ледяной волной ударил в грудь.

— Куда мы едем? А как же рассвет у ручья? Я обещала Лукасу...

Отец резко обернулся, и его глаза вспыхнули недобрым огнем.

— Забудь про ручей! Твое вчерашнее выступление с огнем... этот цветок... Праздник привлек ненужные глаза, Элия. Те, кто искал Искру годами, теперь знают, где её искать. Они уже в лесу. Я чувствую их запах — запах старой стали и смерти. Он подошел к окну и на мгновение приоткрыл ставню. Снаружи, в сером тумане, который окутывал деревню, стояла противоестественная тишина. Не пели птицы, не лаяли собаки. Только где-то вдалеке, со стороны тракта, послышался приглушенный, металлический лязг, от которого у Элии перехватило дыхание. — Мы уезжаем сейчас, через задние ворота, — прошептал Отец, прижимая палец к губам. — Марта собирает еду в дорогу. Мы двинемся к горам, там есть тропы, о которых многие не знают.

Элия замерла посреди комнаты, сжимая в кулаке край холодного одеяла. Страх внутри неё внезапно столкнулся с обжигающей волной протеста. Вчерашний смех, тепло рук Лукаса и золотой блеск ярмарки всё еще жили в ней, и она не собиралась отдавать их без боя.

— Нет! — выдохнула она, и её голос, хоть и тихий, прозвучал резко, как щелчок хлыста. — Я никуда не поеду, пока ты не объяснишь, что происходит!

Отец даже не обернулся, продолжая лихорадочно затягивать ремни на мешке. Его пальцы двигались с пугающей быстротой, кожа терлась о металл пряжек.

— Папа! Посмотри на меня! — Элия подскочила к нему и вцепилась в рукав его тяжелого плаща. — Что ты от меня скрываешь? Почему на окне те же звезды, что были на твоей карте? И кто... кто такая Астерия?! Ты назвал меня так внизу, я слышала!

Отец замер. Его плечи под плащом напряглись, став неестественно широкими в тусклом свете лампы. Элия ждала крика, оправданий, хотя бы гневного окрика, но ответом ей была лишь гулкая, давящая тишина. Снаружи, в тумане, снова раздался тот же звук, словно чей-то тяжелый меч лениво скользнул по камню.

— Кто я, папа? — голос Элии сорвался на шепот, полный отчаяния. — Я не просто дочь кузнеца, правда? Те люди в лесу... Всадник... Он не пытался меня убить. Он смотрел на меня так, будто... будто знал меня вечность. Скажи мне правду!

Отец медленно повернул голову. Его глаза, обычно теплые и смешливые, теперь были похожи на два глубоких колодца, на дне которых плескалась такая невыносимая скорбь, что Элия невольно отшатнулась. Он разжал губы, словно хотел что-то сказать, но в последний момент челюсть его плотно сомкнулась, превратив рот в суровую, прямую линию. Он не ответил. Ни одного слова. Ни кивка, ни жеста. Отец просто отвел взгляд и резким движением забросил мешок на плечо.

— Собирайся, — повторил он, и в этом сухом приказе было больше холода, чем в инее на стекле.

— Ты молчишь... опять молчишь. Уходишь от ответа! — Элия замахнулась рукой, словно хотела ударить по этой стене его молчания, но замерла. — Ты думаешь, если мы убежим в горы, тайна останется здесь? Она во мне, папа! Она жжет меня изнутри!

Отец шагнул к двери, его тяжелые сапоги глухо отозвались на половицах. Он остановился в дверном проеме, его огромная тень перекрыла выход, лишая Элию последней надежды на объяснение. Он лишь крепче сжал подсвечник, так что костяшки пальцев побелели.

— Если ты хочешь дожить до следующего заката, ты возьмешь вещи и спустишься вниз через минуту, — произнес он, не оборачиваясь. — Большого я тебе не должен.

Элия осталась одна в холодной комнате. Она посмотрела на свои ладони, которые всё еще помнили жар вчерашних огненных обручей. Отец превратился в незнакомца. Её жизнь превратилась в пепел, такой же серый и безжизненный. Она поняла: правда не будет подарена ей — её придется вырывать у этого мира силой. Элия лихорадочно начала бросать вещи в сумку, едва видя их из-за застилавших глаза слез. Пальцы наткнулись на холодный стеклянный колокольчик из города — он отозвался коротким, жалобным звоном, который сейчас прозвучал как стон. Она засунула его в самый центр свернутой одежды, словно пытаясь защитить последний осколок своего счастья. Она бросила прощальный взгляд на комнату. Еще вчера здесь пахло праздничными цветами, а сегодня — только гарью и страхом.

Когда Элия спустилась вниз, кухня встретила её непривычным, пугающим полумраком. Очаг, который обычно весело потрескивал, был залит водой, и от него тянуло сыростью. У стола, сгорбившись, сидела Марта. Она больше не была той шумной и веселой хозяйкой, что вчера заставляла всех есть пироги. В тусклом свете одинокой свечи её лицо казалось старым и осунувшимся.

— Марта... — Элия шагнула к ней, ища хоть какой-то поддержки.

Няня резко подняла голову. Её глаза были красными от слез, но рука, которой она вцепилась в край стола, не дрожала. Она быстро оглянулась на дверь, за которой слышались тяжелые шаги отца в амбаре, он выкатывал легкую дорожную повозку.

— Слушай меня, дитя, — прошептала Марта, хватая Элию за запястье. Её ладонь была горячей и сухой. — Времени нет. Твой отец... он делает то, что должен, чтобы ты дышала. Но молчание — плохой щит, когда враг уже на пороге. Марта полезла под свой широкий передник и достала небольшой сверток, обернутый в промасленную темную ткань. Она вложила его в руки Элии, накрыв сверху своей ладонью. — Возьми это. Не открывай при нем. Спрячь так глубоко, чтобы даже холод гор не добрался. Когда наступит час самой долгой тени, ты поймешь, что с этим делать.

— Что это, Марта? — Элия почувствовала через ткань что-то твердое и плоское, от чего исходило едва осязаемое тепло. — Ты тоже знаешь, кто я? Почему меня называют Астерией?

Марта горько усмехнулась, и в её взгляде мелькнула тень бесконечной преданности.

— Я знаю тебя как свою дочь, Элия. Но мир знает тебя как начало конца. Не верь его молчанию. Он боится не за себя — он боится, что ты возненавидишь его, когда узнаешь, от чего именно он тебя прятал. Снаружи раздался резкий свист отца — сигнал, что повозка готова. Марта быстро перекрестила Элию и всунула ей в сумку теплый узелок с хлебом и сыром. — Идем! И помни: светлый цвет не гаснет.

Элия выскочила за порог, прижимая сверток к груди. В лицо ударил серый, пахнущий сыростью туман. На заднем дворе уже ждал отец, удерживая под уздцы коней, которые нервно перебирали ногами по сырой земле.

— Марта! Ключи от подвала и сумку с провизией — живо! — скомандовал он, не оборачиваясь. — Элия, в повозку. Немедленно. Если он здесь, значит, лес уже дышит ими.

Отец не дал ей времени на раздумья. Он буквально впихнул Элию в повозку, и она повалилась на жесткие доски, застеленные старой рогожей. Марта, бледная как полотно, запрыгнула следом, прижимая к груди узел с вещами. Отец рывком вскочил на козлы, и в его руках кожаные вожжи натянулись, как струны.

— Но-о, родимые! — его голос сорвался на хрип.

Повозка дернулась так резко, что Элия едва не ударилась затылком о борт. Колеса с чавканьем прорезали глубокую, еще сырую после ночного ливня грязь, выбрасывая её из-под ободов.

Она обернулась. Их уютная ферма, где она знала каждую щель в заборе, стремительно уменьшалась. На мгновение ей почудилось, что в окне её комнаты мелькнула тень, но повозка уже свернула на дорогу, и дом скрылся за поворотом. Слышалось только бешеное дыхание лошадей, лязг сбруи и тяжелый, ритмичный стук колес о камни. Отец гнал коней не жалея, то и дело оглядываясь назад, на пустеющую дорогу.

Дорога, ведущая к лесу, всегда казалась Элии светлой и гостеприимной, но сегодня она словно сузилась. Туман скрывал почти все. Впереди вставал лес — плотная, непроницаемая стена из древних дубов и сосен. Верхушки деревьев не шевелились, хотя в поле дул свежий ветер. Лес ждал их, затаив дыхание. Чем ближе они подъезжали к опушке, тем холоднее становился воздух. Элия почувствовала, как по коже поползли мурашки. Кулон на её шее, спрятанный под одеждой, вдруг стал тяжелым и холодным, как кусок льда. Когда передние копыта лошадей коснулись первой лесной тени, отец на мгновение придержал коней. Он достал из-под сиденья тот самый продолговатый сверток, который Элия заметила раньше, и положил его себе на колени.

— Слушай меня, — не оборачиваясь, бросил он через плечо. — В лесу будет темно, и может показаться, что дорога петляет. Что бы ты ни услышала — голоса, крики, шепот — не смотри по сторонам. Смотри только на мои плечи. Марта, начинай читать молитву.

Лошади захрапели, пятясь назад и не желая входить под своды деревьев. Отцу пришлось применить кнут, и повозка, подпрыгнув на выступающем корне, нырнула в лесную полутьму. Свет солнца мгновенно померк, сменившись зеленоватым сумраком, в котором даже звуки повозки стали звучать глухо и призрачно. Лес принял их в свои объятия резко, словно захлопнулась ловушка.

Как только колеса повозки пересекли невидимую границу между полем и первой полосой тени, звуки мира изменились. Птичий щебет, еще мгновение назад заливавший окрестности, оборвался, оставив место лишь тяжелому, влажному шороху листвы и надрывному скрипу осей. Свет здесь был другим. Туман застревал в густых кронах, превращаясь в тусклые, болезненно-зеленые полосы, который странным образом поднялся от земли. Древние дубы и сосны стояли вдоль дороги, как молчаливые стражи. Их корни, обнаженные вчерашним ливнем, извивались на пути, словно окаменевшие змеи. Повозку то и дело подбрасывало на них, и Элия вцеплялась пальцами в борта так сильно, что занозы впивались в кожу.

Воздух стал плотным и липким. К привычному запаху мокрой хвои примешивался странный, сладковатый аромат гнили и озона, от которого кружилась голова. Марта сидела рядом с Элией, забившись в самый угол. Её губы шевелились в беззвучной молитве, а пальцы лихорадочно перебирали четки из гладкого дерева. Она ни разу не подняла глаз, словно боялась, что лес увидит её страх. Отец на козлах превратился в каменное изваяние. Его спина была напряжена так, что казалось, кости вот-вот прорвут ткань плаща. Он не просто правил лошадьми — он вел их сквозь этот мрак с такой яростью, будто прорубал путь мечом. Животные вели себя странно. Обычно послушные, сейчас они хрипели, их бока покрылись белой мыльной пеной, а глаза дико косили по сторонам. Они чувствовали то, чего еще не видела Элия.

Внезапно ветер, которого не было слышно за стеной деревьев, пронесся по верхушкам. Но это не был обычный шум листвы. Элии показалось, что тысячи голосов зашептали одновременно, перекликаясь в глубине чащи. Элия не выдержала и посмотрела в сторону. В тридцати шагах от дороги, в густом подлеске, она заметила нечто.

Среди папоротников и коряг мелькнули два огонька. На мгновение ей показалось, что дерево, мимо которого они проезжали, имело человеческий силуэт. Но стоило ей моргнуть, как

видение исчезло, оставив лишь дрожащую тень. Дорога впереди начала стремительно сужаться. Грязь стала глубже, повозку начало водить из стороны в сторон.

— Держитесь! — крикнул отец, когда колесо провалилось в скрытую под водой рытвину.

В этот момент кулон на шее Элии, скрытый под слоями ткани, внезапно ожил. Он не просто стал теплым — он начал вибрировать, издавая тонкий, почти ультразвуковой гул. В такт этой вибрации туман перед лошадьми начал расступаться, открывая чистый участок пути, которого секунду назад там не было. Отец заметил это свечение, пробивающееся сквозь одежду Элии, и его губы сжались в тонкую линию.

— Не смотри назад, дочка! — рявкнул он, когда она попыталась обернуться на звук ломающихся веток позади. — Что бы ты ни слышала, не оборачивайся!

Но звук становился всё громче. Это не был ветер. Это был ритмичный, тяжелый топот копыт, который не оставлял брызг в грязи, но заставлял саму землю содрогаться. Кто-то или что-то следовало за ними в паре десятков ярдов, умело скрываясь за стволами деревьев.

Лес окончательно сошел с ума. Тишина разорвалась не криком, а леденящим душу шелестом. Из-за стволов деревьев, прямо из густого, липкого тумана, начали отделяться фигуры. Они не шли и не бежали — они скользили, словно клочья дыма, обретающие человеческие очертания. Было невозможно понять: люди это в изодранных плащах или сами тени леса ожили, ведомые волей.

Тени двигались рывками, то исчезая, то появляясь вновь уже на несколько шагов ближе к повозке. Их лица были скрыты глубокими капюшонами, из-под которых не доносилось ни дыхания, ни звука — только мертвое, мерцание там, где должны быть глаза.

— Марта! Хватай вожжи! — проревел отец, перекрывая внезапно поднявшийся гул ветра. — Гони через болота! К старой гати! Это единственный путь, где их тени увязнут в живой воде. Только там они не смогут идти строем!

Марта, дрожа всем телом, перебралась на козлы. Её лицо было белым, как мел, но она вцепилась в кожаные ремни с неожиданной силой.

— А как же ты, Кайл? — вскрикнула она.

— Я их задержу! Не оглядывайтесь! — Отец спрыгнул на землю, и в тот же миг первая тень метнулась к повозке, протягивая костлявые, туманные пальцы к Элии.

Она замерла, не в силах отвести взгляд от отца. В этот момент всё, что она знала о нем — добром торговце зерном с мозолистыми руками и усталой улыбкой — рассыпалось в прах. Он стоял посреди дороги, широко расставив ноги, и его фигура вдруг начала преобразоваться. Казалось, он стал выше и шире в плечах. Его дорожный плащ больше не выглядел старой ветошью — он засиял изнутри серебристым светом, по нему побежали руны, точь-в-точь как на той карте в кабинете. Меч в его руках загудел. Золотые нити на лезвии вспыхнули так ярко, что тени, ринувшиеся на него, с шипением отпрянули назад, как ошпаренные. Вокруг него закружилась вихрь из чистой энергии. Глаза отца, всегда карие и мягкие, теперь светились сталью. В каждом его движении была не крестьянская тяжесть, а отточенная, смертоносная грация великого мастера войны, который столетиями готовился к этому бою. Он не просто защищался. Он был живым барьером между светом и тьмой.

— Уходи, Наследница! — выкрикнул он, и этот голос, полный мощи, заставил деревья пригнуться. — Твой путь только начинается!

Это имя колело слух, как ледяная крошка. Оно было слишком холодным, слишком величественным для девушки, которая привыкла, что её зовут коротким, как выдох, именем Элия.

"Астерия" пахла сталью и вечностью, а ей хотелось запаха свежего хлеба. Марта с диким криком ударила коней вожжами. Лошади, обезумев от запаха магии и страха, рванули в сторону, прочь от моста, напрямиком в зыбкую, туманную пустошь болот. Повозку нещадно трясло, колеса врезались в мох и жижу, разбрызгивая черную воду.

Элия, вцепившись в борт повозки, видела сквозь пелену слез и тумана, как её отец — человек, которого она считала простым фермером и отцом — исчезает в кольце черных теней, превращаясь в сияющую точку посреди наступающего мрака.

Болота встретили их мертвой, удушливой тишиной. Как только колеса повозки съехали с твердой лесной дороги на чавкающий мох, звуки битвы позади — звон стали и яростные выкрики отца — внезапно смолкли, словно их отрезало невидимой стеной.

Впереди расстилалась бескрайняя равнина, покрытая низким, седым туманом, из которого, словно кости утопленников, торчали кривые остовы засохших деревьев. Здесь не было троп, только узкие полоски пожухлой травы, разделявшие бездонные «окна» стоячей черной воды.

Повозка опасно накренилась. Лошади по брюхо увязали в жиже, их дыхание вырывалось из ноздрей густым паром. Колеса больше не крутились, они со стоном резали болотный дерн. Марта, вцепившись в вожжи мертвой хваткой, шептала молитвы так быстро, что они сливались в один сплошной гул. Воздух здесь был тяжелым, пропитанным запахом серы и старой тины.

Элия чувствовала, как этот туман пытается проникнуть ей в легкие, сковать мысли, заставить её сдаться и просто закрыть глаза. Но они продвигались все дальше. Болото не просто сопротивлялось их продвижению — оно словно пробовало их на вкус, затягивая колеса в свою голодную утробу. Туман стал настолько густым, что Элия едва видела спину Марты, сидевшей в шаге от нее.

Воздух превратился в липкую взвесь из запаха сероводорода и древнего тления. Лошади двигались рывками, их копыта издавали тяжелый, чмокающий звук, вырываясь из трясины. В какой-то момент повозка замерла, накренившись на левый бок. Колесо намертво застряло между невидимыми корнями.

— Проклятое место... — прошептала Марта, и в этот раз ее голос не дрожал, он был полон запредельного, смертного ужаса. Она обернулась к Элии. — Элия, что бы ни случилось. Слышишь? Не отпу..

Ее фраза оборвалась захлебывающимся хрипом. Все произошло за долю секунды. Из неподвижной, черной как смоль воды, прямо за спиной няни, бесшумно взметнулось нечто. Это не была тень и не был человек. Из жижи показалась конечность, напоминающая гигантскую лапу насекомого, покрытую склизкой тиной и острыми, как бритва, хитиновыми наростами.

Тварь действовала с быстротой молнии. Длинные, многосуставчатые пальцы-крючья обвили талию Марты. Няня успела лишь вскрикнуть, прежде чем ее сорвало с козел. Повозка качнулась от резкого рывка. На мгновение из воды показалась плоская, безглазая голова существа, покрытая белесыми наростами. Вместо рта у него была пульсирующая воронка, из которой вырвался зловонный пар.

— Марта! — закричала Элия, бросаясь вперед и хватая няню за руку.

Элия вцепилась в ладонь Марты, чувствуя, как та тянет ее за собой, в ледяную бездну болота. Пальцы няни были холодными и скользкими от болотной воды. Тварь под водой издала низкий, утробный рокот, от которого завибрировали доски повозки. Элия тянула изо всех сил, ее ноги скользили по мокрой рогоже. Она видела, как Марту затягивает под воду — сначала по пояс, потом по грудь. Глаза няни были расширены от боли, но в них не было просьбы о спасении, только безмолвное прощание.

— Нет. — Крикнула она.

Болотная тварь оказалась сильнее. Сильнее человеческих мышц и сильнее отчаянного крика. Последний рывок, и рука Марты выскользнула из пальцев Элии. Черная вода сомкнулась над головой няни с гулким, тяжелым всплеском. По поверхности пошли широкие круги, вынося наверх лишь несколько старых щепок и клочок серой шали.

Тишина вернулась мгновенно, став еще более тяжелой и давящей. Элия осталась стоять на коленях в пустой повозке, глядя в то место, где только что была ее вторая мать. Ее руки, испачканные в черной болотной грязи, дрожали. Она была одна. Посреди гиблого места, без отца, без Марты, с испуганными лошадьми, которые начали медленно погружаться в трясину вместе с повозкой. Тишина, наступившая после исчезновения Марты, была неестественной, оглушающей.

Элия стояла на коленях, глядя на черную воронку воды, в которой скрылась её последняя опора. Но времени на оплакивание не было: повозка вздрогнула и накренилась еще сильнее. Лошади, чувствуя приближение смерти, забились в упряжи, издавая жуткие, хриплые звуки. Элия бросилась к передней части повозки. Она видела, как несчастные животные по грудь ушли в вязкую жижу. Их глаза были полны безумного ужаса, а из ноздрей вылетали кровавые брызги — трясина уже сжимала их легкие.

Она заметалась по повозке, расшвыривая тюки и рогожу. «Нож! Где нож?!» — билось в голове. Она вспомнила, как в спешке засунула подарок отца глубоко в сумку, но сумка осталась на козлах, и именно туда сейчас медленно перетекала болотная вода. Элия нащупала кожаные ремни упряжи. Они намокли, разбухли и натянулись как стальные тросы под тяжестью тонущих коней. Она впиалась в них ногтями, пытаясь распутать узлы, рвала зубами грубую кожу, чувствуя вкус горького дегтя и грязи. Ногти ломались, пальцы кровоточили, но мертвая хватка мокрой кожи не поддавалась.

Лошади начали сдаваться. Одна из них, серая кобылица, которую Элия кормила яблоками с ладони с самого детства, в последний раз вскинула голову, глядя на хозяйку с немим упреком, и медленно, с тяжелым вздохом, ушла под воду. Вторая лошадь еще билась, её копыта бессмысленно молотили по воде, поднимая тучи зловонной пены. Тяжесть тонущих животных потянула за собой всю повозку. Передние колеса окончательно скрылись в жиже. Доски под ногами Элии затрещали, вода начала заливаться внутрь, ледяным холодом обжигая лодыжки. Элия поняла, что упряжь не просто держит лошадей — она теперь связывает её саму с этим кладбищем.

Повозка превратилась в якорь, который неумолимо тянул её вслед за Мартой и верными конями в бездонное чрево болота. В тот момент, когда последняя лошадь скрылась из виду, оставив на поверхности лишь цепочку пузырей, Элия застыла. Она стояла на накренившемся борту тонущей повозки, одна среди бескрайней, равнодушной топи. Болото праздновало победу. Оно забрало всё: её дом, её защитников, её прошлое. И в этой абсолютной безнадежности кулон на её шее, который она в пылу борьбы почти забыла, вдруг начал издавать звук.

Это был не просто гул, это был яростный крик.

— Нет... — прошептала она, и её голос эхом разнесся над туманом. — Я не умру здесь. Не так.

Она посмотрела на свои окровавленные руки и на тонущую повозку. Ей нужно было решиться: прыгнуть в неизвестность, на кочки, которые едва виднелись в тумане, или уйти на дно вместе со своим прежним миром. Она не стала раздумывать. Собрав последние силы, Элия оттолкнулась от уходящей под воду древесины и прыгнула. Подошвы скользнули по мокрому, покрытому слизью камню. Она едва не сорвалась в черную воду, но в последний момент удержала равновесие, впившись пальцами в холодную шершавую поверхность. Позади раздался глухой, окончательный всплеск — повозка исчезла.

Впереди, словно кости древнего исполина, из тумана начали проступать другие валуны. Они не составляли ровной тропы, они были раскиданы хаотично, но это была единственная альтернатива смерти.

Элия начала свой путь.

Она перебиралась с одного камня на другой, иногда перепрыгивая через узкие полоски бурлящей грязи, иногда проползая на четвереньках. Её руки были ободраны, дыхание со сви-

стом вырывалось из груди, а одежда насквозь пропиталась болотной вонью. Она шла неведомо куда, ведомая лишь инстинктом самосохранения, сквозь серую стену тумана, который, казалось, стал еще плотнее.

Каждый новый шаг по скользким валунам отзывался в теле Элии тупой, пульсирующей болью, но страх, ставший теперь её единственным топливом, гнал её вперед. Болото, почувшавшее свежую кровь и отчаяние, словно ожило, превращаясь из пассивной ловушки в хищника, который затаился и ждет малейшей ошибки.

Туман вокруг Элии стал настолько густым, что она едва видела собственные ладони. Он не просто плыл — он клубился, принимая причудливые, пугающие формы. Ей казалось, что из серого марева на неё смотрят пустые глазницы утопленников, а корявые ветки мертвых деревьев, торчащие из воды, тянутся к её волосам.

Звуки болота сводили с ума. Это не была тишина — это была какофония смерти. Где-то совсем рядом раздавался тяжелый, влажный всплеск, будто что-то огромное перевернулось в черной жиже. Из бездонных «окон» воды с противным свистом вырывался болотный газ, пахнувший тухлыми яйцами и старым железом. Иногда доносился тонкий, похожий на детский плач звук — это ветер терся о полые стебли камыша, но в голове Элии этот звук превращался в предсмертный крик Марты.

Она перепрыгнула на очередной камень, и под её весом он медленно пополз вниз. Элия едва успела вцепиться в пучок жесткой, режущей ладони травы. Прямо под ней, в паре дюймов, черная гладь воды вдруг пошла мелкой рябью, и на поверхность всплыло нечто белесое. Сначала она подумала, что это кусок дерева, но когда «бревно» медленно повернулось, Элия увидела огромный, покрытый бельмом глаз, смотревший на неё из глубины. Это была не рыба и не животное — это был страж болот.

Забившись в узкую расщелину между двумя высокими валунами, Элия прижала колени к подбородку. Её трясло. Грязь на лице засохла коркой, стягивая кожу, а одежда, пропитанная болотной вонью, казалась невыносимо тяжелой.

В этой ледяной месте, окруженная чавканьем трясины, она внезапно вспомнила Лукаса. Еще вчера они стояли у ручья, и он смеялся, пытаясь поймать солнечного зайчика на её щеке. Его руки пахнувшие кузницей и теплым деревом, а не тинной и смертью.

«Лукас...» — прошептала она, и это имя показалось ей заклинанием из другого мира, который сторел дотла.

Она вспомнила, как он просил её встретиться утром у ручья. Как он смотрел на неё которая любит танцевать босиком и смеяться. Теперь это воспоминание жгло её сильнее. Она осознала, что всё, что она любила — её тихая жизнь, её возможное будущее с Лукасом, её простая человеческая радость — было разрушено правдой, которую от неё скрывали.

«За что?» — билось в голове. За что её отец превратился в чудовище из легенд? Почему Марта должна была захлебнуться в этой грязи? Кровь на её руках, смешанная с болотной жижей, была ответом, который она не хотела принимать.

Внезапно звуки болота смолкли. Наступила та самая «мертвая тишина», от которой закладывает уши. Элия замерла, почти перестав дышать.

В сотне шагов впереди туман внезапно окрасился в тусклый, болезненно-пурпурный цвет. Сквозь пелену она увидела движение. Это было нечто огромное и многоногое, напоминающее гигантского паука, но с человеческими чертами в очертаниях туловища. Оно передвигалось по поверхности воды, не оставляя кругов, его длинные, суставчатые конечности бесшумно вонзались в ил.

Тварь остановилась. Её голова, лишённая шеи, медленно повернулась в сторону валунов, где пряталась Элия. Из невидимых пазух существа вырвалось облако пара, и Элия почувствовала ужас.

Она зажала рот ладонями, чувствуя, как сердце колотится о ребра так сильно, что, казалось, тварь должна услышать этот ритм. Тварь издала звук, похожий на скрежет металла по стеклу, и начала медленно, прощупывая воздух перед собой, двигаться в её сторону.

Элия видела, как длинный, покрытый слизью палец существа коснулся камня в десяти шагах от неё. Трясина под ногами твари довольно заурчала. В этот момент Элия поняла: болото не просто ландшафт, оно — часть этой армии. Оно выдает её местоположение каждым выдохом, каждым движением.

Она начала медленно, дюйм за дюймом, сползать с обратной стороны валуна, стараясь не издать ни звука. Пальцы наткнулись на что-то твердое и гладкое в грязи. Опустив взгляд, она увидела человеческий череп, наполовину вросший в мох. Его челюсть была застыла в беззвучном крике, а в глазницах копошились мелкие, светящиеся черви. Элия закусила губу до крови, чтобы не закричать. Она была на кладбище. На кладбище тех, кто тоже пытался спастись.

Тварь была всё ближе. Элия чувствовала холод, исходящий от неё — холод, который замораживал саму надежду. Она поняла, что если она останется здесь, она станет просто еще одним белым черепом в этой бесконечной черной воде.

Собрав всю свою волю, Элия начала пробираться сквозь густые заросли осоки, которые резали руки как бритвы. Вода под её ногами чавкала, словно болото пыталось окликнуть преследователя: «Она здесь! Иди сюда!»

Каждый шорох казался ей громом. Каждый всплеск — концом. Она шла, не видя пути, а воздух — всё холоднее...

Болото вокруг неё изменилось. Исчезли редкие кривые деревца, уступив место бескрайней глади бездонных «окон» черной воды, разделенных узкими, шаткими полосками кочкарника. Гнилой запах стал настолько сильным, что перехватывало дыхание, а вкус горечи оседал на языке. Элия чувствовала себя песчинкой в огромном, равнодушном механизме тления.

Здесь, в самом сердце топи, тишина стала абсолютной. Не было больше ни всплесков, ни свиста газа, ни обманчивых криков ветра. Эта тишина давила на барабанные перепонки, заставляя слышать оглушительный стук собственного сердца и хриплое, рваное дыхание. В этой пустоте мысли Элии невольно возвращались к отцу. Образ доброго кузнеца с мозолистыми руками никак не вязался с тем сияющим воином на мосту.

«Кто ты на самом деле, папа?» — беззвучно шептали её губы. — «И кто я, раз ради меня нужно было принести такие жертвы?»

Она вспомнила его последние слова: «Твой путь только начинается». Но этот путь казался ей дорогой в никуда. Ад, сквозь который она пробиралась, не имел конца, и надежда, еще вчера казавшаяся такой яркой, теперь тлела слабым угольком, готовым погаснуть от малейшего сквозняка.

Тропа, если её можно было так назвать, становилась всё опаснее. Кочки под ногами Элии качались, грозя перевернуться и сбросить её в маслянистую жижу. Ей приходилось балансировать, хватаясь за жесткие стебли осоки, которые нещадно резали её ладони. Кровь, смешиваясь с грязью, стекала по её пальцам, оставляя невидимый след для тех, кто мог обитать в глубине.

Внезапно туман впереди немного рассеялся, обнажив страшную картину. Прямо на её пути, наполовину погруженные в трясины, лежали остатки старого каравана. Телеге, обитые железом, покосились и сгнили, колеса застряли в иле. Но страшнее всего были всадники. Они застыли в седлах, покрытые слоем тины и мха, словно фантастические изваяния. Их одежда истлела, обнажая белесые кости, а в глазницах черепов, скрытых под ржавыми шлемами, казалось, всё еще жило застывшее отчаяние.

Элия замерла. Путь шел прямо через это кладбище. Ей нужно было пройти мимо этих мертвецов, почти касаясь их плечами. Сердце её бешено заколотилось. Ей казалось, что стоит ей сделать шаг, как костлявые руки потянутся к ней, а ржавые мечи со звоном вырвутся из ножен.

Сжав кулаки так, что ногти впились в ладони, она начала двигаться. Шаг. Еще один. Повозка скрипнула под её весом, заставив её похолодеть. Она прошла мимо первого всадника, стараясь не смотреть в его пустые глазницы. От него веяло таким древним холодом, что её дыхание превратилось в густой пар. Лента в её волосах зацепилась за обломок копья, и Элии пришлось резко дернуть головой, оставив клочок ткани на ржавом металле. Этот короткий треск показался ей громом в этой мертвой тишине.

Преодолев кладбище каравана, Элия почувствовала, что силы окончательно покидают её. Глаза слипались, а реальность начала путаться с галлюцинациями. Ей казалось, что туман вокруг неё закружился в вальсе, и она снова на празднике, и Лукас протягивает ей руку.

«Элия, потанцуй со мной», — слышала она его голос, такой реальный и теплый.

Она сделала шаг к призраку, её нога соскользнула с кочки, и она по пояс рухнула в ледяную воду. Холод мгновенно протрезвил её. Трясина тут же сомкнулась вокруг её талии, мертвой хваткой потянув вниз. Элия вскрикнула, хватаясь за край ближайшего валуна. Пальцы скользили по мокрому мху, ногти ломались о камень, но она тянула себя вверх с яростью обреченной.

Выбравшись на камень, она рухнула на него, тяжело дыша. Грязь покрывала её с головы до ног, светлые волосы слиплись в грязные колтуны. В этот момент она ненавидела это болото, всадника в повстречавшего в лесу, который принес ей столько горя.

— Нет... — прошептала она, и её голос эхом разнесся над туманом. — Я не умру здесь. Не так.

Она посмотрела на свои окровавленные руки и на тонущую повозку. Ей нужно было решиться: прыгнуть в неизвестность, на кочки, которые едва виднелись в тумане, или уйти на дно вместе со своим прежним миром.

Она не стала раздумывать. Собрав последние силы, Элия оттолкнулась от уходящей под воду древесины и прыгнула. Подошвы скользнули по мокрому, покрытому слизью камню. Она едва не сорвалась в черную воду, но в последний момент удержала равновесие, впившись пальцами в холодную шершавую поверхность. Позади раздался глухой, окончательный всплеск — повозка исчезла. Впереди, словно кости древнего исполина, из тумана начали проступать другие валуны. Они не составляли ровной тропы, они были раскиданы хаотично, но это была единственная альтернатива смерти.

Спустя вечность, когда силы окончательно покинули её, туман впереди внезапно расступился, обнажив небольшой участок твердой земли, в центре которого возвышался массивный, плоский валун, поросший густым серебристым мхом. На этом валуне, абсолютно неподвижно, сидел человек. Он был закутан в тяжелый, выдавший виды плащ неопределенного цвета — то ли серого, как туман, то ли коричневого, как болотная коряга. Глубокий капюшон скрывал его лицо, оставляя в тени даже подбородок. В его руке был зажат длинный деревянный посох, вырезанный из корявого корня. Навершие посоха едва заметно мерцало мягким, природным светом, который, в отличие от яростных молний всадника, казался теплым и живым. Человек не шевелился. Он выглядел как часть этого болота, как старый камень, который простоял здесь тысячи лет. Элия замерла на последнем камне перед этим «островком», боясь пошевелиться. Тишина вокруг стала абсолютной — даже хлюпанье воды за её спиной прекратилось.

— Далеко же ты забралась, дочь фермера, — голос мужчины был тихим, но он прорезал туман с удивительной четкостью. Это был голос человека, который привык разговаривать с ветром и камнями. — Или мне стоит называть тебя иначе? Он медленно поднял голову, и под краем капюшона Элия увидела блеск глаз. В них не было фиолетового пламени преследователей, но в них светилось знание, от которого ей стало не по себе. — Те, кто ищет тебя, не могут ходить по воде, — продолжил он, указывая посохом на черную гладь болота. — Но они очень терпеливы. Подойди, если твои ноги еще могут тебя держать.

Только сейчас Элия заметила у подножия валуна крошечный, почти не дающий дыма костер, который горел прямо на сырой земле, вопреки всем законам природы. Элия сделала несколько неуверенных шагов по твердой земле, чувствуя, как подрагивают колени. Она остановилась у самого края тепла, которое исходило от странного костра, и обхватила себя руками за плечи. Одежда была мокрой и тяжелой, а от пережитого ужаса зубы выбивали дробь.

— Кто... кто вы? — голос её был едва слышным шепотом. — И почему вы сидите здесь, посреди этой смерти?

Старик медленно шевельнулся, и полы его плаща зашуршали, как сухие листья. Он не смотрел на неё, его взгляд был прикован к крошечным языкам пламени.

— Меня зовут Калев, — произнес он, и в его голосе послышалась легкая, печальная усмешка. — В прежние времена люди называли меня магом, хранителем ключей или просто безумцем из топей. Сейчас я — лишь тот, кто ждет.

Он наконец поднял голову, и Элия увидела его лицо: испещренное глубокими морщинами, как кора старого дуба, с глазами, в которых, казалось, отражались звезды, невидимые за болотным туманом.

— Подойди ближе, Астерия, — сказал он, отчетливо выговаривая каждое созвучие этого имени.

Элия вздрогнула, словно её ударили.

— Меня зовут не так! — выкрикнула она, и в её голосе прорезались слезы гнева. — Меня зовут Элия! Я дочь фермера из долины. Вы ошибаетесь... вы все ошибаетесь! Какой-то всадник в лесу, эти тени, теперь вы... Я просто хочу домой!

Старик грустно покачал головой.

— Дом — это то, что мы носим внутри, дитя. А то место, откуда ты бежала... оно больше не принадлежит тебе. Твоё имя было дано тебе не в колыбели, а в сиянии Ориона, задолго до того, как ты научилась ходить. И твой отец знал это лучше всех.

Упоминание об отце заставило Элию замолчать. Боль в груди стала невыносимой, перекрывая даже холод болотной воды.

— Мой отец... — она запнулась. — Он остался на дороге. Он изменился. Он был... он был как воин из легенд. Где он? Он придет за мной?

Маг опустил посох на землю, и мерцание на его вершине на мгновение погасло, словно выражая скорбь.

— Твой отец сражается так, как подобает верховному стражу, — тихо произнес старик. — Он удерживает мост до последнего вдоха. Он знал, что всадники не должны пересечь реку, пока ты не войдешь в туман этих болот.

— До последнего вдоха? — Элия почувствовала, как мир вокруг неё начинает вращаться. — Что это значит?

— Подойди ближе, Астерия, — мягко сказал он.

— Меня зовут не так! — выкрикнула она, и слёзы наконец брызнули из её глаз. — Я Элия! Просто Элия! Мой отец — фермер! Вы все... вы все сошли с ума!

Старик печально улыбнулся, и эта улыбка была полна сострадания.

— Твое имя было написано на звёздах задолго до того, как ты научилась дышать, Астерия. Элия — это лишь колыбельная, которую тебе пели, чтобы ты могла спать спокойно. Но время сна закончилось.

Элия затряслась, обхватив себя руками.

— Отец... где он? Он ведь придёт? Он обещал... он сказал, что догонит нас!

Маг опустил взгляд на угасающий костёр. В его молчании была тяжесть погребального камня.

— Твой отец сражается у моста так, как сражались последние короли, — тихо произнёс Калёб. — Он отдал свою силу, чтобы тени не смогли ступить на эти болота, пока ты их не пересечёшь. Но он может не придти, дитя. Он выбрал твою жизнь вместо своей.

Элия пошатнулась, её мир окончательно рухнул в черную воду болота. Она хотела кричать, но горло перехватило спазмом.

— Но если ты хочешь, чтобы его жертва не была напрасной — стань той, кем ты рождена быть, — отрезал Калёб, и его голос внезапно обрёл властную силу. — Если ты пойдешь назад, ты просто умрешь рядом с ним. Если пойдешь со мной — у него появится смысл выжить. Старик указал посохом в сторону горизонта, где за болотами, едва видимые в тумане, вздымались к небу зубчатые, заснеженные пики гор. — У тебя есть два пути. Мы можем пойти на юг, к морю, и попытаться скрыться в заморских землях. Или мы пойдём на север, в самое логово врага, в Столицу. В этот момент Калёб резко повернулся к югу и прищурился, вглядываясь в серое марево. Его ноздри затрепетали. — Они близко. Болото не задержало их так долго, как я надеялся. У них в отряде есть Следопыт Тьмы. Он протянул Элии руку. Его ладонь была покрыта странными татуировками, которые начали слабо светиться голубым светом. — Решай сейчас, Астерия. Тьма не умеет ждать.

Элия смотрела на протянутую руку, и голубое свечение татуировок мага казалось ей единственным живым пятном в этом сером, умирающем мире. Имя «Астерия» ударило её сильнее, чем известие о падении моста. Оно звучало как древний шифр, как звук лопнувшей струны, пробуждающий в её сознании образы, которых она никогда не видела: высокие белые шпили, холодные звезды и шепот тысячи голосов. Она перевела взгляд на болота. Там, за завесой тумана, осталась её жизнь: Марта, исчезнувшая в пучине, верные кони и отец, чей образ теперь стоял перед глазами в ореоле стального света.

— У него появится смысл... выжить? — повторила она, и в её голосе надежда смешалась с горьким осознанием. — Вы говорите так, будто он всё ещё борется. Будто...

— Он сражается в ином измерении, девочка, — голос мага стал жёстким, как гранит. — Но если Тень поглотит тебя, его жертва превратится в прах. Каждая секунда твоего промедления — это новый шрам на его душе.

В этот момент воздух над болотом изменился. Он стал сухим и колким, а туман начал окрашиваться в грязно-пурпурный цвет. Издалека, со стороны леса, донесся звук, от которого на камнях пошла трещинами — низкий, вибрирующий вой.

Это существо не искало глазами, оно чувало страх и свет. В паре миль позади по поверхности трясины начали стремительно скользить черные точки. Тени двигались по воде так же легко, как по суше. Элия посмотрела на свои руки — ободранные, в грязи и крови.

Назад дороги не было. Она сделала шаг вперед и вложила свою ладонь в руку мага. Как только их кожа соприкоснулась, голубой свет татуировок мага вспыхнул ярче, и Элия почувствовала, как по её руке пробежал разряд, похожий на статическое электричество. Жжение в её левом плече мгновенно утихло, сменившись ровной, холодной силой.

— Я пойду с тобой, — твердо сказала она, глядя в глубокие тени под капюшоном мага. — Я хочу знать, за что умерла моя няня и ради чего отец превратился в того кого я видела.

— Тогда держись крепче, — Калёб ударил посохом о камень, на котором они стояли. — Следопыт уже пробует твой след на вкус. Нам нужно пересечь Гнилую Гать до того, как луна выйдет из-за туч.

Маг резко развернулся и, не оглядываясь, зашагал прямо в самую гущу тумана, туда, где камни уходили под воду. Элия последовала за ним, чувствуя, как с каждым шагом тяжесть её горя превращается в холодную, острую как лезвие решимость. Они добрались до края острова, где камни обрывались в черную, маслянистую бездну.

Гнилая Гать, единственная тропа через сердце топей, была полностью скрыта под водой. Над поверхностью поднимались лишь редкие гнилые сваи, похожие на обломанные зубы утонувшего великана. Пути дальше не было — только бесконечная, голодная трясина.

— Стой здесь, — прошептал маг. Его голос теперь был едва слышным шелестом, который, казалось, впитывался в сам туман. — И что бы ты ни увидела, что бы ни коснулось твоих ног, не издавай ни единого звука. Тишина сейчас твоя единственная кожа.

Элия замерла, окаменев. Она послушно сжала губы, но внутри неё крик не прекращался ни на секунду. Она стояла, обхватив себя руками, и её разум отказывался принимать реальность. Перед глазами всё ещё стоял образ Марты, исчезающей в воронке, и хрип лошадей, уходящих на дно. Всего несколько часов назад она была счастливой, а теперь она стояла посреди проклятых земель с безумным стариком, глядя в пустоту. Чувство потери было таким физическим, будто из её груди вырвали кусок плоти и засыпали рану солью. Она видела грязь под своими ногтями, лоскуты разорванного платья и понимала: та девочка, Элия, осталась там, далеко, и её больше не существует.

Старик вышел на самый край обрыва. Он медленно поднял свой посох обеими руками, держа его горизонтально над водой. Старик начал глубоко, гортанно петь на языке, который звучал как треск ломающегося льда и рокот обвалов. Татуировки на его руках вспыхнули не просто голубым, а ослепительно-бирюзовым светом. Этот свет был настолько плотным, что он начал стекать с его пальцев в черную воду, как жидкое электричество. Болото отозвалось. Вода у их ног начала закипать, хотя от неё веяло могильным холодом.

Поверхность топи заходила ходуном, и из глубины начал подниматься гул — низкий, утробный звук, от которого у Элии задрожали кости.

Медленно, дюйм за дюймом, из черной жижи начали подниматься огромные, облепленные тиной и ракушечником плиты. Они вставали на свои места с тяжелым, влажным чмоканьем. Магия старика буквально вырывала дорогу из пасти болота. Вода стекала с камней, обнажая древние руны, которые вспыхивали синим светом в ответ на зов посоха. В разгар ритуала туман позади них внезапно сгустился в высокую, угловатую фигуру.

Следопыт Тьмы был уже у самого края острова. Элия видела его — костлявое существо в лохмотьях, чьи пальцы заканчивались длинными когтями, которыми он скреб по камням. Он не видел их из-за магического тумана мага, но он *слышал* их магию. Следопыт замер, вытянув длинную шею, и начал втягивать воздух, издавая свистящий, хлюпающий звук.

Элия видела, как маг дрожит от напряжения. По его лбу катился пот, а его пальцы побелели, сжимая посох. Один её вздох, один случайный всхлип — и тварь прыгнет. Элия впиалась зубами в губу до крови, заставляя себя превратиться в часть камня, на котором стояла. Она видела, как последняя плита гати встает на место, образуя призрачный мост, уходящий в бесконечную мглу.

Маг медленно опустил одну руку и, не глядя, нащупал ладонь Элии. Его пальцы были ледяными, но хватка — железной.

— Иди, — одними губами приказал он.

Они ступили на скользкие, только что поднятые камни. Под ними, в глубине воды, что-то продолжало биться и царапать плиты снизу, пытаясь утащить дорогу обратно в бездну. Элия шла, глядя только в затылок мага, чувствуя, как за спиной Следопыт Тьмы издает яростный, разочарованный вопль, осознав, что добыча ускользает в туман, куда ему нет хода. Они ступили на плиты Гнилой Гати, и мир окончательно превратился в кошмар наяву. Маг шел впереди, его посох едва заметно мерцал, освещая лишь пару футов пространства, а Элия следовала за ним, стараясь попадать точно в его следы.

Атмосфера вокруг была пропитана смертью и древним холодом. Гать, поднятая магией из бездны, была покрыта скользкой черной слизью и останками того, что когда-то жило в трясине.

Под ногами Элии хрустели панцири неведомых существ и обломки костей, обточенных водой до блеска. Они двигались медленно, почти на ощупь.

Плиты под ногами подрагивали, словно болото неохотно удерживало их на поверхности. Элия чувствовала, как ледяная вода, стекающая с камней, пропитывает её обувь, обжигая ступни.

Каждый шаг требовал невероятных усилий — мышцы ног ныли от постоянного напряжения, а шок заставлял её тело двигаться механически, как у марионетки. Тишина, о которой просил старик, была относительной.

Болото вокруг них «разговаривало». Слышались глубокие, утробные всплески, тяжелое лопанье огромных пузырей газа и какой-то сухой, хитиновый скрежет снизу, прямо под камнями гати. Казалось, тысячи невидимых существ сопровождают их, ожидая, когда магия мага ослабнет.

Туман над гатью стал настолько плотным, что небо исчезло. Остался только бесконечный серый коридор. Время от времени из марева проступали очертания «висельников» — мертвых деревьев, которые веками стояли в воде. Их ветви, облепленные клочьями серого мха, напоминали костлявые руки, застывшие в немом крике. Вода по бокам от тропы иногда вспыхивала призрачным фосфоресцирующим светом — это гнили остатки тех, кто не дошел до конца. Эти бледные огни не давали надежды, они лишь подчеркивали черноту окружающей жижи.

Элия шла в состоянии глубочайшей диссоциации. Её разум, перегруженный горем и ужасом, выстроил защитную стену. Она видела свою руку, сжимающую край плаща мага, но не чувствовала её. В её глазах всё ещё стояла картина: Марта, её доброе лицо, искаженное ужасом, и тишина, поглотившая её. Девочка, которая еще вчера боялась грозы, теперь безмолвно шагала по костям в самом сердце ада. Она видела магию старика — это бирюзовое сияние, вгрызающееся во тьму, и это казалось ей единственной реальностью.

Спустя часы, которые показались вечностью, уклон тропы начал медленно забирать вверх. Запах сероводорода и гнили сменился резким, колючим запахом камня и снега. Туман начал редеть, разрываясь на клочья. Впереди из серой мглы начали проступать очертания колоссальных черных скал. Это были Зубы Ориона — предгорья, за которыми лежала дорога к Столице.

Гать плавно перешла в узкую скалистую тропу, зажатую между отвесной стеной и обрывом, уходящим вниз в туманное море. Здесь воздух был пронзительно холодным. Ветер, свободный от болотных испарений, завывал в расщелинах, как сотня раненых зверей. Но это был *чистый* холод.

Старик остановился на небольшом уступе и позволил Элии обернуться. Далеко внизу, под покровом серого савана, всё еще мерцали огни Следопыта Тьмы. Они застыли у начала гати, не смея ступить на камни, омытые силой мага. Старик тяжело оперся на посох. Его лицо под капюшоном казалось высеченным из серого гранита, по лбу катились капли пота, которые тут же замерзали.

— Мы пересекли границу, Астерия, — выдохнул он, и его голос сорвался от усталости. — Болото больше не держит нас, но теперь мы на виду у неба.

Он указал вверх, где сквозь рваные тучи на мгновение проглянула луна. Она была неестественно бледной, окруженной грязно-пурпурным гало.

Элия посмотрела на свои ладони. Они были покрыты черной болотной грязью, которая теперь замерзала, превращаясь в корку.

Глава 6.

Подъем в предгорья Зубьев Ориона стал новым кругом испытаний. Если болото пыталось поглотить их плоть, то горы начали испытывать их дух. С каждым пройденным ярдом уклон становился всё круче, а тропа — всё уже, превращаясь в коварный карниз, едва способный уместить двоих путников. Воздух здесь стал другим — сухим, колючим и звенящим. С каждым вдохом легкие Элии обжигало холодом, словно она глотала битое стекло. Голова начала кружиться от нехватки кислорода, а шоковое оцепенение сменилось изнуряющей слабостью.

Маг шел впереди, тяжело опираясь на посох при каждом шаге. Его шаги были размеренными, но Элия видела, как дрожат его худые плечи. Она сама двигалась как в тумане: пальцы, онемевшие от мороза, вцеплялись в острые выступы скал, обдирая кожу в кровь. Грязь болот на её платье замерзла, превратив ткань в жесткий панцирь, который сковывал движения и неприятно шуршал при каждом шаге.

Вокруг них высились колоссальные пики из черного сланца и базальта. Они выглядели неестественно острыми, словно чья-то гигантская рука вытесала их из самой ночи. На этих высотах не росло ничего — ни травинки, ни лишайника. Только голый, мертвый камень, отшлифованный вечными ветрами. Чем выше они поднимались, тем сильнее менялось само пространство.

Элия начала чувствовать магию не как вспышки света, а как физическое давление. В ушах стоял тонкий, навязчивый звон. Казалось, сами скалы вибрируют от скрытой в них древней силы. Воздух вокруг посоха мага начал искриться крошечными голубыми всполохами, даже когда он не творил заклинаний.

Лунный свет, пробивающийся сквозь рваные тучи, здесь казался густым, как ртуть. Тени, которые отбрасывали путники, жили своей жизнью — они удлинялись, извивались и иногда казались глубже и массивнее, чем сами люди. Элии чудилось, что за гранью её зрения, в складках скал, танцуют призрачные фигуры, сотканые из звездной пыли. Кулон под одеждой начал пульсировать в унисон с ритмом гор. Это было уже не просто тепло, а глубокий, утробный жар, который согревал её изнутри, не давая крови замерзнуть в жилах.

Атмосфера была пропитана торжественным и пугающим одиночеством. Под ними растилась море облаков, скрывавшее проклятое болото, и в этом безмолвии Элия чувствовала себя последним живым существом во вселенной.

Тишина здесь была обманчивой. Ветер завывал в узких расщелинах, имитируя человеческие голоса. Элия плотнее прижимала ладони к ушам, чтобы не сойти с ума от этих слуховых галлюцинаций.

В какой-то момент, когда они обогнули массивный утес, маг остановился. Далеко на севере, за цепью черных хребтов, небо было не черным, а грязно-пурпурным. Там, в самом сердце Тьмы, пульсировало зарево — Столица, окруженная завесой из магических штормов Короля-Тени. Маг обернулся к Элии. Его лицо в свете луны казалось восковым, а глаза провалились в глубокие тени.

— Магия здесь течет иначе, Астерия, — прохрипел он, указывая на мерцающий воздух. — Горы помнят первых богов. Здесь Тень слабее, но твоя искра... она сияет здесь для тех, кто умеет видеть, как маяк в бездне. Нам нужно найти укрытие до того, как луна встанет в зенит.

Элия все это время шла молча. Лишь изредка кивала.

Они подошли к черному зеву пещеры, который зиял в отвесной стене. Из глубины тянуло запахом старого камня и чем-то неуловимо знакомым — ароматом озона, который всегда предвещал большую беду.

Они вошли под своды пещеры, и рев горного ветра мгновенно сменился тяжелой, давящей тишиной. Темнота здесь была не просто отсутствием света — она казалась осязаемой, как холодная вода.

Маг сделал несколько шагов вглубь и тяжело опустил посох на каменный пол. Раздался гулкий удар, эхом отозвавшийся в невидимых глубинах горы. Когда маг коснулся рукой стены, по камню пробежала тонкая искра, и пещера начала медленно «просыпаться». Это не было обычное пламя. Вдоль стен, скрытых под слоем вековой пыли, начали разгораться вены небесно-голубого кристалла, вросшего в базальт.

Свет был мягким, пульсирующим, точно в такт дыханию Элии. Это место не было просто случайной дырой в скале.

— Это Аванпост Звездных Стражей, заброшенный сотни лет назад. — сказал маг.

В центре залы стоял массивный стол из белого камня, а вдоль стен высились пустые постаменты, где когда-то, вероятно, стояли изваяния великих воинов. Элия подошла к стене, замороженная светом. Очистив рукой слой инея, она увидела росписи. На них были изображены люди в сияющих доспехах, держащие мечи, лезвия которых были сотканы из чистого света — точно такие же, каким стал меч её отца на мосту. Как только ощущение немедленной погони отступило, тело Элии окончательно сдалось. Шок, который до этого момента держал её в ледяном тонусе, превратился в свинцовую тяжесть. Её ноги подкосились, и она медленно опустилась на ледяной пол. Она смотрела на свои руки: ногти были сорваны до мяса после попыток спасти Марту, кожа была иссечена камнями и покрыта коркой из болотной грязи и горного инея.

Она не плакала. Слёз её не было. Элия просто смотрела в одну точку, чувствуя, как холод камня просачивается сквозь её жалкую одежду. Мысль о том, что Марты больше нет, и возможно она ни когда не увидит Лукаса, а отец остался один против армии теней, пульсировала в голове монотонным, тупым ритмом. Она видела эти величественные фрески, но они казались ей издевкой над её маленькой, разрушенной жизнью.

Маг выглядел не лучше. Он дошел до стола и буквально рухнул на каменную скамью. Его капюшон откинулся, обнажив мертвенно-бледное лицо и седые волосы, прилипшие к вискам. Его руки, те самые, что только что поднимали дорогу из бездны, теперь неудержимо тряслись. Голубое свечение татуировок стало тусклым, серым. Маг тяжело хрипел, и каждый вдох давался ему с трудом. Магия Гати забрала у него почти всё. Он поднял на Элию взгляд, в котором сквозь усталость проступала тревога.

Несмотря на пугающий шепот, доносившийся из углов, маг сделал глубокий, свистящий вдох и прикрыл глаза. Его голос, хоть и слабый, зазвучал с какой-то странной, непоколебимой уверенностью.

— Не бойся теней на стенах, Астерия, — прошептал он, не открывая глаз. — Это место... оно помнит старый свет. Глубоко под этим полом лежат камни основания, освященные первыми Астрономами. Король-Тень может шептать тебе в уши, может играть с твоим воображением, но его слуги не переступят порог этого убежища. Здесь их магия бессильна, как дым на ветру.

Элия почувствовала, как давящий ужас в груди немного отпускает. Она огляделась: голубое свечение кристаллов в стенах стало ровным и теплым. Оно не колебалось, не меркло, создавая вокруг них невидимый купол покоя.

Тяжелая каменная дверь, которую маг запечатал за ними, была толщиной в три локтя. Внутри пещеры воцарилось странное, почти забытое чувство защищенности. Даже ледяное отражение на стене поблекло и превратилось в обычную замерзшую воду.

Маг достал из складок плаща небольшую флягу и сделал глоток, после чего протянул её Элии. Вода пахла горными травами и чем-то сладким. Как только жидкость коснулась её губ, тепло начало разливаться по венам, смывая липкое оцепенение шока.

— Мы не останемся здесь надолго, — старик приоткрыл один глаз, и в нём снова блеснул стальной блеск. — Тебе нужно два часа сна, не больше. Пока горы закрывают нас своей тенью, мы должны преодолеть Пик Плакальщицы. Как только солнце начнет подходить к горизонту, мы двинемся.

Он указал на дальний конец залы, где в стене виднелся узкий проход, уходящий резко вверх. Старик объяснил, что этот путь ведет к забытым тоннелям, которые выведут их прямо к северным склонам, минуя главные дороги, патрулируемые всадниками. Маг, несмотря на дрожь в руках, начал медленно чертить посохом на полу вокруг Элии защитный круг.

— Спи, дитя. Я буду бодрствовать. Твои силы понадобятся тебе.

Снаружи выл ветер. Элия свернулась калачиком на каменной скамье, подложив под голову край своего грязного плаща. Удивительно, но здесь, в сердце холодной горы, под охраной изможденного мага, она впервые за эти бесконечные сутки провалилась в тяжелый, но глубокий сон.

Это был не тот сон, который приносит отдых, а тяжелое беспомыслие, в котором разум пытался переварить пережитый ужас.

Но даже в этой пустоте она чувствовала защиту мага — невидимые нити его воли, сплетенные в защитный кокон вокруг неё.

Через два часа, когда луна переместилась к западу, маг осторожно коснулся её плеча. Элия вздрогнула и открыла глаза, на мгновение не понимая, где находится. Свет голубых кристаллов в стенах стал приглушенным, почти интимным.

— Пора, Астерия, — тихо произнес маг. — Горы дали нам всё, что могли. Теперь мы должны идти.

Элия поднялась. К её удивлению, сковывающая слабость отступила. Тело всё еще ныло, но внутри появилось странное ощущение чистоты и легкости. Она посмотрела на свои руки: глубокие ссадины подернулись тонкой пленкой, а грязь, казалось, сама осыпалась с кожи, оставив лишь бледные следы.

Старик жестом указал на узкий лаз в глубине зала. Они двигались в полном молчании. Маг шел первым, придерживая полы своего тяжелого плаща, чтобы те не шуршали по камням.

Проход был настолько узким, что Элии приходилось поворачиваться боком. Стены здесь не были обработаны — это были естественные разломы в теле горы, пахнущие холодом и вечностью.

Здесь магия ощущалась как покалывание на кончиках пальцев. Каждое движение мага отзывалось едва заметным эхом, словно сама гора прислушивалась к их шагам.

Воздух становился всё холоднее и разреженнее. С каждым шагом вверх дышать становилось труднее. Элия чувствовала, как её сердце бьется медленно и мощно, подстраиваясь под тяжелый ритм сердца горы.

Когда они наконец выбрались наружу через узкую расщелину, Элия невольно зажмурилась. Перед ними открылся вид на Пик Плакальщицы. Это была колоссальная игла из сизого льда и черного гранита, уходящая прямо в небо. Ветер здесь не просто выл — он кричал, срываясь с острых гребней скал. Снег, мелкий и колючий, как алмазная крошка, летел горизонтально, больно жала лицо.

Дорога на перевал представляла собой тонкую нить, вырубленную прямо в отвесном склоне. С одной стороны — монолитная стена льда, с другой — пропасть, дно которой скрывалось в непроглядном тумане.

Маг намотал конец своего кожаного пояса на руку Элии, связав их вместе.

— Если поскользнешься — не хватайся за воздух, хватайся за камень! — крикнул он, перекрывая рев ветра. — Не смотри вниз. Смотри на мою спину и не останавливайся. Если ты сядешь отдохнуть — ты уже не встанешь.

Они начали восхождение. Каждый шаг был битвой. Элия видела, как Калев вонзает свой посох в лед, используя его как ледоруб. Магия теперь не сияла — она была направлена внутрь, на то, чтобы удерживать тепло в их телах. Воздух стал настолько тонким, что перед глазами Элии поплыли цветные круги. На этой высоте «шов» между мирами был совсем тонким.

Элия видела, как вокруг пальцев мага выются струйки призрачного света, которые он буквально вплетал в воздух перед ними, создавая крошечный коридор относительного затишья.

Но и Тень не дремала. В разрывах облаков Элия видела, как по соседним склонам скользят огромные крылатые тени. Они кружили над пиками, высматривая любую вспышку чужой магии.

— Тише... — прошептал Калев, хотя ветер должен был заглушить любой звук.—Погоси искру.

Элия послушно зажмурилась, пытаясь выполнить приказ мага, но внутри неё не было никакой «искры», которую можно было бы просто выключить щелчком пальцев. Была лишь пульсирующая, тупая боль в обожженном плече и первобытный ужас, который заставлял её сердце колотиться о рёбра. Она не умела управлять магией; для неё всё происходящее оставалось за гранью понимания — пугающим, чужим и неестественным.

Слова мага о погашении искры казались ей безумием, но она инстинктивно сжалась, стараясь стать как можно меньше. В этот момент над их головами пронеслась огромная тень. Ветер, и без того яростный, вдруг сменил направление, принес с собой запах паленой шерсти и застоявшейся крови. Прямо над ними, закрывая на мгновение бледную луну, проскользнуло нечто колоссальное.

Это был не птица и не зверь. Огромные кожистые крылья, бесшумные вопреки своим размерам, рассекали разреженный воздух. Элия видела длинный хвост, усеянный шипами, который лениво извивался в небесном океане.

Тварь сделала круг над их тропой. Старик мгновенно прижал Элию к ледяной стене скалы, накрыв её своим тяжелым плащом. Он замер, перестав даже дышать.

Элия чувствовала, как его костлявое плечо прижимает её к камню, и слышала, как собственная кровь шумит в ушах. Она вцепилась в край плаща мага, боясь, что её бешеное сердцебиение выдаст их присутствие в этой оглушительной тишине.

Тень ушла так же внезапно, как и появилась, растворившись в чернильных тучах за пиком. Маг медленно отстранился, его лицо было серым от напряжения.

— Мы не можем медлить, — его шепот едва пробивался сквозь завывание ветра. — Тварь ищет след. Если она вернется, мой плащ нас не скроет.

— Что... что это было? — Элия едва выдавила из себя слова, и её голос сорвался на прерывистый шепот. Она дрожала так сильно, что зубы выстукивали неровную дробь, а дыхание вырывалось короткими, белыми облачками пара.

Она посмотрела на мага, надеясь увидеть в его глазах хоть каплю спокойствия, но встретила лишь суровую сосредоточенность. Старик на мгновение задержал взгляд на чернильном небе, куда улетела тень, и плотнее запахнул свой плащ.

— Ищейка, — коротко бросил он, помогая Элии сделать шаг вперед по узкому карнизу. — Тварь, сотканая из кошмаров и анти-магии. Она не видит глазами, она чувствует колебания живой души. Если бы не мой плащ, она бы выпила твой свет еще до того, как ты успела бы вскрикнуть.

Элия сглотнула комок в горле. Мысль о том, что её жизнь могла оборваться так просто и бесшумно, заставила её сердце сжаться еще сильнее.

Они продолжили путь. Теперь каждый шаг давался Элии ценой невероятных усилий. У неё не было магической силы, чтобы согреться или облегчить вес тела. Её сапоги, промокшие ещё в болоте, окончательно замерзли и превратились в ледяные кандалы. Пальцы на руках

онемели настолько, что она перестала чувствовать камни, за которые хваталась. Перед глазами начали плясать черные пятна.

В какой-то момент ей показалось, что из скалы впереди выходит её няня и протягивает ей теплую чашку молока. Элия сделала шаг в сторону призрака, её нога соскользнула с узкого карниза.

Она не закричала — просто не успела. Воздух выбило из легких, когда она почувствовала, как её тело устремляется вниз, в пурпурную пустоту под Пиком Плакальщицы. Но падение длилось лишь долю секунды. Кожаный ремень, связывавший её с магом, натянулся с такой силой, что её едва не перерезало пополам.

Маг стоял на коленях, вцепившись одной рукой в острый выступ скалы, а другой мертвой хваткой сжимая посох. Его зубы были оскалены в страшном усилии, а глаза горели лихорадочным светом.

— Не... смей... смотреть вниз! — прохрипел он. — Хватайся за ремень! Подтягивайся!

Элия, захлебываясь ледяным воздухом, начала карабкаться по стене. У неё не было крыльев, не было заклинаний, была только жажда жизни и ярость на саму себя за эту слабость.

Когда её окровавленные пальцы наконец коснулись твердого камня тропы, Калев рывком затащил её наверх. Они оба лежали на узком уступе, тяжело дыша. Снег засыпал их лица, а гора продолжала петь свою погребальную песню.

— У тебя нет способностей, — Калев посмотрел на неё, и в его взгляде была странная смесь жалости и гордости. — Пока нет. Но в тебе есть нечто более важное для этого пути: упрямство смертной девчонки, которая отказывается умирать. Держись за это упрямство, Астерия. Оно — твоё единственное оружие, пока твой свет не проснется.

Элия лежала на ледяных камнях, чувствуя, как каждая мышца в теле превратилась в натянутую, дрожащую струну. Слова мага больно ударили в сознание, пробиваясь сквозь ватный туман усталости. Она приподнялась на локтях, отплеывая забившийся в рот снег, и посмотрела на него дикими, непонимающими глазами.

— О каких... каких способностях вы говорите? — её голос, надтреснутый и слабый, дрожал от подступающих слез и холода. — У меня нет ничего, кроме этих стертых в кровь рук! Что это за «Искра», о которой вы твердите? Какой свет должен проснуться в той, кто едва не сорвалась в пропасть из-за мифической твари?

Она сорвалась на хриплый шепот, прижимая обмороженные пальцы к груди, прямо там, где под одеждой прятался кулон отца. Ей казалось, что старик бредит или, что еще хуже, издевается над ней в этот предсмертный час.

Калев медленно выпрямился, стряхивая иней с бровей. Его взгляд, глубокий и тяжелый, словно сами горы, замер на её лице. Он не стал смеяться или разуверять её. Вместо этого он протянул свою сухую, мозолистую ладонь и едва коснулся воздуха рядом с её плечом, там, где под кожей иногда пульсировал странный, болезненный жар.

— Ты видишь в себе слабость, Астерия, потому что судишь по законам плоти, — негромко ответил он, и его голос странным образом перекрыл вой метели. — Но то, что ты называешь жаждой жизни, на самом деле — отголосок великого пламени. Твой свет — это не просто магия. И поверь мне, девочка... Он сделал паузу, и в его глазах на мгновение отразился блеск звезд, скрытых за тучами. — Тебе не нужно верить моим словам. Твоя суть сама заговорит с тобой, ты просто еще не открыла глаза.

Он помог ей встать. Впереди, за следующим поворотом, уже виднелись Древние Врата — последний рубеж перед спуском в долины, ведущие к Столице. Они добрались до самой высокой точки перевала, когда буря на мгновение затихла, словно сама гора задержала дыхание.

Перед ними, втиснутые в расщелину между двумя колоссальными пиками, возвышались Древние Врата. Это не была обычная кованая дверь. Это был монолит из матового черного

камня, покрытый вязью рун, которые не светились, а будто высасывали свет из окружающего пространства. Массивные створки казались частью самой скалы, неподвижной и вечной.

Магостановился в нескольких шагах от монолита. Он тяжело дышал, и каждый его выдох превращался в облачко пара, которое тут же уносил ледяной ветер. Он повернулся к Элии. Его лицо, изборожденное морщинами, в тусклом свете луны казалось высеченным из того же базальта, что и Врата.

— Эти ворота не знают силы магов, — тихо произнес он, и его голос странно эхом отозвался от скал. — Они не подчиняются заклинаниям или мечам. Они были поставлены здесь теми, кто верил, что только истинная воля может открыть путь.

Элия стояла, едва живая от холода. Её руки, исцарапанные и онемевшие, безвольно висели вдоль туловища. Она смотрела на черный камень и чувствовала его равнодушие. У неё не было магии. В её венах текла только усталость и горечь утраты.

— Что мне делать? — прошептала она. — У меня ничего нет. Я не знаю слов. Я не чувствую магии внутри себя.

— Тебе не нужны слова, — старик указал на небольшое углубление в центре створок, по форме напоминающее раскрытую ладонь. — Тебе нужно просто признать, кто ты.

— И кто же я? — её голос сорвался, превратившись в горький вскрик, который тут же поглотила метель. — Скажите мне! Еще вчера я была простой крестьянкой! У меня были мечты о танцах и о жизни с Лукасом! А сегодня... сегодня вы говорите, что я кто-то другой? Что во мне есть какой-то свет? Кто я такая, если всё, что я любила, превратилось в пепел?

Она смотрела на Калеба, и в её глазах, полных слез, отразилось отчаяние человека, у которого отняли старую жизнь, но не дали взамен ничего, кроме боли и ледяных скал.

— Ты — та, кто выжила там, где боги отворачивают лик, — сурово ответил старик, не сводя с неё глаз. — Ты та, чье имя было записано в звездах задолго до твоего появления на свет. Просто прижми руку к камню, Астерия. Не спрашивай «кто я», спроси себя «чего я хочу».

Элия медленно подошла к камню. Холод, исходящий от него, был настолько сильным, что волоски на её руках встали дыбом. Она подняла руку — грязную, с обломанными ногтями и запекшейся кровью. Она вспомнила всё: Марту, отца, Лукаса, и ту невыносимую тишину, которая теперь стала её единственным спутником. Она прижала ладонь к ледяному камню. Сначала ничего не произошло.

Элия просто стояла, закрыв глаза, чувствуя, как холод Врат просачивается сквозь её кожу, забирая последние остатки тепла. Но затем глубоко в недрах горы раздался звук.

Это не был скрежет или удар — это был глубокий, вибрирующий вздох. Камень под её ладонью начал медленно нагреваться. Руны на поверхности ворот не вспыхнули ярким огнем, они начали наполняться мягким, молочно-белым светом, похожим на свет далеких звезд. Врата не требовали магии. Они требовали сопричастности.

В тот момент, когда Элия признала свою боль и свою потерю. Беззвучно, с грацией, которая казалась невозможной для такой массы, створки начали расходиться в стороны. Маг облегченно выдохнул, и его плечи наконец опустились.

— Они открылись для тебя, — прошептал он с благоговением. — Без единого заклинания.

Элия смотрела на все это ничего не понимая. Но почему то доверилась этому старику.

За Вратами открылась не бездна, а пологий спуск, уходящий в широкую долину. Там, внизу, туман был не таким густым, и сквозь него проглядывали огни далеких деревень, похожие на рассыпанные угли. Как только они пересекли порог, ветер стих. Воздух здесь был другим — более густым и пахнущим сухой травой и старой пылью.

Это была земля севера, суровая и холодная, но уже не такая враждебная, как Пик Плакальщицы. Никаких криков преследователей, никакого шума крыльев. Только мерное дыхание старика и шорох их шагов по мелкой каменной крошке.

Они были на той стороне. Элия обернулась. Врата за её спиной медленно смыкались, вновь превращаясь в неприступную скалу. Путь назад был отрезан навсегда.

— Мы спускаемся, — сказал старик, указывая посохом на едва заметную тропу, змейкой уходящую вниз. — К утру мы достигнем первой заставы. Там нам нужно будет сменить твоё платье и найти лошадей. Путь к Столице только начинается.

Элия кивнула. Она не чувствовала триумфа. Только глубокую, звенящую пустоту, которую теперь предстояло чем-то заполнить. Она сделала первый шаг вниз, в долину, навстречу своей новой судьбе.

Тропа, по которой они начали спускаться, была древней и заброшенной. Камни под ногами Элии больше не были острыми ледяными осколками — теперь это была серая, выветренная крошка, которая шуршала при каждом шаге. Склоны долины поросли странным, призрачным лесом. Деревья здесь были невысокими, с закрученными в спираль стволами и ветвями, лишенными листвы. На них висели длинные пряди седого мха, который в слабом лунном свете казался ключьями тумана.

Здесь не было жизни. Ни звука ночной птицы, ни писка грызуна. Воздух пах остывшим пеплом и старым железом. Это была земля, которая когда-то знала величие, но теперь медленно умирала под гнетом Тени. Маг шел впереди, заметно прихрамывая. Его посох теперь не сиял, он лишь едва заметно светился матовым белым светом, указывая путь.

Элия следовала за ним, её ноги двигались автоматически. Шок перешел в стадию глубокого изнеможения, когда сознание сужается до размеров следующего шага. Она смотрела на свои руки, которые теперь, в относительной тишине долины, начали нестерпимо ныть. Боль в плече, где была метка или старая рана, пульсировала в ритме её шагов. Элия поймала себя на мысли, что больше не боится. Чувства притупились. Смерть Марты и исчезновение отца стали для неё чем-то вроде прочитанной главы в страшной книге. Она видела эти мертвые деревья, эти серые камни и чувствовала странное родство с этим опустошенным пейзажем. Холод в долине был иным — не колючим, как на вершине, а пронизывающим, сырým. Её одежда, высохшая на ветру перевала, теперь снова начала тяжелеть, впитывая туманную влагу. Каждый вздох давался с трудом, в горле стоял ком из пыли и страха.

Элия остановилась, тяжело опираясь на ствол одного из искривленных деревьев. Мох под её пальцами ощущался не как живое растение, а как холодная, влажная паутина. Она обвела взглядом этот призрачный пейзаж, где даже тени казались застывшими и безжизненными.

— Почему здесь всё такое... мертвое? — её голос прозвучал неестественно громко в этой ватной тишине, напугав её саму. — Это из-за высоты? Или здесь прошла какая-то болезнь?

— Это не болезнь, Астерия, — Калёб остановился и медленно повернулся к ней. — И горы тут ни при чем. Земля чувствует, когда у мира отнимают его суть. Когда-то эта долина была сердцем королевства, здесь цвели сады, которые не знали увядания. Но когда равновесие было нарушено, жизнь начала уходить отсюда по капле. Он провел рукой по спиралевидному стволу дерева, и седой мох осыпался серым пеплом. — Тень, что нависла над нами, не просто убивает — она стирает саму память о жизни. Эти деревья не засохли, они застыли в вечном мгновении своего последнего вдоха. Воздух пахнет пеплом и железом, потому что это запах остывшей кузницы мира.

Элия вздрогнула, крепче обхватив себя руками. Теперь ей казалось, что мертвые ветви тянутся к ней, пытаясь согреться о то тепло, что еще теплилось в её измученном теле. Боль в плече отозвалась резким уколом, словно подтверждая слова старика: мир вокруг неё умирал медленно и мучительно, и она была единственной, чья Искра еще могла нарушить этот ледяной покой.

— Мы должны идти, — сухо добавил маг, снова поворачиваясь к тропе. — Тишина в этой долине обманчива. Она не дает покоя, она лишь ждет, когда ты остановишься навсегда, чтобы стать частью этого серого мха.

Спустя час пути тропа вывела их к небольшому плато, где когда-то стояла сторожевая башня. Теперь от неё остался лишь фундамент и одна полуразрушенная стена, покрытая черным плесневелым мхом.

Маг внезапно остановился. Он поднял посох выше, освещая землю. У подножия стены лежали остатки чьего-то лагеря. Обгоревшие бревна костра, разбросанные костяные плоскости и... кусок ткани, зацепившийся за острый камень.

Элия подошла ближе. Это был обрывок знамени — выцветшая ткань с вышитым серебром созвездием. Таким же, как на фресках в пещере. Таким же, как на старой карте, которую она видела в кабинете отца.

— Здесь были другие, — прошептал маг, и его голос в этой тишине прозвучал как гром. — Те, кто пытался дойти до Столицы до нас.

Они обогнули руины и увидели внизу, в глубине долины, тусклые огни. Это была первая застава — небольшое поселение у подножия гор, где дорога разветвлялась к северным городам. Огни не мерцали радостно; они были приглушенными, скрытыми за тяжелыми ставнями.

— Слушай меня, Астерия, — маг повернулся к ней, и его лицо было серьезным как никогда. — Внизу мы не маги и не наследники. Мы — бродяги, беженцы из южных долин. Ты потеряла голос от ужаса. Не говори ни с кем. Смотри в землю. В этих краях у стен есть не только уши, но и глаза, которые видят в темноте.

Элия кивнула. Она понимала: настоящий маскарад только начинается. Пик Плакальщицы был испытанием силы, а долина станет испытанием хитрости.

Они начали последний спуск к огням заставы. Грязь под ногами снова стала мягкой, а воздух — плотным. Впереди, за невысоким частоколом поселения, их ждали люди. И никто не знал, кто из них еще сохранил человеческое обличье, а кто уже продал свою душу Тени. Они спускались к огням заставы, и с каждым шагом тяжелый, сырой воздух долины обволакивал их, словно саван.

Чем ближе они подходили к поселению, тем отчетливее становилось понятно: это не место для отдыха, а клетка, в которой затаилось ожидание. Поселение, официально именовавшееся Горным Приютом, на деле выглядело как скопление угрюмых каменных лачуг, окруженных частоколом из почерневших бревен. Над воротами висели тяжелые железные фонари, внутри которых вместо свечей мерцал тусклый, мертвенный свет — магия Тени, высасывающая краски из всего живого. К запаху гари и мокрой земли примешался кислый дух дешевого пойла и застоялой конской мочи. Из-за стен доносился лишь монотонный лязг железа — кто-то в кузне перековывал не лемехи, а тяжелые цепи. Не было ни смеха, ни лая собак. Только этот ритмичный, давящий звук.

Маг внезапно изменил походку. Его спина сторбилась еще сильнее, он спрятал посох в широкий рукав своего плаща, превратив его в обычную опору для хромого старика.

— Склони голову, — процедил он сквозь зубы. — Твоя кожа слишком бледная, а глаза... в них слишком много правды. Стань тенью, Астерия. Растворись в своей боли.

Элия сделала как просил старик, ну как ей это показалось.

У ворот их встретили двое стражников. На них были доспехи из тусклой, грубо кованой стали, а на груди красовался знак. Их лица были скрыты глубокими тенями шлемов, но Элия чувствовала на себе их холодные, оценивающие взгляды.

Один из стражников, массивный мужчина с рыжей бородой, тронутый инеем, преградил им путь тяжелым алебардой.

— Откуда, бродяги? Дороги закрыты.

— Из-под обвалов, господин, — прошамкал маг, и его голос стал противным, заискивающим. — Внучка моя, бедняжка, онемела, когда скала рухнула на наш дом. Идем к родственникам в Столицу, может, лекарь какой поможет...

Элия стояла рядом, уставившись в грязь у своих ног. Она не играла — её действительно сковывал ужас. Она видела на сапогах стражника брызги свежей крови.

Стражник лениво ткнул древком алебарды в плечо Элии, проверяя её вес.

— Девка крепкая. В Столице такие нужны... на рудниках. Проходите, пока я не передумал. Но помните: после заката на улицах только патрули.

— Спасибо господин.— Сказал Кaleb.

Они вошли внутрь. Грязь на главной улице была такой глубокой, что доходила до щиколоток. По обе стороны тянулись низкие дома с заколоченными окнами.

В узких подворотнях грелись у костров из мусора люди — грязные, обмотанные тряпьем беженцы, в чьих глазах не осталось ничего, кроме тупого безразличия. Они провожали старика и Элию тяжелыми взглядами, в которых читалась не симпатия, а лишь расчет: есть ли у новоприбывших что-то, что можно отобрать.

Маг привел её к самому неприглядному зданию на окраине. Над дверью скрипела вывеска с изображением птицы без глаз.

— Нам нужно переодеться, — прошептал маг, толкая тяжелую дубовую дверь. — Твое платье кричит о том, что ты домашняя девочка из теплых краев. Здесь это приговор.

Внутри было душно и темно. В воздухе висел плотный дым от дешевого табака. Несколько фигур в плащах сидели за дальними столами, не поднимая голов. К ним вышла женщина с лицом, похожим на сушеное яблоко, и острыми, пронзительными глазами. Она коротко кивнула магу — они явно были знакомы.

— В заднюю комнату. Быстро, — бросила она, указывая на узкую дверь за стойкой.

Элия зашла в каморку, пахнущую плесенью и сушеными грибами. Там, в углу, на старом сундуке лежали грубые штаны из козлиной кожи и бесформенная куртка.

— Отрежь волосы, — сказал Кaleb, подавая ей ножницы. — Длинные косы — это улика. В Столице ты будешь мальчиком-подмастерьем. Это наш единственный шанс затеряться в толпе.

Элия взяла ножницы. Холодная сталь коснулась её шеи. Она посмотрела в тусклое, треснувшее зеркало на стене и не узнала себя. Лицо в грязи, лихорадочный блеск глаз и решимость, граничащая с безумием. Она шелкнула лезвиями, и первая прядь волос упала на грязный пол, как символ того, что Элия с фермы окончательно канула в небытие. Элия застыла, сжимая в руке холодные ножницы. Она смотрела на свое отражение в треснувшем зеркале, на тяжелые, испачканные лесной землей и горным инеем косы, которые Марта каждое утро так бережно заплетала ей. Отрезать их казалось последним предательством по отношению к дому, которого больше не было.

— Нет, — твердо произнесла она, положив ножницы обратно на сундук. — Я не стану этого делать.

Маг, уже начавший раскладывать на столе скудную снедь, обернулся. Его брови нахмурились, углубляя морщины на лбу.

— Астерия, это не вопрос красоты. Это вопрос выживания. Твои волосы — как знамя в этой серой дыре. Любой патруль поймет, что ты не местная побирушка.

— Я спрячу их, — Элия схватила со стола старый, пахнущий пылью и копотью платок, а поверх него намотала грязный серый шарф, превратив его в подобие капюшона. — Я спрячу их так глубоко, что никто не заметит. Но я не отрежу последнее, что связывает меня с домом.

Маг долго смотрел на неё, взвешивая её упрямство. В конце концов он лишь тяжело вздохнул и коротко кивнул.

— Хорошо. Но если хоть одна прядь выбьется на свет — нас обоих вздернут на воротах Столицы. Переодевайся. У нас мало времени.

Элия начала лихорадочно переодеваться в каморке. Она сбросила свое разодранное в ключья платье, которое теперь казалось ей кожей мертвой змеи. Штаны из козлиной кожи были

жесткими и колючими, они неприятно терли ссадины на ногах. Грубая куртка, сшитая из обрезков войлока, висела на ней мешком, скрывая очертания фигуры. Она намеренно измазала руки и лицо сажей из камина, втирая её в поры кожи, пока не стала серой и безликой, как сами стены этой заставы. Кулон она обмотала куском старой холстины и спрятала под несколько слоев одежды так, чтобы он не бился о грудь при ходьбе. Теперь она была похожа на изможденного мальчишку-слугу, одного из тысяч тех, кого война лишила крова и голоса.

Когда она вышла в общую залу, маг сидел в самом темном углу, прикрывшись кружкой мутного дешевого эля. Он жестом приказал ей сесть рядом и не поднимать головы.

В трактире было душно. Сквозь шум голосов и треск поленьев в очаге до Элии донеслись слова, заставившие её сердце пропустить удар. За соседним столом, скрытые густым табачным дымом, сидели двое офицеров заставы. Их доспехи тускло блестели в свете масляных ламп.

— ...слышал, что на Черном мосту взяли крупную дичь, — прохрипел один, прикладываясь к кружке. — Один из их Стражей. Старый хрыч, а махал мечом так, что десяток наших теней разложил на атомы.

— Живым взяли? — спросил второй, понизив голос.

— Живым. Но еле дышит. Его в железной клетке везут, в кандалах из холодного железа, а то мало ли чего. Говорят, сам Король-Тень хочет на него взглянуть. Завтра на рассвете караван пойдет через нашу заставу к Столице.

Элия почувствовала, как пальцы под столом судорожно вцепились в край скамьи. Ногти впились в дерево. *Отца*. Он жив. Он не погиб. Но мысль о нем в железной клетке, в кандалах, была почти невыносимой.

Маг под столом крепко сжал её колено, предупреждая любую попытку вскрикнуть или вскочить. Его глаза под капюшоном горели суровым предостережением.

— Сиди смирно, — одними губами прошептал он. — Если ты сейчас выдашь себя, ты не спасешь его, а лишь добавишь еще одну клетку в этот караван.

Элия заставила себя дышать ровно, хотя в ушах стоял колокольный звон. Завтра на рассвете. Караван. Железная клетка. Весь её мир сузился до этих слов. Теперь она знала, что её путь в Столицу — это не просто поиск правды. Это миссия по спасению того единственного, кто у неё остался.

Дверь трактира с грохотом распахнулась, впуская струю ледяного воздуха.

Патруль.

Тяжелые сапоги прогрохотали по доскам совсем рядом с Элией. Она заставила себя не отпрянуть, когда край их мокрого плаща задел её плечо. Она уставилась в свою миску с пересоленной похлебкой, в которой плавал кусок сомнительного жира.

— Эй, парень! — гаркнул стражник, обращаясь к ней.

Калёб под столом сжал её руку так, что хрустнули суставы.

— Он немой, господин, — быстро прошамкал маг, не поднимая глаз. — Болезный с рождения, только и годен, что сумки таскать.

Стражник сплюнул на пол в дюйме от сапога Элии и пошел дальше.

Элия сидела, не шевелясь, боясь, что стук её сердца выдаст её офицерам, сидящим за соседним столом. Калёб медленно потягивал эль, его взгляд был направлен в пустоту, но каждый мускул его тела был натянут, как тетива луна.

В этот момент от соседней стены отделилась тень. К их столу, шаркая по заплыванным доскам пола, подошел старик. На нем был рваный фартук помощника конюха, а от одежды пахло прелой соломой и дегтем. Он остановился, делая вид, что вытирает грязной тряпкой край их стола.

Старик не поднимал глаз, но его рука на мгновение замерла рядом с ладонью Элии.

Элия затаила дыхание. Старик быстро скользнул взглядом по её лицу, задержавшись на серых пятнах сажи, и в его глазах мелькнуло узнавание — горькое и глубокое.

Маг дождался, пока подошедший старик уйдет и стражники отойдут к стойке и начнут громко требовать выпивку, перекрывая своими криками общий гул залы. Он не шевелился, но Элия чувствовала, как от него исходит едва уловимая вибрация — он прощупывал пространство магией, убеждаясь, что их никто не подслушивает.

— Слушай меня, Астерия, — его голос был тише шелеста сухой травы, он почти не шевелил губами, глядя в свою кружку. — Забудь про слезы. Сейчас твои чувства — это трещина в броне. Твой отец знал, на что шел. Если он в клетке, значит, он все еще сражается. Живой Страж для Короля-Тени — это трофей, но для нас это шанс.

Элия медленно подняла взгляд, стараясь, чтобы он оставался тусклым и безразличным, как у забитого мальчишки.

— Как мы его вытащим? — прошептала она. — Вас двое, а их — целый легион. На этой заставе повсюду глаза.

— Силой — никак, — отрезал маг. — Любая магия, которую я высеку здесь, вспыхнет как сигнальный костер. Но караван — это не только солдаты. Это повозки с фуражом, кузнецы, чистильщики лошадей. Утром здесь начнется хаос. Солдаты будут пьяны после ночного дежурства, а офицеры — спешить.

Он на мгновение замолчал, когда мимо прошел пьяный наемник, пошатываясь и задевая столы. Кaleb дождался, пока тот свалится на лавку в углу, и продолжил:

— Нам нужно попасть в этот караван. Не как спасателям, а как части обоза. Женщина, хозяйка этого места, поможет нам. Она задолжала твоему отцу больше, чем стоит этот трактир.

— Она знала его? — Элия почувствовала, как в груди кольнуло. Оказывается, у отца была целая тайная жизнь, сотканная из долгов, верности и скрытых путей.

— Многие его знали, — маг криво усмехнулся. — Завтра ты станешь помощником конюха. Твоя задача — втереться к тем, кто везет клетки. Не смотри на отца. Даже если он увидит тебя — не смей подавать виду. Его воля сейчас держится на том, что ты в безопасности. Если он поймет, что ты рядом, его сердце дрогнет.

Элия судорожно сглотнула горькую слюну. Представить, что она будет стоять в шаге от клетки, видеть измученное лицо отца и молчать, казалось пыткой похлеще кандалов.

— А вы? — спросила она. — Где будете вы?

— Я буду в тени. Маг в обозе — это слишком заметно. Я пойду следом по горным тропам. Если всё пойдет прахом — я ударю. Но это будет наш последний бой.

В этот момент один из офицеров за соседним столом громко захохотал и хлопнул ладонью по столу:

— Завтра на рассвете! Посмотрим, как поет «Звездный Страж», когда его подвешат над пропастью у ворот Столицы!

Элия зажмурилась. Она представила отца — гордого, сильного. Внутри неё что-то окончательно переломилось. Ужас, который преследовал её от самого дома, вдруг превратился в ледяную, расчетливую ярость.

— Я сделаю всё, что нужно, — сказала она, и её голос не дрожал. — Я стану тенью, конюхом, грязью под их сапогами. Но я не дам им довести его до ворот.

Маг впервые за вечер посмотрел ей прямо в глаза. В его взгляде мелькнуло удивление — девочка с фермы исчезала быстрее, чем он ожидал. На её месте рождалось нечто иное.

— Тогда доедай свою похлебку, мальчик, — Kaleb отодвинул от себя кружку. — Тебе нужно поспать пару часов. Скоро придет хозяйка и отведет тебя в конюшню. Там пахнет хуже, чем в болоте, но это самое безопасное место на этой заставе.

Тяжелая дубовая дверь трактира, изъеденная сыростью и временем, не просто открылась — она с грохотом отлетела к стене, впуская в душный зал вихрь колючего снега и резкий запах мокрой шерсти. На пороге возникли трое солдат. Они не крались, как патруль, а ввалились с бесцеремонным хохотом людей, которые чувствуют себя хозяевами этой земли. На их доспехах

еще не застыла болотная грязь, а с плащей на чистый пол заведения немедленно начали стекать темные лужи.

Элия замерла. Её ложка, зачерпнувшая мутную жижу похлебки, задрожала, едва не выплеснув содержимое на стол. Она почувствовала, как по позвоночнику пробежала волна ледяного пота. Она инстинктивно начала выпрямляться, её глаза расширились, пытаясь разглядеть сквозь дым и полумрак тех, кто пришел.

Но не успела она шевельнуться, как под столом костлявая рука Калеба мертвой хваткой вцепилась в её колено. Маг даже не поднял головы — он сидел, ссутулившись, как старый, больной бродяга, сосредоточенно обглаживая черствую корку хлеба. Но давление его пальцев было красноречивее любого крика: «Смерть. Сиди смиренно. Стань камнем».

— Эй, хозяйка! — крикнул самый рослый из солдат, сбрасывая на пол мокрые меховые перчатки. — Тащи своего пойла, да поживее! Мы проскакали всю дорогу быстрее, чем гончая за зайцем. Брюхо к хребту прилипло!

Они с грохотом усадились за длинный стол в самом центре залы, всего в нескольких футах от Элии и Калеба. Теперь девушка видела их профили: обветренные, грубые лица, глаза, покрасневшие от бессонницы и ветра. Хозяйка, та самая женщина с лицом-яблоком, молча выставила перед ними кувшин и три щербатые кружки.

— Ну и гонка, — выдохнул один из них, помоложе, с нелепо закрученными усами. Он жадно припал к кружке, а затем вытер рот рукавом. — Кто ж знал, что мы здесь окажемся еще до того, как луна встанет? Я-то думал, мы в форте заночуем, девок пощупаем.

— Заткнись, — осадил его рослый, который, судя по всему, был старшим. — Есть приказ — есть марш. Капитан гнал коней так, будто за нами сам Король-Тень по пятам шел. Я такого отродясь не видел.

— Так а смысл-то? — подал голос третий, щуплый солдат с беспокойными глазами, который постоянно оглядывался на дверь. — Клетка-то тяжелая, кони у ворот едва копыта не поотбрасывали. Зачем было гнать через топи в такую темень? К утру всё равно все кони падут, если не дадим им роздыха.

— А я тебе скажу зачем, — рослый понизил голос, но в притихшем трактире, где даже наемники в углах перестали звенеть ложками, его слова отчетливо долетели до ушей Элии. — Приказ пришел сверху. Не от капитана, понимаешь? Говорят, какая-то суета в Столице. Поговаривают что предателя ждут.

— Мда уж.. — хмыкнул усатый. — Легион на дорогах. Старик в клетке обмотан цепями так, что пальцем шевельнуть не может. Магия холодного железа его в овощ преврат. Я видел его, когда кормить пытались — он даже глаза не открывает, только губами шевелит, будто молитвы бормочет.

Элия почувствовала, как ногти впиваются в ладони. «Губами шевелит... жив... отец...» Внутри неё всё кричало от боли и ярости, ей хотелось вскочить, перевернуть стол и вцепиться в глотку этому усатому парню. Но рука Калеба на её колене сжалась еще сильнее, почти до хруста костей. Маг продолжал меланхолично жевать свой хлеб, но Элия заметила, как на его шее вздулась жила, а губы беззвучно отсчитывали секунды.

— Короче, парни, не расслабляйтесь, — продолжал старший, разливая остатки эля. — Капитан сказал: как прикажут так и выдвигаться будем. А так пока нужно перекусить да и перековку одной телеги сделать.

— Странно все это?! — усатый аж поперхнулся.

— Коням нужен отдых после такого забега, — отрезал рослый.

Элия почувствовала, как Калеб под столом слегка расслабил хватку.

Солдаты продолжали спорить о тяжести пути и качестве эля, а Элия сидела, не двигаясь. Она слушала, как за стенами трактира ржут измученные кони и слышится металлический лязг — караван, который должен был прийти только утром, уже был здесь. Враг торопился. Враг

боялся. И эта мысль — что великая Тень чего-то опасается — впервые дала Элии не только страх, но и крошечную искру надежды.

Она медленно опустила голову, пряча лицо в тени грязного шарфа, и сделала глоток остывшей похлебки. Она должна была стать тенью. Сейчас. Немедленно. Потому что через два часа ворота заставы откроются, и её отец отправится в свой последний путь, если она не успеет стать частью этого кошмарного каравана.

Глава 7

Маг жестом приказал Элии встать. Они поднялись на второй этаж, в крошечную комнату под самой крышей, где сквозь щели в черепице дул ветер. В комнате не было свечей. Только бледный, мертвенный свет луны пробивался сквозь дыры, рисуя на полу уродливые полосы.

Элия не могла сесть. Она мерила комнату шагами — три шага в одну сторону, три в другую. Каждый звук снаружи заставлял её вздрагивать: ржание коней в конюшне, грубый смех стражников у костра на площади, далекий лязг кандалов. Калев сел на пол, скрестив ноги. Он вытащил свой посох и начал медленно натирать его каким-то маслом, которое не пахло, но заставляло дерево мерцать тусклым серым светом.

— Нам нужно ждать когда караван тронется, — прошептал он. — В это время Тень самая густая, но и бдительность у стражи не падает. Следопыт Тьмы спит днем но не всегда, но его слух обостряется ночью. Сейчас он в самой темноте, восстанавливает силы.

Элия подошла к окну. С этого места ей была видна площадь. Там, окруженная четырьмя факелами с черным пламенем, стояла она — железная клетка на тяжелых колесах. Она была накрыта плотной темной тканью, но Элия знала, что внутри, в тесноте и холоде, сидит её отец.

В ней боролись два чувства. Неистовое желание броситься туда, разбить замки голыми руками, и ледяной, расчетливый страх, который нашептывал маг. Её кулон под одеждой начал вибрировать — медленно, тяжело, словно сочувствуя её боли.

Элия не отрывала взгляда от площади, где черное пламя факелов пожирало ночной воздух. Очертания клетки под тканью казались ей надгробием на могиле её прежней жизни. В голове набатом стучали слова солдат: «Невзирая на потери», «Холодное железо», «Живой трофей».

Она медленно повернулась к Калебу. Маг продолжал возиться с посохом, и в скудном свете луны его лицо, изрезанное глубокими тенями, казалось маской, вырезанной из древнего камня.

— Почему? — голос Элии прозвучал сухо, почти чуждо в этой тесной камерке.

Калев не поднял головы. Его длинные пальцы замерли на древесине посоха.

— Почему что, девочка?

— Почему ты здесь? — она сделала шаг к нему, и старые доски пола предательски скрипнули. — Ты рискуешь жизнью ради человека в клетке и девчонки, которую едва знаешь. Ты старик, Калев. Ты мог бы доживать свой век в какой-нибудь тихой деревушке, лечить коров и предсказывать дождь. Но ты здесь, в этой дыре, в двух шагах от виселицы. Зачем тебе это? Что тебе пообещал мой отец? Или... чего ты боишься настолько сильно, что готов идти против Короля-Тени?

Маг издал короткий звук, похожий на сухой смешок, но в его глазах не было веселья. Он наконец поднял голову, и Элия увидела в его зрачках отражение луны — холодное и бесконечно далекое.

— Мир — это не только сделки и обещания, Астерия, — тихо проговорил он, возвращаясь к своему занятию. — Иногда мы делаем что-то просто потому, что не можем поступить иначе. Считай, что мне надоело смотреть, как гаснут звезды.

— Это не ответ, — Элия прищурилась, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение. Ей надоело загадки, надоело недомолвки. — Ты говоришь загадками, как те легенды, которые моя няня читала мне перед сном. Но её больше нет. И отца могут забрать навсегда. Я хочу знать, кто ты и почему судьба наследницы какого-то забытого престола стала твоим делом. Ты ведь не просто друг семьи, верно? Тот свет, которым светился твой посох... он не был похож на магию торговцев.

Кaleb резко замер. Он медленно встал, опираясь на посох, и теперь, когда он выпрямился, Элия снова ощутила ту скрытую мощь, которая заставляла стражников внизу обходить их стороной. Он навис над ней, и в маленькой комнате внезапно стало еще холоднее.

— У каждого из нас есть долги, о которых не рассказывают в трактирах, — его голос стал жестким, как сталь. — И есть тайны, которые лучше хранить за семью замками даже от самого себя. Ты ищешь причины там, где есть только необходимость. Если я скажу тебе, что делаю это ради искупления — тебе станет легче? А если скажу, что просто хочу увидеть конец этой бесконечной ночи? Это ничего не изменит.

Он отвернулся к окну, заслонив собой вид на площадь.

— Твое любопытство — это роскошь, которую мы не можем себе позволить, — отрезал он, пресекая любую попытку продолжить расспросы. — Сосредоточься на том, как ты будешь пахнуть навозом и старой кожей через два часа. Если ты провалишься, мои причины не будут иметь значения, потому что нас обоих скормят гончим Тени до того, как взойдет солнце.

Элия открыла рот, чтобы возразить, но встретила его ледяной, непроницаемый взгляд. Кaleb снова стал тем, кем был в самом начале — загадочным путником с колючим характером, который вел её сквозь ад, не обещая спасения.

— Проверь сапоги, — бросил он, снова усаживаясь на пол. — И обмотки. Твое молчание — твой единственный щит. Больше я не произнесу ни слова до самого выхода.

Элия поняла: стена воздвигнута. Она снова осталась наедине со своими вопросами, глядя на широкую спину мага. Но где-то в глубине души она почувствовала — его уклончивость была не от нежелания помочь, а от боли, которая была столь же глубока, как и её собственная.

Она села в углу, привалившись к холодной стене, и закрыла глаза. До выхода оставалось меньше двух часов. Впереди был караван, железная клетка и путь в самое сердце тьмы. И теперь она знала одно: если Кaleb не хочет говорить о прошлом, значит, это прошлое страшнее любого болота.

Пронзительный, резкий звук разорвал ночную тишину.

— Рано... — выдохнул маг, вскакивая на ноги. — Они выступают раньше чем я думал! Следопыт почувал что-то.

Элия прильнула к окну. Она прижалась лбом к ледяному стеклу, и её дыхание мгновенно оставило на нем мутное пятно. Она судорожно стерла его рукавом, широко раскрытыми глазами впиваясь в панораму площади, которая превратилась в разверзшийся ад. Ткань, сорванная со свистом, обнажила клетку, и сердце Элии на мгновение просто перестало биться. Там, на дне железного ящика, сидел её отец. Он больше не был тем великаном в сияющем плаще, которого она видела в лесу. Его плечи поникли, седые волосы спутались и прилипли к лицу, иссеченному мелкими порезами. На его запястьях и щиколотках тускло мерцали тяжелые кандалы. Эти цепи не просто держали его — они пульсировали мертвенным сизым светом. Его руки бессильно висели между прутьями, и пальцы, когда-то уверенно державшие плуг, теперь безвольно дрожали. Он сидел вполборота, и Элия видела его профиль — серый, как пепел, с глубоко запавшими глазами. Он казался опустошенным сосудом, из которого выпили всё до капли, оставив лишь оболочку.

Вокруг клетки кипела жизнь, пропитанная злобой и сталью. Площадь заставы напоминала растревоженный муравейник. Десятки воинов в черных латах, покрытых инеем, проверяли упряжь своих коней. Их движения были синхронными, пугающе четкими. Они не разговаривали — только лязг металла и глухое фырканье вороных скакунов нарушали тишину. Факелы в их руках горели неестественным пламенем, которое не давало тепла, но отбрасывало на стены домов уродливые, дергающиеся тени.

Рядом с самой клеткой стоял огромный детина в кожаном налобнике, сжимающий в руках длинный кнут, усаженный осколками обсидиана. Он лениво ударил по прутьям, застав-

ляя металл издать пронзительный звон, от которого Элия содрогнулась. Чуть в стороне, на возвышении у ворот, замерла та самая угловатая фигура.

Следопыт сидел на своем иссохшем коне, не шевелясь. Его длинная шея была вытянута в сторону трактира, а ноздри мелко трепетали, втягивая холодный воздух. Он чувствовал их, чувствовал запах их страха, и это ожидание было страшнее любого удара.

Караван готовился к маршу. Впереди уже выстроился авангард из всадников с черными знаменами, на которых был вышит разомкнутый круг. Тяжелые колеса повозки-клетки скрипели, когда солдаты начали впрягать в нее четверку мощных тяжеловозов.

— Посмотри на них, Астерия, — прохрипел Кaleb, встав за её спиной и тоже глядя вниз. — Они не просто везут пленника. Они везут трофей. И если караван скроется за поворотом долины, мы больше никогда его не догоним. Дорога на Столицу пролегает через Мертвые Ущелья, там они как в крепости.

Элия видела, как один из солдат грубо толкнул прутья клетки копьем, и голова отца мотнулась, но он даже не поднял взгляда. В этой незащитности было столько боли, что Элия почувствовала, как внутри неё что-то окончательно надломилось.

Ужас сменился ледяной, обжигающей яростью. В этот момент на площади раздался второй рог — сигнал к выступлению. Первый ряд всадников тронулся с места, выбивая копытами искры из камней. Клетка дернулась и медленно покатила следом, заскрежетав несмазанными осями. Скрежет несмазанных колес по булыжникам площади полоснул по нервам Элии, словно ржавый нож. Она видела, как клетка, в которой сидел её отец, дернулась. Видела, как голова отца тяжело качнулась от толчка, и как черные знамена всадников лениво развернулись на ледяном ветру, указывая путь к Столице.

— Нет... нет! Подождите! — вскрикнула она, отпрянув от окна.

Её движения были лихорадочными, ломаными. Она едва не опрокинула колченогий стул, бросаясь мимо Калеба к выходу. В её голове не было плана, только одна ослепляющая мысль: *«Они увозят его на смерть, а я стою здесь!»*

Она была готова голыми руками вцепиться в железные прутья, плевать на стражу, на Следопыта, на всё. Но когда она уже коснулась пальцами дверной защелки, тяжелая, сухая ладонь Калеба мертвой хваткой сомкнулась на её предплечье. Его пальцы вонзились в кожу, как стальные клещи.

— Пусти! Отпусти меня, ты, трусливый старик! — закричала она, резко поворачивая к нему голову. Её лицо, испачканное сажей, исказилось от ярости и слез. — Ты видел его? Ты видел, что они с ним сделали? Его увозят! Если они выйдут за ворота, мы его потеряем! Пусти, я сказала!

Элия рванулась так сильно, что ткань куртки затрещала, но Кaleb даже не покачнулся. Он дернул её на себя, заставляя смотреть прямо в свои впалые, горящие фанатичным блеском глаза.

— Посмотри на меня, Астерия! — его голос перекрыл шум ветра за окном. — Ты выйдешь туда — и ляжешь в соседнюю клетку. Или в общую могилу у забора. Ты думаешь, твой отец выигрывал время на мосту для того, чтобы ты сгнила в казематах заставы через два дня?

— Мы должны что-то сделать! — всхлипнула она, продолжая бороться с его хваткой.

— Мы сделаем, — отрезал Кaleb, начиная силой тащить её к узкой боковой двери, скрытой за пыльным гобеленом. — Мы догоним их. У нас есть гнедой конь, хозяйка этого заведения одолжила нам его. Мы обойдем их через Мертвые Ущелья, мы срежем путь по тропам, о которых их Следопыт даже не догадывается. Но ты должна жить, чтобы спасти его. Слышишь? Ты должна...

Договорить он не успел. Дубовая дверь комнаты, ту самую, к которой Элия так стремилась секунду назад, не просто открылась — она медленно, с достоинством распахнулась настежь, ударившись о стену с глухим, окончательным звуком.

Элия застыла. Её крик застрял в горле, превратившись в судорожный вдох. Кaleb мгновенно выпустил её руку и потянулся к посоху, но его рука замерла в воздухе, словно наткнувшись на невидимую преграду.

На пороге стоял он. Тот самый мужчина из леса. Без коня, без шлема, но в тех же темных доспехах, которые, казалось, поглощали скудный свет луны. Его длинные волосы, черные, как вороново крыло, рассыпались по плечам, а лицо — пугающе красивое и совершенно неподвижное — напоминало посмертную маску древнего бога. Фиолетовые глаза вспыхнули в полумраке каморки, как два злых аметиста.

— Нее-т, нет, нет! — Элия невольно вскрикнула, отступая назад, пока её спина не уперлась в холодную каменную кладку стены.

Холод, исходивший от него, был настолько материальным, что холод начал проступать на деревянных балках потолка.

— Далеко вы собрались в такой предутренний час, — произнес незнакомец. Его голос был тихим, бархатистым, но в нем слышался рокот лавины, готовой сорваться с гор. — Мои люди уже седлают коней, а вы всё еще спорите о том, кто из вас больше боится смерти. Он переступил порог, и пространство в комнате будто сжалось. Он посмотрел на Калеба, как на надоедливое насекомое, а затем перевел взгляд на Элию. В его глазах не было ненависти — только холодный, расчетливый интерес. — Твой проводник прав в одном, Астерия: выйти сейчас на площадь — значит подписать приговор. Но он ошибается в другом. Вы никогда не догоните этот караван. Не в этом мире. Мужчина сделал еще шаг, и Элия почувствовала, как её кулон под одеждой обжег кожу невыносимым теплом. — Твой отец... — он сделал паузу, словно пробуя это слово на вкус. — Он всё еще дышит. Но каждый его вздох теперь принадлежит Королю-Тени. И только от тебя зависит, станет ли следующий вдох для него последним.

Элия смотрела на него, парализованная ужасом и странным, необъяснимым притяжением этой тьмы. Она видела, как Кaleb дрожит, пытаясь преодолеть магическое оцепенение, но всадник даже не смотрел в его сторону. Весь его мир сейчас сузился до одной цели — до девушки, стоящей в грязном платье у серой стены.

Мужчина сделал еще шаг вглубь комнаты.

— Ты защищаешь её, старик, — всадник бросил короткий, полный презрения взгляд на старика, — но кормишь её ложью. Ты не сказал ей, кто он на самом деле. Ты не сказал ей, что магия крови, о которой ты шепчешь, — это не дар, а родовое проклятие, которое выжжет её изнутри, если она не примет истинную сторону.

Элия перевела взгляд на мага.

Маг стоял бледный, его губы дрожали, а костяшки пальцев, сжимавших посох, побелели.

— Не слушай его! — выкрикнул он, перебивая всадника. Его голос сорвался на хрип. — Он плетет паутину из полуправды! Твой отец скрывал это, чтобы спасти твою душу, а не чтобы предать тебя! Тьма всегда начинается с того, что порочит свет!

— Свет? — мужчина из леса тихо, вкрадчиво рассмеялся, и от этого звука по стенам пополз иней. — Свет оставил это место тысячи лет назад. Твой отец, Астерия, был не просто фермером. Он был тюремщиком твоей силы. Он гасил её в тебе каждый день, превращая наследницу империи в крестьянку с грязными ногтями.

Элия слушала, и её глаза, и без того широко распахнутые, казалось, наполнили всё её лицо. В голове стоял гул. Слова всадника падали в её сознание, как камни в глубокий колодец. Она хотела закричать, спросить, правда ли это, но язык прилип к гортани. У неё не находилось слов — только немой, застывший вопрос в зрачках.

Всадник остановился прямо перед ней. От него пахло снегом и древней пылью библиотек.

— Вы можете бежать, — он обвел рукой тесную комнату. — Прыгайте в окно, седлайте своего коня. Но знайте: я буду за вашей спиной в каждом шорохе листвы. Мой Следопыт будет пить ваш пот, пока вы не упадете от изнеможения. Мы будем догонять вас снова и снова, пре-

вращая ваш путь в бесконечную агонию. Он наклонился к самому её лицу, и Элия почувствовала холод его дыхания. — Поэтому я предлагаю тебе выбор, Астерия. Два варианта. Третьего нет. — Ты идешь со мной сейчас. Добровольно. Я снимаю кандалы с твоего отца на этом самом месте. Я даю ему коня и золото, и он уезжает на запад, к морю. Он будет жить в тепле и покое до конца своих дней, но он никогда больше не увидит тебя. Ты станешь моей ученицей. Ты узнаешь, кто ты на самом деле, в залах Столицы. Или ты остаешься с этим умирающим магом. Вы пытаетесь спасти отца. Но я клянусь: к тому моменту, как ты коснешься прутьев его клетки, он будет молить о смерти. Я выжму из него всё, что он знает, по капле, на твоих глазах. И в конце ты всё равно придешь ко мне, но уже на коленях и по трупам тех, кого любила.

Всадник выпрямился, заложив руки за спину. Он выглядел абсолютно уверенным в своем триумфе. На площади внизу снова протрубил рог — караван начал движение. Маг рванулся вперед, преодолевая слабость, и загородил Элию собой, выставив посох.

— Она ничего не выберет! Уходи, порождение Тени!

Мужчина даже не взглянул на мага. Его глаза были прикованы к Элии.

— Решай, Астерия. Жизнь отца за твою свободу. Или твоя гордость за его мучения. Время пошло. Колеса клетки уже катятся к воротам.

Элия стояла между двумя мужчинами — один олицетворял всё её прошлое, полное тайн и лжи, другой — пугающее будущее, полное боли и власти. Её взгляд метался от бледного, испуганного лица мага к непроницаемой маске всадника.

Шум каравана на площади внизу — тяжелый скрежет металла о камень и ритмичный стук копыт — стал тем самым метрономом, который начал выводить Элию из оцепенения. Звон в ушах постепенно сменялся ледяной, кристально чистой ясностью. Пока Элия стояла неподвижно, маг и Всадник продолжали свой негласный поединок.

Маг, тяжело дыша, перехватил посох обеими руками. Его ладони скользили по дереву от пота, но он стоял намертво, перегородив собой путь к девушке.

Вокруг кончика его посоха начали виться слабые, рваные нити лазурного света, похожие на предсмертные судороги электрического разряда.

— Ты не заберешь её, — прохрипел старик, и в его голосе слышался хруст ломающихся костей. — Только не так. Не через страх.

Всадник лишь слегка приподнял бровь. Его поза оставалась расслабленной, почти небрежной. Он даже не смотрел на мага, его внимание было полностью поглощено лицом Элии. Он ждал, когда плод созреет и сам упадет в его руки.

— Ты едва стоишь на ногах, старик, — бросил Всадник, и от его слов свечение посоха мага начало чернеть по краям. — Твоя верность трогательна, но бесполезна. Она уже видит правду. Она чувствует, как ложь, которой ты её кормил, рассыпается прахом.

В этот момент перед глазами Элии всплыл образ. Не клетка, не кандалы и не седые волосы отца. Она увидела его там, на мосту, в тот последний миг, когда он обернулся. Она вспомнила не страх в его глазах, а волю. Несокрушимую, яростную решимость человека, который знал, на что идет. Он не просто защищал её — он доверял ей. Он верил, что она достаточно сильна, чтобы вынести правду, какой бы горькой она ни была. *«Живи, Астерия. Иди вперед. Твой путь только начинается»*, — беззвучно повторили её губы слова, которые он выкрикнул в лесу. Она внезапно осознала: если она сейчас сдастся, если примет эту подлую сделку, она не спасет отца. Она уничтожит всё, за что он сражался. Она превратит его жертву в бессмысленную потерю. Он никогда не принял бы жизнь ценой её рабства. Никогда.

Ступор исчез. На смену ему пришла холодная, пульсирующая в висках ярость. Элия медленно подняла голову. Её взгляд, до этого метавшийся и испуганный, замер на фиолетовых глазах Всадника.

— Ты говоришь о правде? — её голос прозвучал на удивление ровно, хотя в нем еще дрожали слезы. — Но ты сам соткан из лжи. Она сделала шаг вперед, мягко положив руку на

плечо мага. Маг вздрогнул, чувствуя, как её пальцы — ледяные, но твердые — сжимают его одежду. — Мой отец не тюремщик, — сказала она, глядя прямо в лицо Всаднику. И если он выбрал этот путь, значит, он знал, что я смогу пройти свой.

Всадник сузил глаза. Улыбка медленно исчезла с его губ, сменившись жесткой складкой. В комнате стало еще холоднее.

— Ты выбираешь второй вариант, маленькая дурочка? — прошипел он. — Ты выбираешь его муки?

— Я выбираю борьбу, — отрезала Элия. — Ты сказал, что будешь догонять нас? Что ж, попробуй. Но знай: каждый шаг, который я сделаю к Столице, будет шагом к твоему поражению. Я не пойду к тебе на коленях. Я приду к тебе чтоб освободить отца..

Всадник выпрямился, и его фигура на мгновение словно раздулась, заполнив собой всё пространство каморки. Тень от его плаща поползла по полу, как живое существо, обволакивая ноги Элии и мага.

— Да будет так, — произнес он, и в его голосе теперь не было бархата — только свист зимней вьюги. — Наслаждайся своей призрачной волей, Астерия. Охота началась. И когда ты услышишь первый крик своего отца в казематах, помни — это был твой выбор.

Он резко развернулся, и полы его плаща ударили по воздуху, как крылья огромной птицы. В следующую секунду дверь с грохотом захлопнулась, и присутствие холода мгновенно исчезло, оставив после себя лишь запах озона.

Маг обессиленно опустился на сундук, его посох со стуком упал на пол. Он поднял на Элию взгляд, полный боли и немого вопроса.

— Мы должны идти, — сказала она, не давая ему заговорить. Она подошла к окну и увидела, как последний всадник каравана исчезает за воротами заставы. У нас есть время, пока они не начали охоту всерьез.

Элия стояла не подвижно, и обернувшись глянула на закрытую дверь, за которой только что исчез мужчина. В комнате повисла тяжелая, пыльная тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием мага. Внутри неё всё кричало от первобытного ужаса. Её тело била мелкая дрожь, которую она отчаянно пыталась подавить, сжимая кулаки так, что костяшки побелели.

Каждый нерв был натянут, как струна, готовая лопнуть от одного прикосновения. Она слышала слова о «Наследнице», о «проклятии крови», но её разум выставил глухую стену. Она не спрашивала ни кто этот человек, ни почему он называет её чужим именем. Если она начнет спрашивать, если признает, что всё сказанное — правда, она рассыплется на куски.

Сейчас ей нужно было быть просто Элией — дочерью, которая должна успеть.

— Вставай, — её голос был хриплым, едва узнаваемым, но удивительно твердым.

Она не смотрела на мага, боясь, что если увидит жалость в его глазах, то её напускное мужество рухнет. Она бросилась к окну и в последний раз взглянула на площадь.

Последний факел конвоя скрылся за аркой ворот, оставив после себя лишь клубы темного дыма. Элия лихорадочно схватила свою сумку, забросив в неё флягу и черствый хлеб, оставленный на столе. Её движения были резкими, механическими. Маг, опираясь на посох, медленно поднялся. Он выглядел постаревшим на десятилетие, его лицо в свете заходящей луны казалось восковой маской.

Они выскользнули из комнаты через боковую дверь, о которой говорил маг. Узкая, винтовая лестница пахла мышами и сыростью. Элия спускалась первой, прижимаясь к холодным камням стены. Её сердце колотилось в горле, каждый скрип ступенек казался ей громом, возмущающим об их присутствии. Она не подавала виду, что её ноги подкашиваются, а ладони стали влажными от пота.

Они прокрались через задний двор трактира, стараясь держаться в густых тенях, отбрасываемых поленницами дров. Застава потихоньку просыпалась — в казармах слышались выкрики офицеров, ржание коней и лязг доспехов.

Внутри конюшни стоял густой запах сена и навоза. Элия пробиравалась вдоль стойл, затаив дыхание. Раз... два... *Третье*. Там действительно стоял мощный, широкогрудый конь с умными, темными глазами. Он не заржал, лишь тихо фыркнул, когда Элия коснулась его бархатной морды. Она нащупала седельную сумку — в ней лежали тяжелый напильник и фляга с мутным зельем. Маг подошел сзади, помогая накинуть на мерина уздечку. Его руки всё ещё дрожали, но он действовал быстро.

— Садись впереди, — шепнул он. — Я буду направлять его. Нам нужно проскочить через северную калитку, пока сменные патрули не заняли посты.

Элия вскарабкалась в седло, чувствуя тепло коня. Это тепло было единственным реальным ощущением в этом кошмаре. Маг запрыгнул сзади, его костлявые руки перехватили поводья. Они выехали из конюшни. Северная калитка была приоткрыта — старый конюх сдержал слово.

Как только копыта коня коснулись мягкой земли за пределами заставы, маг пустил его в галоп. Прохладный ветер ударил Элии в лицо, выбивая из глаз непрошенные слезы. За их спинами остались стены Горного Приюта, впереди — Мертвые Ущелья, куда ушел караван.

Элия пригнулась к шее коня, вцепившись в гриву. Её зубы были плотно сжаты, чтобы не стучать от пережитого ужаса. Она не знала, кто она. Она не знала, кто этот всадник. Но она чувствовала, как в её груди, под всеми слоями грязной одежды, начинает пульсировать нечто новое — холодное и острое, как лед Пика Плакальщицы. Это не была магия, это была чистая, незамутненная ненависть к тем, кто заставил её бежать.

— Мы догоним их, — прошептала она в гриву коня, и её слова утонули в грохоте копыт. — Чего бы мне это ни стоило.

Копыта гнедого мерина выбивали яростную дробь по земле, когда они оставили заставу позади. Элия пригнулась так низко, что чувствовала жар, исходящий от шеи коня, и резкий запах пота животного. Ветер, прохладный и пронзительный, хлестал её по лицу, заставляя кожу немного неметь, но она лишь сильнее вцепилась в гриву. Ей было страшно — так страшно, что каждый удар сердца отдавался в висках тошнотворной пульсацией, но она заставила свою спину одеревенеть, не позволяя себе ни единого всхлипа.

Дорога стремительно сужалась, затягивая их в зев Мертвых Ущелий. Это было место, где само время, казалось, остановилось в предсмертной судороге. Огромные, отвесные скалы из серого сланца вздымались по обе стороны тропы, закрывая небо. Они выглядели как рёбра гигантского скелета, вросшего в горы. Стены ущелья были испещрены глубокими трещинами, из которых сочилась мутная, мгновенно замерзающая вода, превращая скалы в зеркала черного льда. Здесь не было деревьев, только чахлые, скрюченные кустарники «ведьмина когтя».

Под копытами хрустел не снег, а серая пыль и мелкая каменная крошка, которая взлетала облаком, оседая на одежде. Свет сюда почти не проникал. Внизу царил вечный сумрак, пропитанный запахом сырого камня и древней пыли.

Элия чувствовала, как тишина ущелья давит на уши, прерываясь лишь тяжелым храпом коня и свистом ветра в вышине. Они не видели повозку, но её присутствие ощущалось во всём. На камнях дороги остались широкие борозды от тяжелых колес клетки. Там, где проезжал конвой, камни казались обугленными, а иней на скалах приобрел грязный оттенок. В воздухе всё ещё висел тонкий, едкий шлейф озона и гари — след магии Всадника и факелов его свиты.

Маг внезапно натянул поводья, заставляя коня перейти на рысь, а затем и вовсе остановиться. В этой внезапной тишине Элия услышала его — далекий, ритмичный лязг металла о металл. Это был звук железной клетки, бьющейся на ухабах. Он доносился откуда-то сверху, с извилистого серпантина. Маг тяжело дышал за спиной Элии. Она чувствовала, как его костлявые пальцы судорожно сжимают поводья. Его лицо, и без того бледное, стало почти прозрачным, а глаза лихорадочно блестели.

Элия посмотрела на свои руки. Они были покрыты копотью и грязью, пальцы немного онемели, но внутри неё, вопреки ужасу, крепло странное, холодное спокойствие. Она думала о том, как напильник в седельной сумке коснется замка клетки. Она чувствовала себя натянутой тетивой, которая вот-вот спустит стрелу. На одном из поворотов, где ущелье расширилось, они увидели это.

Далеко вверху, на узком карнизе скалы, медленно двигалась черная змея каравана. Всадники казались крошечными фигурками на фоне величественных гор, но от этого зрелища Элию обдало жаром. На самом краю выступа, отделенный от основной колонны, застыл неподвижный силуэт на иссохшем коне. Следопыт Тьмы смотрел не вперед, на дорогу, а вниз — прямо туда, где в тенях ущелья затаились они.

— Он знает, что мы здесь, — прошептал маг, и его голос дрогнул. — Он не гонится за нами, он приглашает нас. Это не путь, Астерия. Это горлышко ловушки.

Элия не ответила. Она лишь крепче сжала бока коня коленями, побуждая его двигаться вперед. Страх никуда не ушел, он жил в её животе ледяным комом, но взгляд отца тот самый, горел перед её глазами ярче любых магических факелов.

Они двигались вглубь Мертвых Ущелий, и с каждым поворотом стены из черного сланца становились всё выше, пока не превратились в отвесные монолиты, почти полностью закрывшие небо. Здесь, внизу, воцарился вечный сумеречный холод.

— Не смотри вверх, Элия, — прохрипел маг, его голос гулко отразился от камней. — Смотри под копыта. Камень здесь жадный, он ждет, когда мы оступимся.

Вокруг них расстиралось кладбище гор. Дорога была завалена острыми обломками скал, которые скрежетали под подковами мерина. Из расщелин выползал густой, тяжелый туман, пахнувший сырым подземельем и старой медью.

Из-за странной акустики ущелья звуки каравана наверху казались то совсем близкими, будто клетка катилась прямо за их спинами, то затихали вовсе. Элия постоянно оглядывалась, её сердце пропускало удар при каждом шорохе осыпающегося гравия. На одном из выступов она увидела нечто, от чего её кровь застыла. На острой коряге кустарника висел обрывок черной ткани, испачканный чем-то темным и липким.

В воздухе завис едва уловимый, приторно-сладкий запах разложения, смешанный с озоном. Элия сидела впереди, вцепившись в гриву коня так сильно, что её пальцы побелели и онемели. Ей было невыносимо страшно — казалось, что из каждой трещины в скале на неё смотрят пустые глазницы Следопыта. Но она упрямо поджимала губы, не позволяя себе даже дрогнуть.

— Калев... — тихо позвала она, не оборачиваясь. — Тот мужчина в комнате... Он сказал, что отец меня обманывал. Что он «гасил» во мне что-то.

Маг долго молчал, слышно было только тяжелое дыхание коня. Наконец он ответил, и его голос был полон горечи:

— Твой отец любил тебя больше жизни, дитя. Он хотел, чтобы ты была счастлива, а не вкус крови и запах жженой магии. Если это ложь — то это самая милосердная ложь на свете.

— Но теперь всё кончено, — Элия посмотрела на свои грязные руки. — Есть только эта клетка.

— Да, — маг прищипнул коня, заставляя его преодолеть крутой подъем. — Теперь у нас есть только путь вперед. Всадник не лгал в одном: он будет нас догонять. Он играет с нами, как кошка с мышью, давая нам ложную надежду.

Они выехали на небольшую площадку, где из скалы бил тонкий, вонючий ручей. Калев резко натянул поводья.

— Стой. Смотри туда.

Элия проследила за его взглядом. Прямо на тропе лежало то, что осталось от одной из лошадей конвоя. Животное было не просто мертво — оно выглядело так, будто из него выпили

всю жизнь, оставив лишь сухую шкуру и кости. Вокруг трупа земля была выжжена фиолетовым пламенем.

— Они были здесь совсем недавно, — прошептала Элия, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — Клетка... она тяжелая. Они должны были замедлиться.

— Они не замедляются, Астерия, — маг спрыгнул с коня и подошел к ручью, смывая пыль с лица. — Тень не знает усталости. Но посмотри на скалы выше.

Она подняла голову. Там, над ними, нависал естественный каменный мост, соединяющий две стороны ущелья. И именно по этому мосту сейчас медленно, как во сне, проезжал караван.

— Мы можем срезать, — Элия резко повернулась к магу, её глаза лихорадочно блестели. — Если мы полезем по той расщелине, мы окажемся у них на пути через полчаса! Кaleb, мы можем успеть!

Старик посмотрел на отвесную стену, окутанную туманом, а затем на изможденную девушку, которая из последних сил старалась не подавать виду, как ей страшно.

— Это путь для безумцев, — тихо сказал он. — Но у нас нет другого. Если мы доберемся до моста, у тебя будет всего несколько минут, пока я буду отвлекать стражу.

Они оставили коня у подножия, скрыв его в густых тенях между валунами. Расщелина, которую выбрала Элия, выглядела как глубокий шрам в теле горы — узкая, скользкая от ледяного конденсата и предательски крутая.

— Держись за выступы, которые не блестят, — прошептал маг, втискиваясь в тесную щель за ней. — Блестящий камень — это лед. Соскользнешь — и костей не соберут.

Элия начала карабкаться первой. Её пальцы, иссеченные острым сланцем, саднили, а под ногти забивалась черная крошка. Каждый раз, когда она подтягивала свое тело вверх, её мышцы протестующе ныли, а в голове стучало: *«Быстрее. Еще чуть-чуть»*.

Стены расщелины смыкались над ними, оставляя лишь узкую полоску тусклого неба. Воздух здесь был неподвижным и затхлым, пахнувшим сырым подземельем. Сверху то и дело осыпались мелкие камни, с сухим стуком ударяясь о плечи. Ей казалось, что сами скалы пытаются раздавить её. Страх высоты и замкнутого пространства сжимал горло, но она лишь сильнее впивалась зубами в губу.

— Kaleb... — выдохнула она, когда её нога соскользнула, и она на мгновение повисла на одних руках. — Ты слышишь? Они уже близко. Скрип... я слышу скрип колес прямо над нами.

Маг, тяжело пыхтя снизу, уперся плечом в её стопу, помогая восстановить равновесие. Его лицо было мокрым от пота, несмотря на мороз.

— Не слушай звуки, слушай своё дыхание, — прохрипел он. — Они на мосту. Мы почти у цели. Элия, если что-то пойдет не так... если я не смогу... просто делай то, зачем пришла.

Спустя десять минут мучительного подъема, Элия выбралась на небольшой уступ, скрытый за массивным обломком скалы. Отсюда до каменного моста было всего несколько шагов. Она припала к земле, чувствуя, как холод камня проникает сквозь куртку. Прямо перед ней, на расстоянии вытянутой руки, проплывали тяжелые колеса клетки. Скрежет металла здесь был оглушительным.

— Kaleb, я вижу его! — прошептала она, и в её глазах вспыхнул лихорадочный огонь. — Отец... он совсем близко.

Она увидела конвоиров — четырех всадников в черных латах. Они ехали, низко опустив головы, словно впали в транс от монотонного движения. Следопыта рядом не было, и это пугало больше всего.

— Сейчас, — Kaleb приподнялся, сжимая посох. Его татуировки на руках начали тускло мерцать, откликаясь на близость врага. — Когда я ударю по камням, поднимется туман. У тебя будет не больше минуты. Напильник у тебя?

— Да, — Элия нащупала холодный металл в кармане. Её рука дрожала, но она сжала инструмент так крепко, что суставы побелели. — Kaleb... мне страшно.

Старик посмотрел на неё, и в его глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на нежность, которую он скрывал за суровостью.

— Страх — это не слабость, Астерия. Это твоя связь с жизнью. Но сейчас заставь его замолчать. Твой отец смотрит не на нас, он смотрит во тьму. Выведи его оттуда.

Маг резко выпрямился и ударил концом посоха о гранит. Раздался не гром, а тихий, вибрирующий гул. В то же мгновение из расщелин между камнями повалил густой, неестественно белый пар. Он мгновенно окутал мост, скрывая коней и всадников. Элия не ждала. Она рванулась вперед, пригибаясь к самой земле.

— Эй! Кто здесь?! — раздался сорванный крик одного из стражников, последовал лязг вынимаемого меча.

Но она уже была у клетки. Железные прутья были ледяными и скользкими. Внутри, в полумраке, она увидела его.

— Отец! — позвала она сорванным шепотом, вцепляясь руками в решетку.

Седовласый мужчина медленно, невероятно медленно поднял голову. Когда его затуманенный взгляд встретился с её глазами, по его лицу пробежала судорога узнавания.

— Э...лия? — его голос был похож на шелест сухих листьев. — Беги... уходи отсюда... это ловушка...

— Нет! Я не уйду без тебя! — она лихорадочно вытащила напильник и приставила его к массивному замку, обмотанному черными цепями.

В тумане послышались удары. Маг вступил в бой. Магические искры вспыхивали в белой мгле, высвечивая силуэты сражающихся.

— Быстрее, девочка! — выкрикнул Калев где-то совсем рядом. — Я долго их не удержу!

Элия начала скрежетать металлом по металлу. Звук казался ей невыносимо громким, предательским. Напильник скользил по холодному железу, не оставляя на нем почти ни следа. Она стиснула зубы, чувствуя, как отчаяние начинает душить её.

— Пожалуйста... пожалуйста, поддавайся... — молила она замок, пока вокруг неё туман окрашивался в багровые тона от факелов приближающейся подмоги.

Туман, поднятый магом, бурлил вокруг моста, превращая реальность в призрачный хаос. В этой белой мгле вспыхивали яростные лазурные всполохи — это маг, выжимая из своего изможденного тела последние капли силы, отбивал атаки стражников. Каждый раз, когда его посох сталкивался со сталью клинков, раздавался гулкий, электрический треск, и на мгновение во тьме высвечивались перекошенные ужасом лица солдат.

— Быстрее, Астерия! Не смотри назад! — сорванным, надтреснутым голосом кричал Калев где-то в паре шагов от неё. — не останавливайся! У нас секунды!

Элия не видела его, только эти всполохи, освещавшие её окровавленные руки. Она прижалась грудью к холодным прутьям, чувствуя, как от клетки веет могильным холодом. Напильник в её руках скрежетал, издавая пронзительный, визгливый звук, от которого закладывало уши.

Металл сопротивлялся, он был пропитан магией подавления, и каждый проход напильника отдавался в локтях Элии болезненной вибрацией.

— Уходи... — раздался хриплый голос из глубины клетки.

Отец подполз к самой решетке. В свете очередной магической вспышки Элия увидела его лицо совсем близко. Оно было бледным, как пергамент, а в глазах, когда-то видевших всё небо, теперь отражалась лишь бесконечная пытка.

— Элия, дочка... — он просунул скованную руку сквозь прутья, пытаясь оттолкнуть её ладонь от замка. Его пальцы были ледяными. — Ты не понимаешь... это не просто замок. Он заговорен. Как только ты его повредишь, Следопыт узнает... Уходи, пока туман держит их! Оставь меня!

— Нет! — выкрикнула она, и её голос сорвался на плач, смешанный с яростью. — Я уже оставила Марту в болоте! Я не оставлю тебя в этой железной гробу!

Она с силой оттолкнула его руку и с удвоенной энергией впиалась напильником в место, где цепь смыкалась с засовом. Скрежет стал невыносимым. От металла посыпались искры.

— Проваливай отсюда! — взревел один из стражников в тумане.

Раздался свист стали и тяжелый удар маг принял выпад на свой посох.

— Держись, Астерия! — крикнул маг, и по звуку его голоса Элия поняла, что он ранен: слова прервались судорожным хрипом.

— Ещё чуть-чуть! — Пожалуйста... ну же! — молила Элия, чувствуя, как под напильником наконец поддается первая чешуйка проклятого металла.

Она пилила, не обращая внимания на то, что её пальцы соскользнули и кожа на суставах лопнула, пачкая замок кровью. Как только её кровь коснулась «холодного железа», замок издал зловещий, шипящий звук. Внутри него что-то щелкнуло, но не отпираясь, а словно пробуждаясь.

— Он идет! — закричал отец, в ужасе прижимаясь к задней стенке клетки. — Он здесь!

В этот момент белая завеса тумана впереди начала окрашиваться в густой, ядовитый фиолет. Вспышки мага стали реже, они тонули в этой наступающей тьме, как гаснущие угли. Элия видела, как Калевб отлетает в сторону, сбитый невидимым ударом, и его посох, описывая дугу, падает в бездну ущелья. Но она не бросила инструмент. Она сделала последний, отчаянный рывок всем телом. Металл напильника с хрустом лопнул, но вместе с ним треснуло и звено цепи.

— Отец! — Элия рванула дверцу клетки, и та со стоном поддалась на дюйм.

Воздух стал таким плотным, что каждый вдох давался с трудом, словно легкие заполнялись жидким свинцом. Следопыт тени не просто вышел из тумана — он соткался из него, как кошмар обретает плоть в момент пробуждения. Его пальцы, длинные и неестественно гибкие, лениво перебирали воздух в паре дюймов от лица Элии. А за его спиной... Всадник на вороном коне возвышался над мостом, как изваяние из обсидиана. Фиолетовое пламя его глаз не горело — оно пульсировало в такт биению сердца Элии. Он не вынимал меча. Он просто смотрел на сломанный напильник в её руках с чем-то похожим на... разочарованное восхищение Тень Короля, колышущаяся на мосту, внезапно начала уплотняться, теряя свою бесформенность. Черный дым втянулся внутрь, обретая четкие контуры доспехов, и через мгновение перед Элией снова стоял он — тот самый Всадник из леса.

Его появление в естественном человеческом облике было еще более пугающим, чем призрачный мрак, потому что теперь в его фиолетовых глазах читалось живое, ледяное превосходство. Он медленно двинул своего вороного коня вперед.

Конь шел бесшумно, его копыта не выбивали искр из камня, а словно впитывали их. Остановившись в паре шагов от Элии, мужчина легко, почти грациозно соскользнул из седла. Его сапоги со стуком коснулись плит моста, и этот звук в наступившей тишине прозвучал как удар молота.

Туман вокруг них замер. Ветер перестал выть, и даже воздух стал густым, как смола, затрудняя каждый вдох. Пламя факелов стражи замерло, не дрожа, отбрасывая на скалы длинные, неестественно прямые тени. В стороне двое солдат в черных латах грубо заламывали магу руки за спину. Калевб стоял на коленях, его лицо было залито кровью из раны на лбу, а посох лежал в пыли, переломленный пополам. Он пытался что-то крикнуть, но один из стражников приставил кинжал к его горлу, заставляя замолчать.

Всадник медленно подошел к Элии. Она всё еще сидела на коленях у дверцы клетки, её руки были покрыты черной гарью и кровью, а обломок напильника бессильно лежал рядом.? Он остановился прямо над ней, загораживая остатки лунного света. От него веяло холодом и запахом озона.

— Ты проделала долгий путь, чтобы убедиться в собственной слабости, — произнес он. Его голос был спокойным, почти сочувствующим, что пугало больше любого крика. — Ты видела, как маг пал. Ты видела, как твой инструмент сломался о сталь, которую ковали в недрах Тени. Ты всё еще хочешь играть в спасительницу, Астерия?

Элия подняла голову. Её лицо было бледным, глаза лихорадочно блеснули сквозь сажу. Она не ответила, лишь крепче сжала пальцами прутья клетки, чувствуя за спиной тяжелое, прерывистое дыхание отца.

— Я не прошу у тебя ничего нового, — всадник наклонился к ней, его лицо оказалось в дюйме от её лица. — Моё предложение всё еще в силе. Оно не изменилось с той минуты в каморке трактира, потому что я знал: ты придешь к этому моменту сама. Он указал рукой на клетку, где её отец в бессилии прижался к решетке.— Первый вариант: Ты встаешь и добровольно вкладываешь свою руку в мою. Мы уходим в Столицу. В ту же секунду я лично снимаю кандалы с этого старика. Я даю ему коня, золото и охрану, которая выведет его к побережью. Он будет жить в тепле, в безопасности, далеко отсюда. Он будет дышать морским воздухом, пока ты будешь познавать свою истинную природу.

— Он... он не примет этого... — прохрипела Элия, её голос дрожал от сдерживаемых рыданий.

— А его никто не спросит, — всадник тонко улыбнулся. — Это твой выбор, а не его. Второй вариант: Ты продолжаешь цепляться за эти прутья. Мы возьмем вас обоих. Но обещаю тебе — дорога до Столицы будет долгой. Мой Следопыт очень изобретателен, когда дело касается тех, кто крадет его время. Твой отец не доживет до городских ворот, Астерия. Он умрет прямо здесь, на этом мосту, у тебя на глазах, если ты скажешь нет.

Всадник выпрямился и замер, ожидая ответа. Он не торопил её. Он наслаждался её агонией, зная, что клетка, в которую он её загнал, гораздо крепче той, в которой сидит её отец. Элия чувствовала, как за её спиной отец просунул пальцы сквозь решетку и едва коснулся её плеча.

— Не надо... — выдохнул он. — дочка... не слушай...

Она посмотрела на избитого Калеба, на изувеченную клетку, на холодные, глаза мужчины перед ней. Весь мир сузился до этого выбора. Страх, который она так долго подавляла, теперь заполнил её до краев, лишая возможности мыслить.

— Решай, — повторил Всадник. — Колеса каравана готовы крутиться. В какую сторону они поедут для твоего отца — к жизни или в пропасть.

Элия стояла на коленях, и холод камня, казалось, прорастал сквозь её плоть, добираясь до самого сердца. Она чувствовала на плече слабую, дрожащую руку отца и слышала тяжелый, прерывистый стон Калеба, которого стражники вжимали лицом в гранит. Мир вокруг сузился до одной точки — до ледяных фиолетовых глаз Всадника. Она подняла на него взгляд, в котором отчаяние боролось с последними искрами разума. Её губы, искусанные и сухие, едва шевелились.

— Зачем?.. — прошептала она, и её голос едва пробился сквозь гул ветра. — Зачем тебе всё это? Если я.. я всего лишь девчонка с фермы... зачем тебе я? Для чего тебе везти меня в Столицу?

Всадник замер. Его фигура на фоне черных скал казалась вырезанной из самой ночи. Он медленно наклонился к ней, так близко, что Элия увидела своё отражение в его зрачках — крошечную, изломанную фигурку на краю бездны.

Вместо ответа он улыбнулся. Это была не добрая улыбка человека, а хищный оскал зверя, нашедшего долгожданную добычу. Его зубы блеснули ослепительной белизной, подчеркивая мертвенную бледность кожи.

— Ты хочешь знать свою цену, Астерия? — его шепот был похож на шелест клинка по шелку. — Ты хочешь понять, почему за тобой охотится сама Тень, пока твой маг кормит тебя

сказками о добре? Он протянул руку, едва касаясь кончиками пальцев её подбородка, по коже Элии в этом месте мгновенно прошла волна тепла.— Ты узнаешь всё. Каждую каплю правды. Каждую причину, по которой твой отец прятал тебя в навозе и пыли. Но только тогда, когда ты примешь решение. Когда мы окажемся за стенами Столицы, в залах, которые помнят твое имя. Раньше — это знание просто убьет твой разум, так и не дав нам того, что нам нужно.

Элия хотела что-то ответить, выкрикнуть протест, но в этот момент пространство вокруг неё начало деформироваться. Звуки моста — ржание коней, стоны отца, шум ветра — внезапно стали низкими, растянутыми, словно они тонули в густой воде. Пламя факелов вытянулось в длинные, уродливые нити, пронзающие туман. Воздух стал настолько плотным, что его невозможно было вдохнуть. Элия почувствовала, как небо над ущельем начинает сворачиваться, закрывая звезды тяжелой, черной пеленой. Камень под её коленями перестал быть твердым — он завибрировал, превращаясь в зыбкую массу.

— Решай... — эхом отозвался голос Всадника, но теперь он звучал сразу ото всех скал.

Элия открыла рот, чтобы произнести слово, чтобы выбрать жизнь отца, но тьма, хлынувшая из глазниц Всадника и из теней ущелья, оказалась быстрее. Мир вокруг неё начал стремительно сжиматься. Свет померк, превращаясь в узкую полоску, а затем и вовсе исчез. Она почувствовала, как теряет опору. Рука отца соскользнула с её плеча, и этот последний контакт причинил ей больше боли, чем весь холод мира.

Она не успела дать ответ. Сознание, не выдержав запредельного давления магии Тени и физического истощения, просто оборвалось. Последнее, что она видела — это ослепительная, хищная улыбка Всадника, которая, казалось, продолжала гореть в темноте даже тогда, когда всё остальное исчезло.

Не было ни боли, ни страха, ни холода — только гулкая пустота, в которой её собственное имя билось, как пойманная птица. Она больше не чувствовала моста. Она не слышала, как караван тронулся с места. Для Элии время остановилось, превратившись в бесконечную ночь, в которой её уже везли туда, где правда станет страшнее самой смерти.

Глава 8.

Пробуждение было мучительным и рваным, словно сознание пыталось пробиться сквозь толщу черной воды. Первое, что почувствовала Элия — это ритмичная, жесткая тряска. Каждое содрогание повозки отзывалось в её голове тупым, тяжелым ударом. Она попыталась пошевелиться, но тело было чужим, ватным, налитым свинцовой слабостью. Под ней было что-то жесткое, прикрытое тонким слоем колючей соломы и грубой мешковины. Холод больше не обжигал — он стал ровным, оцепенелым фоном. Она не чувствовала своих пальцев, не чувствовала веса собственной одежды. Элия с трудом разомкнула веки. Над ней проплывали серые, угрюмые своды скал, сменяющиеся полоской низкого, свинцового неба. Мир вращался. В поле зрения попал край деревянного борта — это была обычная открытая телега для перевозки грузов. Не было железных прутьев, не было кандалов на её запястьях, но эта свобода пугала больше, чем цепи.

— Отец... — попыталась позвать она, но из пересохшего горла вырвался лишь невнятный шип.

Мысли путались, наползая друг на друга. Где он? Почему его нет рядом? Она помнила холод его руки, помнила скрежет напильника... Неужели всё было зря? Образ отца изможденного, седого, в железной клетке вспыхнул перед глазами, как раскаленное клеймо, и тут же начал таять, растворяясь в сером мареве. Она попыталась приподняться, но мир тут же накрепко застыл. В затуманенном мозгу всплыл образ мага. Она видела его, прижатого к камням моста, видела сломанный посох.

Жив ли он?

Или его старое тело не выдержало удара? Это неизвестность жгла сильнее любой раны. Она представляла его лежащим там, на холодном мосту, одного... или, что еще страшнее, брошенного в ту же бездну, куда улетел его свет.

Зрение снова начало подводить. Небо над головой стало темнеть, края облаков начали закручиваться в те самые фиолетовые нити, которые она видела перед обмороком.

— Поспи, Астерия, — прозвучал в голове чужой, вкрадчивый голос, хотя рядом, казалось, никого не было. — Путь еще долог.

Элия снова открыла глаза, собрав последние крохи воли. На этот раз небо было чистым от скал — бесконечная, холодная пустота, от которой кружилась голова.

Она хотела ухватиться за реальность, за край повозки, за воспоминание о запахе хлеба в их доме, но тьма уже поднималась изнутри, обволакивая разум. Последней связной мыслью было осознание: караван движется. Они едут в Столицу. Она — не в клетке, но она всё равно пленница этой тишины и этого движения.

Отчаяние смешалось с безразличием лихорадки. Ей казалось, что она не едет в повозке, а плывет по реке из тумана, и берега этой реки — лица тех, кого она потеряла. Веки стали неподъемными. Очертания бортов повозки расплылись, превращаясь в призрачные тени. Небо погасло, как задутая свеча. Элия снова провалилась в беспамятство, где не было ни боли, ни отца, ни магии — только бесконечный, мерный стук колес, отсчитывающий мили до её новой, пугающей жизни.

На этот раз сознание возвращалось не рывком, а медленным, тягучим приливом. Элия не чувствовала ни холода, ни тряски. Сквозь сомкнутые веки пробивался свет — не мертво-фиолетовый, а мягкий, золотисто-желтый, какой бывает только в предзакатный час. Она попыталась пошевелиться, и тело отозвалось тяжестью, будто кости налились свинцом.

Первая попытка подняться на локти закончилась тем, что её рука подогнулась, и она откнулась лицом в мягкую, пахнущую сухой травой ткань. Вторая попытка заставила мир перед

глазами совершить безумный кувырок. И только на третий раз, преодолевая тошноту и звон в ушах, Элия смогла приподняться и оглядеться.

Элия находилась на широком плато, которое раскинулось у подножия тех самых гор, что остались позади. Но здесь природа была иной.

Грозные Мертвые Ущелья сменились бескрайними лугами, поросшими высокой, клонящейся к земле охристой травой. Воздух больше не пах озоном и жженым железом. В нем чувствовался аромат дыма от костров и разогретой на солнце земли. Солнце, огромное и багровое, медленно опускалось к горизонту, окрашивая всё вокруг в теплые, почти домашние тона. Это был пейзаж, который мог бы показаться мирным, если бы не люди, заполнявшие его. Элия присела на заваленной тюками с шерстью и мешками зерна повозке.

Вокруг неё кипела жизнь, которая своей обыденностью пугала больше, чем любая битва. Недалеко от неё группа солдат Короля Тени — тех самых, в устрашающих латах, расположилась у костра. Но они не пытали пленников и не выкрикивали проклятия. Они сняли свои тяжелые шлемы, обнажив обычные, обветренные мужские лица. Один из них, молодой парень с коротким шрамом на щеке, смеялся, слушая рассказ товарища.

К ним подошла женщина в простом домотканом платье и выцветшем платке. В руках она несла тяжелый глиняный кувшин.

— Эй, служивые, — звонко крикнула она, — подставляйте кружки, пока квас холодный.

Из самого ледника несла, аж руки ломит! Солдат со шрамом обернулся и широко улыбнулся:

— Давай, тетка Нанина! Мы после этих ущелий пыль из глоток до самой Столицы вымыть будем. Как там урожай в этом году? Не померз?

— Да где там померзнуть, милочка, — женщина начала ловко разливать напиток по железным кружкам. — Солнце жарит, как в печи. Только вот налоги ваши... поговаривают, в Столице новый указ вышел? Все на нужды армии?

— Указ-то вышел, — вздохнул солдат, принимая кружку, — да ты не горюй. Король обещал, что как границы закроем, торговля на юг пойдет. Заживете еще, мешки золотом набивать будете.

— Твои бы слова да, — женщина покачала головой и, заметив, что Элия смотрит на них, подошла ближе к повозке. — Очнулась, горемычная? На-ка, испей. Ты бледная, как смерть, деточка.

Она протянула Элии кружку.

Элия смотрела на неё широко распахнутыми глазами, не понимая, как этот мирный, будничнейший диалог может существовать здесь, после того ужаса на мосту. Элия приняла кружку дрожащими руками. Квас был кислым и ледяным, он мгновенно прояснил её затуманенный разум.

— Где... где мы? — прошептала она, и её голос показался ей чужим. — Где те, кто был со мной? Где старик? Где человек в клетке?

Женщина сочувственно вздохнула, поправляя край мешковины, на которой лежала Элия.

— Ох, милая, не знаю я про стариков. Нас созвали повозки подвезти, когда караван в долину спустился. Колонна длинная, верст на пять растянулась. А клетку твою... если ты про ту, железную, так её вперед угнали, еще давненько. Охраны там — тьма тьмушкая, и следопыт этот ихний, черный, всё рядом крутился. Глаза у него такие, что у меня молоко в крынках скисло.

— А маг? Кaleb? — Элия вцепилась в край платья женщины. — Старик в сером плаще, он был ранен...

— Не видала, деточка, — женщина мягко отстранилась. — Тут столько народу... Тебя вот офицер велел на эту телегу переложить, сказал — особый груз, беречь как зеницу ока. А

больше мы ничего не знаем. Наше дело маленькое: довести зерно да фураж, да и по домам, пока патрули не лютуют.

Женщина вернулась к солдатам, а Элия осталась сидеть, глядя в сторону заката. Вокруг неё были сотни людей. Солдаты чистили оружие, крестьяне кормили лошадей, где-то вдалеке слышался монотонный перезвон.

Всё выглядело так правильно, так нормально. Но ни мага, ни отца рядом не было. Элия посмотрела на свои руки. Кровь на суставах подсохла и превратилась в темные корки.

Мир не был серым и мрачным. Он был ярким, живым и совершенно равнодушным к её горю. И от этого одиночества, от этой тихой, спокойной осени вокруг, ей стало страшнее, чем в тумане Мертвых Ущелий.

Элия медленно отпила ледяной квас, чувствуя, как реальность окончательно обретает резкость. Этот мирный быт — смех солдат, щедрость крестьянки, запах чебреца — казался ей изошренным безумием. Она всё еще видела перед собой картину там, на мосту, и чувствовала мертвенный холод, исходивший от его дымного облика.

А теперь... теперь солдаты обсуждали налоги. Она осторожно опустила пустую кружку на солому и, стараясь не привлекать внимания, начала осматривать лагерь. Плато было заполнено сотнями людей. Это была не просто армия, а огромный караван снабжения.

Между повозками сновали мальчишки-посыльные, женщины в платках перебирали крупу, а кузнецы прямо на ходу правили подковы коням. Те, кто служил Королю, здесь не выглядели монстрами. Они сидели в расстегнутых стеганых поддоспешниках, чистили сапоги и ворчали на качество казенной каши. Один из них даже играл на маленькой деревянной дудочке, выводя простую, тоскливую мелодию. Элия снова приподнялась, чувствуя, как дрожат колени.

— Куда ты, милая? — женщина-водоноска обернулась, заметив движение. — Посиди еще, ноги-то небось не держат. Ты почитай сутки в бреду металась, пока мы через перевал спускались.

— Где Всадник? — Элия выговорила это имя так, словно оно было раскаленным углем. — Тот... кто был на мосту. Высокий, в черном дыму.

Женщина испуганно перекрестилась и быстро оглянулась на солдат. Те были заняты спором о какой-то игре в кости.

— Тише ты, девка! — зашипела она, присаживаясь на край повозки. — О таких, как Его Величество, все не поминают. Он... он не здесь. Как только в долину вышли, он с Гвардией вперед улетел, в Столицу. Говорят, его там дела великие ждут. Его присутствие — оно как гроза: пронеслась, опалила, и нет её. Но слух у него долгий, помни об этом.

Молодой стражник со шрамом, закончивший пить квас, подошел к повозке. Он посмотрел на Элию без злобы, скорее с любопытством, как на диковинного зверька.

— Гляди-ка, Рин, очнулась наша «звезда», — крикнул он товарищу, а потом обратился к Элии: — Ты кушай, девка, кушай. Нам велено довести тебя живой и в здравом уме. Тот кто приказал лично голову снимет, если ты к Столице иссохнешь, как та кляча в ущелье.

— Где мой отец? — Элия посмотрела ему прямо в глаза, стараясь, чтобы её голос не дрожал. — Где клетка?

Солдат хмыкнул, присаживаясь на корточки рядом с телегой.

— Клетка далеко впереди, под охраной Следопыта Тьмы. Вот уж с кем я бы не советовал тебе встречаться, даже если бы ты могла бегать. Следопыт — он не человек, он как гончая: раз почувал твой запах, хоть под землю заройся, выкопает. Он ведет авангард, клетка при нем.

— А старик? Маг? — голос Элии сорвался.

Солдат со шрамом пожал плечами.

— Про старика не слыхал. Может, в другой телеге везут, а может... — он замолчал, увидев, как побледнело лицо девушки. — Слушай, малая. Ты лучше не об старике думай, а о том,

что тебя в Звездном Доме ждет. Раз сам Король на мосту за тобой явился, значит, ты для них важнее всей этой войны.

Элия почувствовала, как по спине пробежал неестественный холод, хотя солнце на плато продолжало греть её бледные щеки. Слова солдата — «важнее всей этой войны» — повисли в воздухе тяжелым камнем. Она медленно перевела взгляд на горизонт, где небо окрашивалось в кроваво-золотые тона.

— Важнее... войны? — прошептала она, и это слово показалось ей горьким, как полынь. — Вы называете войной то, что сжигает дома и заковывает невинных в клетки. А меня... меня вы называете «звездой».

Она посмотрела на стражника со шрамом. Он выглядел таким обычным, таким человеческим в этот момент, но за его спиной стояла мощь, которая стерла её прошлую жизнь в порошок.

— Тот всадник... — Элия запнулась, её голос дрогнул, но взгляд стал острым. — Тот, кто гнался за нами через весь лес. Кто стоял на мосту, окутанный черным дымом, от которого замерзало само дыхание... Это и был ваш Король? Его Высочество лично пачкал сапоги в дорожной пыли ради того, чтобы поймать меня?

Солдат кивнул, посерьезнев и невольно выпрямившись при упоминании правителя.

— Сам Король-Тень. Его Гвардия не знает отдыха, когда он ведет их. Но чтобы он сам, лично... такого на моей памяти не было. Видать, ты и впрямь не просто девка с окраины, малая.

Элия отвернулась, вцепившись пальцами в грубую солому. В голове всё закружилось. Король. Тот самый мужчина с холодными фиолетовыми глазами, который преследовал её, как ночной кошмар, всё это время. Она вспомнила каждую встречу в лесу, каждый раз, когда чувствовала его присутствие за спиной — как липкий страх, от которого не скрыться. Она думала, что это просто один из офицеров, верный пес режима, но это был сам хозяин этих земель.

«Кто же я на самом деле?» — эта мысль жгла её изнутри. — «Почему он, тот, перед кем трепещут легионы, чье имя боятся произносить вслух эти крестьяне, тратил свои силы на меня? Неужели восемнадцать лет на ферме, запах парного молока и уроки Марты — всё это было лишь ширмой? Завесой, которую он сорвал одним взмахом своей черной тени?»

Она вспомнила, как он смотрел на неё на мосту — не как на врага, а как на давно потерянную вещь, которую он наконец вернул в свою коллекцию. В этом взгляде было нечто большее, чем просто жажда власти. Там было узнавание.

«Если я важна для него настолько, что он лично вел охоту... значит, Калед и отец знали. Они знали и молчали. Меня растили в неведении, надеясь, что Тень никогда не посмотрит в мою сторону. Но Тень не просто посмотрела — она пришла за мной сама».

Чувство собственной значимости не принесло ей облегчения. Напротив, оно раздавило её. Если она — ключ к чему-то великому, значит, она — самая ценная пленница в этой бесконечной колонне. И цена её жизни уже была оплачена.

— Важнее? Для чего? — Элия чувствовала, как к горлу подступает тошнота.

— Нам такие вещи знать не положено, — солдат встал и отряхнул штаны. — Мы люди маленькие. Нам приказали — мы везем. Но скажу тебе одно: в Столице сейчас неспокойно. Люди шепчутся, что Тень Короля стала слишком густой. Даже те, кто ему верно служил, начинают оглядываться.

Солдат ушел к костру, а женщина-водоноска, уходя, на мгновение задержала руку на плече Элии.

— Спи, деточка, — шепнула она так, чтобы не услышали стражники. — Силы береги. До Столицы еще два перехода. Там, в городе, стены имеют глаза. Может, и найдется кто, кто тебе поможет.

Женщина-водоноска скользнула прочь, растворившись среди палаток, оставив Элию наедине со своими невеселыми мыслями. Тяжелые думы камнем давили на грудь, но физические потребности человеческого тела, увы, не волновало.

Проворочавшись на жесткой соломе еще пару минут, Элия поняла, что больше терпеть просто невозможно. Тяжело вздохнув, она поднялась на ноги. Колени после долгой дороги в телеге неприятно затекли, а одежда казалась пудовой. Она перешагнула через борт повозки и сделала лишь два шага по направлению к раскидистым кустам на окраине лагеря, как путь ей преградила монументальная фигура стражника.

Солдат с грохотом перехватил тяжелое копьё, его латы противно звякнули в вечерней тишине.

— Куда направилась? — прогудел он из-под глухого шлема, опустив на неё суровый взгляд. — Приказано не выпускать тебя из виду. Назад в телегу.

— Мне нужно отойти. По делам, — буркнула Элия, скрестив руки на груди и переминаясь с ноги на ногу.

Стражник на мгновение завис. Его закованный в железо лоб наморщился под забралом, а в глазах отразилось искреннее, глубокое непонимание.

— По каким еще делам? — подозрительно переспросил он, крепче сжимая древко копья.

Элия почувствовала, как к горлу подкатывает волна ярости. Мало того, что её везут в клетке к какому-то коронованному чудовищу с фиолетовыми глазами, так теперь ей приходится отчитываться перед каждым железным столбом!

— По самым что ни на есть житейским! — гневно и громко отрезала она, свирепо уставившись на бедного солдата. — Мне нужно справить нужду, понятно тебе, гений караульной службы?! Или твой Король-Тень выдал особый указ, запрещающий пленным посещать кусты по естественной надобности?! Написать ему прошение в двух экземплярах?

Солдат под шлемом густо покраснел — это было видно по внезапно вспыхнувшим ушам. Он растерянно моргнул, его грозный вид моментально испарился, уступив место чисто мужскому смущению. Он испуганно скосил глаза на костер, где сидели его товарищи, боясь, что они услышат этот позорный диалог.

— А... э... — пролепетал он, делая шаг назад и поспешно убирая копьё с её дороги. — Ладно, ладно, чего орать-то... Иди. Только... это... тридцать шагов максимум! И чтоб я тебя видел! То есть, не видел, а... в общем, не вздумай бежать!

— Очень надо, — фыркнула Элия, гордо вздернув подбородок, и зашагала к спасительным зарослям.

Скрывшись в густых, колючих зарослях подальше от любопытных глаз растерянного конвоира, Элия наконец смогла дать волю чувствам. Она яростно ломала сухие ветки под ногами, тихо, но крайне выразительно ругаясь сквозь зубы.

— «Тридцать шагов максимум, не вздумай бежать»... Идиоты железные! — шептала она, сердито одергивая подол платья. — Куда я побегу в этих лесах? Навстречу волкам или сразу к их драгоценному Королю на поклон?

Каждое движение давалось с трудом, злость на тупых исполнителей чужой воли помогала заглушить страх перед тем, что ждало её впереди. Её, обычную девчонку с окраины, за которой зачем-то охотится целая гвардия. Подумать только: еще пару дней назад её самой большой заботой было не пригорела ли коврижка у Марты и не опоздает ли она на танцы с Лукасом, а теперь за ней по пятам ходит личный конвой, заставляя отчитываться перед каждым кустом.

— Попадись мне этот ваш Король-Всадник, я ему лично выскажу всё, что думаю о его методах ведения допросов и его смущенных гвардейцах, — продолжала ворчать Элия, поправляя одежду и осторожно пробираясь обратно сквозь колючие ветви малины. — Тоже мне, повелитель тьмы... Да у него слуги от слова «нужда» в обморок падают.

Вернувшись обратно под конвоем всё того же пунцового стражника, который теперь старательно смотрел куда угодно, только не на неё, Элия до самого заката больше не поднималась с телеги. Ей не хотелось привлекать к себе лишнего внимания. Она сидела, обхватив колени руками, и невидящим взглядом наблюдала за лагерем.

Она смотрела, как копошатся у костров солдаты, как они чистят оружие и спорят из-за порций тушеного мяса. Она провожала глазами угасающие лучи солнца, которые окрашивали верхушки деревьев в багровые, тревожные тона. С каждым уходящим мгновением светлого дня внутри неё росла глухая, упрямая решимость.

Элия снова легла на солому. Солнце почти скрылось, и небо стало глубокого индигового цвета. Она смотрела на первую зажегшуюся звезду и думала о том, что мир вокруг неё — этот нормальный, обычный мир — просто декорация. Где-то впереди, в руках безжалостного Следопыта Тьмы, страдал её отец. Где-то в Столице ждал Король Тени, этот молодой мужчина с фиолетовыми глазами он же и всадник из леса.

Она почувствовала себя загнанным зверьком, который только что понял: клетка бывает не только из железа, но и из добрых слов и холодного кваса.

Ночь опустилась на плато мягким бархатным покрывалом, стирая границы между небом и землей. Лагерь, который днем казался шумным ульем, теперь погрузился в тягучее, обманчивое спокойствие. Элия лежала на спине, подложив руку под голову, и смотрела, как индиговое небо прошивают мириады звезд. Они казались ей холодными колючими искрами, застрявшими в вечной пустоте. Вокруг нее жизнь не замерла окончательно, она лишь сменила темп.

Вдалеке у костров всё еще сидели люди. Элия видела их темные силуэты, напоминающие неподвижные изваяния. До неё доносился тихий, низкий рокот мужских голосов, прерываемый сухим треском прогорающих поленьев. Иногда ветер доносил обрывки песен — тягучих, заунывных, пахнущих тоской по далекому дому.

Фыркали кони, переминаясь с ноги на ногу в темноте, звякала сбруя, и где-то у края лагеря монотонно перекликались часовые. Этот звук — перекличка стражи — напоминал Элии о том, что невидимые нити всё еще крепко держат её. Сон не шел.

Каждый раз, когда она закрывала глаза, перед ней всплывало лицо отца. Она видела его руки — те самые, что учили её сажать семена и держать уздечку — теперь закованные в кандалы. «Где он сейчас?» — думала она, и в груди становилось тесно от боли. — «Дают ли ему хоть каплю воды? Или он сидит в той же пыли и холоде, глядя на те же звезды, что и я?»

Она представляла, как он сжимается в углу железной клетки, истощенный и сломленный, и ненависть к Королю — тому самому мужчине с фиолетовыми глазами — начинала жечь её изнутри сильнее любого огня.

Её мучило чувство вины. Она здесь, пьет квас, предоставленный ей как «особому грузу», в то время как её отец и Калев, возможно, уже переступили черту, за которой нет возврата.

Кем была эта «Наследница», о которой они все говорили? Если она так важна, почему она так беспомощна? Элия села на повозке, обхватив колени руками. Она начала механически перебирать солому под собой, нащупывая сухие стебли и ломая их пальцами.

Тихий хруст был единственным, что она могла контролировать в этом мире. Она распустила шарф, которым были спрятаны её волосы под чепцом. Пряди рассыпались по плечам, и в слабом свете луны они казались серебряными нитями.

Элия судорожно вздохнула, вспоминая, как Всадник смотрел на неё на мосту. Он не был просто врагом — он был существом из другого измерения, которое видело её насквозь. «Он сказал, что я всё узнаю в Столице», — прошептала она себе под нос. — «Но хочу ли я знать правду, которая стоит жизни моего отца?»

Ночь становилась холоднее. Туман начал медленно ползти от подножия гор, окутывая телеги белесой дымкой. Элия почувствовала, как усталость, накопленная за дни бегства и ужаса, наконец берет свое. Её веки стали тяжелыми, а мысли — путанными и бессвязными. Она снова легла, потянув на себя край грубой мешковины, стараясь спрятаться от ледяного дыхания ночи.

Она свернулась калачиком, пытаясь сохранить остатки тепла, и её рука непроизвольно легла на кулон под одеждой. Камень был холодным, но как только её пальцы коснулись его,

легкая, едва заметная вибрация прошла по её телу, принося странное, почти наркотическое успокоение.

Перед тем как окончательно провалиться в сон, она увидела, как у соседнего костра один из солдат встал и посмотрел в её сторону. Его доспехи тускло блеснули, но он не подошел. Он просто стоял и охранял её сон, как пастух охраняет овцу перед тем, как вести её на заклание.

Элия закрыла глаза, и последним, что она услышала, был далекий, протяжный вой, отозвавшийся где-то в глубине Мертвых Ущелий.

***

Рассвет наступил внезапно — не мягким золотом, а резким, холодным светом, пробивающимся сквозь низкие облака. Элию вырвал из забытья резкий, пронзительный звук медного горна, который эхом раскатился по всему лагерю, заставляя землю под повозкой мелко дрожать. Она вздрогнула и резко села, путаясь в жесткой мешковине.

На мгновение реальность рассыпалась: ей показалось, что она всё еще в лесу, и сейчас Марта позовет её завтракать. Но запах дегтя, конского пота и вид сотен вооруженных людей быстро вернули её в кошмар.

Голова гудела, а во рту был неприятный привкус пыли. Элия потерла глаза грязными пальцами, наблюдая за тем, как лагерь, который ночью казался застывшим изваянием, превращается в бурлящий поток.

Солдаты лихорадочно тушили костры, затаптывая угли тяжелыми сапогами. Кучера впрягали лошадей, выкрикивая ругательства и подстегивая ленивых животных. В воздухе стоял шум: лязг доспехов, скрип кожаных ремней и монотонный гул сотен голосов.

Повозка, на которой лежала Элия, дернулась. Колеса провернулись в мягкой утренней грязи, и караван начал медленно, фургон за фургоном, выстраиваться в бесконечную змею, уходящую на север. Дорога здесь была широкой, мощенной древним серым камнем, который местами просел и зарос мхом. Она вилась между пологими холмами, словно указывая путь в самое сердце земель Короля Тени.

Среди солдат чувствовалось странное, пугающее Элию воодушевление. Те самые люди, что вчера казались ей безликими убийцами на мосту, теперь перешучивались, хлопали друг друга по плечам и даже затягивали бодрые маршевые песни.

— Слышь, Берн! — крикнул один всадник другому, поравнявшись с повозкой Элии.

— Еще два перехода — и Старая бочка! Клянусь, я выпью целое ведро темного эля, прежде чем явлюсь в казармы.

— Если жена тебя раньше кочергой не встретит за то, что полгода жалованье не присылал, — захохотал в ответ другой. — Моя-то точно уже кандалы заготовила, похлеще, чем у этого Стража в клетке.

Они смеялись. Для них возвращение в Столицу было возвращением к теплу, к семьям, к нормальной жизни. И это осознание — что её личный ад для них является «домом» — заставляло Элию съеживаться еще сильнее. Она смотрела на их затылки и понимала, что для этих людей она — просто часть обоза, мешок с зерном, который нужно доставить в срок.

В какой-то момент шум вокруг стих, словно на колонну набросили невидимую вуаль безмолвия. Солдаты, только что смеявшиеся, внезапно выпрямились и отвели взгляды. Элия почувствовала холод, ползущий по позвоночнику. Она медленно повернула голову и замерла. Рядом с её повозкой, бесшумно подстроившись под её ритм, ехал Следопыт Тьмы.

Он сидел на своем иссохшем, обтянутом серой кожей коне, который не дышал и не издавал ни звука. Сам Следопыт был облачен в лохмотья, которые казались сотканными из паутины и копоти. Его лицо было скрыто глубоким капюшоном, из-под которого виднелся лишь острый, мертвенно-бледный подбородок. Он не смотрел на дорогу. Его голова была повернута

к Элии под неестественным углом. Она не видела его глаз, но чувствовала, как его взгляд прошивает её насквозь, вытягивая тепло из самой глубины души. Он молчал.

В этом молчании была тяжесть могильной плиты. Элия сглотнула, чувствуя, как страх сковывает горло, но желание узнать правду пересилило.

— Где он? — прошептала она, подаваясь вперед к краю повозки. — Где мой отец? Он... он жив?

Следопыт не шелохнулся. Его рука, похожая на кость, обтянутую пергаментом, неподвижно лежала на луке седла. Ни единого звука не вылетело из-под его капюшона. Он продолжал сверлить её своим невидимым взглядом, словно изучая каждую трещинку в её душе.

— Почему ты молчишь? — уже громче выкрикнула она, чувствуя, как отчаяние переходит в ярость. — Вы забрали у меня всё! Скажи хотя бы, что с ним!

Следопыт лишь медленно наклонил голову на другой бок. В этом жесте было что-то птичье, хищное. Он словно насмеялся над её словами, считая их лишь жалким шумом. Затем, так же внезапно, как и появился, он ударил коня пятками по ребрам.

Существо издало сухой, щелкающий звук и сорвалось в галоп, мгновенно растворившись в голове колонны, оставив после себя лишь облако ледяного тумана и немой ужас в сердце Элии. Она бессильно опустилась обратно на солому.

Солнце поднялось выше, освещая бескрайние поля, но для неё этот свет больше не нес надежды. Она ехала в Столицу, где её ждал человек с фиолетовыми глазами, а её единственным проводником был немой призрак, пахнувший смертью.

—Чтоб тебя..— сказала она.

Караван продолжал свой мерный путь, и чем дальше они уходили от суровых предгорий Мертвых Ущелий, тем сильнее менялся мир вокруг, становясь пугающе прекрасным.

Элия сидела на краю повозки, не в силах отвести взгляда от метаморфоз, происходящих с землей. Это не было похоже на обычную смену климата. Это выглядело так, будто сама жизнь здесь была выкручена на максимальную мощность, подчиняясь воле невидимого хозяина. Трава вдоль дороги, которая еще утром была пожухлой и серой, теперь наливалась таким густым, изумрудным цветом, что глазам становилось больно. Она была сочной, высокой и шелковистой. Кустарники, мимо которых они проезжали, буквально на глазах покрывались плотными, глянцевыми листьями. Вдоль обочин начали попадаться цветы — огромные, тяжелые бутоны ярко-алого и глубокого синего цвета. Они не просто росли, они доминировали, источая густой, почти хмельной аромат, который дурманил голову. Элия никогда не видела такой палитры на ферме; там природа была скромной и честной, а здесь она казалась избыточной, выставочной.

Далеко до горизонта раскинулись поля, зеленее которых она не видела за всю свою жизнь. Колосья каких-то неведомых злаков стояли стеной, ровные, лишённые сорняков, словно вычерченные под линейку. Ни одного засохшего стебля, ни одного жухлого листа. Это было совершенство, в котором чувствовалась железная рука порядка.

— Красиво, правда? — пробасил кучер, обернувшись к ней. Его лицо светилось гордостью. — Это дыхание Столицы. Там, где правит Король, земля не смеет быть бесплодной. Он кормит нас всех, девочка. Видела бы ты, какие сады в самом городе...

Элия ничего не ответила. Она видела эту красоту, но за каждым ярким лепестком ей чудилась тень. Ей казалось, что эта зелень питается чем-то, чего она не может понять, и от этой мысли по коже бежали мурашки.

Внезапно дорога пошла под уклон, и впереди, в низине, разлилось море густого, молочно-белого тумана. Он не был холодным, скорее теплым и влажным. Караван начал медленно погружаться в эту белую завесу. Звуки приглушились, кони пошли тише, и на мгновение Элии показалось, что они снова проваливаются в небытие.

Но затем туман начал расступаться, клочьями оседая на сочной траве, и перед ними открылось зрелище, заставившее Элию забыть, как дышать. Из белого марева, пронзая облака, начали выплывать шпили Столицы. Это не были обычные каменные башни. Это были гигантские обелиски из черного обсидиана, чьи грани зеркально блестели, отражая закатное солнце. Они казались не построенными, а выросшими прямо из сердца земли — гладкие, острые, лишенные окон на нижних ярусах.

Город не просто стоял перед ними — он доминировал над всей долиной. Огромные стены, сложенные из того же темного камня, уходили вправо и влево, скрываясь в лесах. По гребням стен прохаживались крошечные, как муравьи, фигурки стражей.

В самом центре, выше всех остальных, возвышалась цитадель — колоссальное сооружение, верхушка которого терялась в небесном индиго. На её вершине горел ровный, холодный огонь, похожий на упавшую звезду.

— Мы дома, — выдохнул солдат со шрамом, который ехал рядом. Он снял шлем и перекрестился, глядя на обсидиановые башни с благоговейным трепетом. — Глядите. Вот она, Столица Тени. Самый богатый и самый безопасный город под луной.

Элия смотрела на это величие, и её сердце сжималось от предчувствия. Красота полей осталась позади, теперь перед ней была мощь, облаченная в черный камень. Эти башни выглядели как надгробия для всего старого мира, который она знала.

Караван ускорил ход. Дорога вела прямо к главным воротам, которые медленно, со стоном векового металла, начали расходиться, приглашая их внутрь черного обсидианового чрева.

Где-то там, за этими стенами, запертый в одной из этих безупречных башен, находился её отец. И где-то там ждал мужчина с фиолетовыми глазами.

Когда повозка Элии миновала последнюю милю перед городом, шум каравана слился с низким, вибрирующим гулом, исходящим от самих стен Столицы. Арка главных ворот была настолько огромной, что могла бы вместить в себя деревенскую ратушу целиком. Изваяния из темного камня, изображающие могучих воинов со сложенными крыльями, нависали над въезжающими, их пустые глазницы, казалось, взвешивали душу каждого.

Как только повозка въехала под своды арки, дневной свет мгновенно сменился прохладным полумраком. Воздух здесь был сухим и пах благовониями, старым пергаментом и чем-то металлическим. Звук копыт о мостовую стал звонким, многократно отражаясь от гладких стен. Выехав на главную улицу, Элия невольно зажмурилась.

Город не был мрачным склепом, как она ожидала. Напротив, он ослеплял своей выверенной, пугающей чистотой. Улицы были вымощены идеально подогнанными плитами, в которых отражалось небо. По обеим сторонам тянулись дома с высокими узкими окнами, украшенными ковкой, напоминающей застывший дым.

Жизнь здесь кипела. Вдоль первых этажей тянулись бесконечные прилавки. Купцы в дорогих кафтанах раскладывали рулоны шелка, который переливался всеми цветами радуги; ювелиры выставляли на бархатные подушечки украшения, которые мерцали даже в тени. Элия видела пекарей, достающих из печей пышные белые хлеба, и цветочников, чьи лотки лопались от ароматов тех самых неестественно ярких цветов. Люди, работавшие за прилавками, не выглядели запуганными. Они двигались уверенно, их лица были спокойны и сыты.

Когда голова колонны показалась на площади, по толпе пронеслось оживление.

— Слава Королю! Слава Трапезе Тени! — раздались первые выкрики.

Некоторые горожане подбегали ближе к дороге. Женщины в ярких платьях махали платками солдатам, а дети со смехом бежали за повозками, пытаясь дотронуться до лат гвардейцев. Солдаты, ехавшие рядом с Элией, выпрямились, их лица озарились гордостью. Они возвращались не как завоеватели в чужую землю, а как герои домой.

— Глядите, — шепнул один из прохожих, указывая на повозку Элии, — это тот самый груз из-за гор. Значит, пророчество сбывается!

Элия сжалась, стараясь спрятать лицо в солому. Ликование толпы казалось ей фальшивым, декорацией, скрывающей что-то страшное. Как эти люди могли смеяться и торговать, зная, что в нескольких сотнях футов от них в железной клетке привезли человека.

Караван не остановился на рыночной площади. Конвоиры грубо, но вежливо расчищали путь, уводя повозки вглубь города, туда, где башни обсидиана становились еще выше и теснее.

Чем дальше они продвигались, тем тише становилось вокруг. Веселый шум рынка сменялся торжественным безмолвием аристократических кварталов. Здесь не было прилавков, только высокие заборы из черного прута и сады, в которых деревья имели идеально правильную форму шаров и кубов.

Повозка катилась по пологому подъему. Элия видела, как впереди, над крышами домов, вырастает громада Звездного Дома. Его стены были не просто черными — они казались провалами в пространстве, поглощающими свет солнца. Она чувствовала, как кулон под рубашкой начинает вибрировать в унисон с этим городом.

Каждый поворот колеса приближал её к эпицентру этой странной, холодной магии. Она смотрела на прохожих — хорошо одетых, улыбающихся — и понимала, что они живут в прекрасном сне, из которого она, должна их либо пробудить, либо стать частью их кошмара.

Внезапно повозка остановилась перед вторыми внутренними воротами, окованными серебром. Офицер в черном плаще подошел к кучеру и передал ему свиток с печатью.

— Эту — в Нижние Сады, — коротко приказал он. — Его Высочество ждет её к вечернему звону.

Элия не успела даже осознать, что движение прекратилось, как у края телеги возникла фигура. Это была женщина лет сорока, облаченная в платье из тяжелого темно-серого шелка, который не шуршал при ходьбе, а словно поглощал звуки. Её лицо было безупречно гладким, застывшим в маске вежливого безразличия, а волосы — убраны в сложную, тугую прическу, скрепленную обсидиановыми шпильками.

— Встаньте, Астерия, — голос женщины был ровным и прохладным, как вода в глубоком колодце. — И следуйте за мной.

«Астерия...» Это слово ударило её сильнее, чем если бы женщина отвесила ей пощечину. Имя было красивым, певучим, но оно было совершенно пустым. Оно не пахло дымом родного очага, не отзывалось в сердце голосом отца, зовущего её. Для неё это было лишь набором звуков, чужой маской, которую пытались натянуть на её лицо.

«*Вы ошибаетесь!*» — хотелось крикнуть ей. — «*Я Элия! Я та, кто боится темноты и любит запах скошенной травы!*» Но ледяной взгляд провожатой заставил слова застрять в горле. Элия вдруг поняла страшную вещь: этим людям всё равно, кем она считает себя на самом деле. Они создали для неё роль, и этот обсидиановый город был сценой, где ей не позволят забыть чужой сценарий. Она чувствовала себя пленницей, которую не просто запрут, а решили лишить самого ценного — её собственного «Я».

— Где мой отец?! — выкрикнула она, и её сорванный голос прозвучал святотатством в этой торжественной тишине. — Я не сделаю ни шагу, пока не увижу его! И я требую встречи с ним... с тем мужчиной, Королем!... Позовите его!

Женщина даже не моргнула. Она лишь слегка склонила голову набок, глядя на Элию с тенью холодного сочувствия.

— Его Величество призовет вас тогда, когда пожелает сам. Ваше нетерпение здесь не имеет силы. Что же касается заключенного... он находится там, где ему положено быть. А ваше место — в Нижних Садах. Идите. Порядок не любит ожиданий.

Элия почувствовала, как внутри закипает бессильное раздражение, смешанное с липким, душающим страхом. Она поняла, что спорить с этой живой статуей бесполезно.

Нехотя, подрагивая всем телом, она сползла с повозки. Ноги, отвыкшие от твердой земли, едва удержали её. Смерив женщину гневным взглядом, Элия последовала за ней, кутаясь в

свою грязную, пропитанную дорожной пылью куртку. Как только они миновали высокую арку, Элия замерла.

Если город за стенами казался прекрасным, то Нижние Сады были запредельным воплощением искусства и воли. Здесь он был иным.

Прохладный, кристально чистый, он пах не просто цветами, а влажным камнем, мятой и каким-то тонким, едва уловимым ароматом старой магии, от которой на кончике языка оставался металлический привкус. Вдоль дорожек, выложенных белым мрамором, росли деревья с корой цвета слоновой кости. Их листья были полупрозрачными, словно вырезанными из тончайшего нефрита, и тихо звенели на ветру. Цветы — каллы угольно-черного цвета с золотой сердцевинкой и светящиеся в сумерках белые лилии — склоняли свои тяжелые чашечки к самой земле. Здесь не было ни одного сорняка, ни одной увядшей травинки.

Природа здесь была покорным рабом архитектора. Вокруг возвышались открытые ротонды из обсидиана. Тонкие колонны поддерживали своды, которые казались сплетенными из каменных кружев. В нишах стояли статуи — существа с лицами людей, но с крыльями из гладкого камня. Их глаза были инкрустированы фиолетовыми камнями, которые, как показалось Элии, следили за каждым её шагом.

В самом центре сада они вышли к огромной чаше фонтана. Он был вырезан из цельного куска дымчатого кварца. Вода в нем не била ключом вверх, а медленно переливалась через край тонкими, идеально ровными струями, создавая звук, похожий на шепот тысячи голосов. В центре фонтана возвышалась фигура женщины из черного мрамора, державшей в руках раскрытую книгу, со страниц которой стекала вода.

— Умойтесь, — коротко бросила провожатая, указывая на чашу. — Грязь прошлого не должна осквернять залы Звездного Дома.

Элия подошла к фонтану. Раздражение внутри неё росло: она чувствовала себя выставленной на показ куклой. Но когда она зачерпнула воду ладонями, та оказалась не ледяной, а теплой, почти живой.

Как только капли коснулись её лица, Элия почувствовала странный толчок в груди. Её кулон под одеждой на мгновение вспыхнул теплом, а вода в фонтане на долю секунды окрасилась в едва заметный золотистый цвет.

Элия замерла, не отнимая ладоней от лица. Вода, стекавшая по её коже, больше не казалась просто влагой — она словно смывала не только дорожную грязь, но и всю ту звенящую усталость, что копилась в ней с самого побега из дома.

Вместе с внезапным теплом кулона по её венам разлилось удивительное, незнакомое доселе чувство. Это не было мимолетной радостью или облегчением. Это было глубокое, абсолютное осознание того, что она находится именно там, где должна.

Женщина-служанка сузила глаза, заметив это, но ничего не сказала.

— Идемте дальше, — её голос стал чуть тише. — Впереди покои. Его Высочество уже знает, что вы прибыли. И он не любит долгого ожидания.

Элия вытерла лицо краем рукава, ощущая, как страх медленно трансформируется в холодную решимость. Она шла по этим безупречным садам, и её грязные сапоги оставляли серые следы на белом мраморе — маленькое, но явное восстание против этого совершенного порядка.

Они миновали фонтан, и звук льющейся воды постепенно растворился в тяжелом безмолвии сада. Дорожка из белого мрамора вывела их к массивным дверям главного здания Звездного Дома. Двери были колоссальными, сработанными из темного, почти черного дуба и окованными матовым серебром. На них не было ручек — лишь два барельефа в виде свернувшихся драконов.

Когда женщина-служанка приблизилась, створки бесшумно разошлись в стороны, словно узнав её шаг, и Элия переступила порог, чувствуя, как теплый воздух сада сменяется про-

хладным, сухим дыханием камня. Они оказались в грандиозном вестибюле. Потолок уходил так высоко в темноту, что его невозможно было разглядеть, но оттуда, на невидимых цепях, спускались люстры из горного хрусталя. Внутри них не горели свечи — там пульсировали мягким сиреневым светом магические сферы, заливая всё пространство ровным, безжизненным сиянием. Пол был выложен плитами из полированного обсидиана, в которых Элия видела своё отражение, как в черном озере. Стены имели глубокий, насыщенный цвет ночного неба — темно-синий, почти черный, но покрытый тончайшей золотой росписью, изображающей созвездия и карты неизвестных миров. Они двинулись по бесконечному коридору.

Шаги Элии, обутой в грубые дорожные сапоги, звучали здесь вызывающе громко, в то время как её спутница скользила по камню совершенно беззвучно.

На стенах через равные промежутки висели огромные гобелены и картины в тяжелых рамах. На них не было лиц или батальных сцен — только пейзажи

Столицы в разные эпохи и абстрактные узоры, которые, казалось, медленно шевелились, если на них долго смотреть. Кое-где висели щиты с гербами, украшенные драгоценными камнями, которые вспыхивали в сиреновом свете люстр. Окна были высокими и узкими, с закругленными верхами. Стекла в них были не прозрачными, а витражными, но цвета были приглушенными: дымчатый, серебристый и нежно-лиловый. На окнах висели тяжелые портьеры из бархата цвета запекшейся крови. Они были подвязаны золотыми шнурами с кистями, которые едва касались пола.

По пути им то и дело попадались другие служанки. Они были одеты точно так же, как и провожатая Элии — в беззвучные серые платья. При приближении гости они не останавливались и не кланялись; они просто прижимались к стенам, опуская глаза, и исчезали в боковых проходах, как призраки. В их движениях была механическая четкость, лишенная всяких эмоций.

— Почему они не смотрят на меня? — шепнула Элия, чувствуя, как от этой атмосферы её охватывает озноб.

— В этом доме смотрят только на тех, кому приказано смотреть, — не оборачиваясь, ответила женщина. — Лишние взгляды порождают лишние мысли. А мысли здесь — опасная роскошь.

Воздух в коридорах был неподвижен. Здесь не было сквозняков, не было запаха еды или пыли. Всё казалось законсервированным, застывшим в вечности. Свет был ровным, лишенным теней, что создавало иллюзию нереальности происходящего.

Элия чувствовала себя песчинкой в этом безупречном механизме. Она смотрела на свои грязные руки, на обломанные ногти, и контраст с этим великолепием вызывал у неё приступ тошноты. Она была здесь чужой, и каждая картина на стене, каждое окно словно подтверждали это. Они подошли к повороту, за которым начиналась лестница, устланная ковром, гасящим любые звуки.

— Мы почти на месте, — произнесла служанка. — Ваши покои находятся в Восточном крыле. Его Высочество распорядился, чтобы у вас было всё необходимое. Постарайтесь не разочаровать его своим поведением.

Элия лишь крепче сжала кулаки. Её раздражение росло: за всей этой роскошью она видела лишь золоченую клетку, которая была немногим лучше той, в которой везли её отца.

Служанка остановилась перед двойными дверями, инкрустированными темным перламутром, и коснулась ладонью центрального диска. Створки разошлись с едва слышным вздохом, и женщина отступила в сторону, жестом приглашая Элию войти.

— Ваши покои, Астерия. Отдыхайте.

Элия сначала переступала с ноги на ногу, но потом сделала шаг и замерла, не в силах сдвинуться с места. После пыльной повозки и узких коридоров это пространство обрушилось

на неё своей торжественной негой. Это не была спальня в обычном понимании — это был храм роскоши, где каждый предмет кричал о власти того, кто его сюда поместил.

Комната была огромной, с полукруглым эркером, в котором располагались три колоссальных окна от пола до потолка. Окна выходили на город, но сейчас их частично закрывали тяжелые, многослойные портьеры из бархата цвета ночного индиго. Ткань была настолько плотной, что казалось, она может поглотить любой звук. Края занавесок были расшиты серебряной нитью, изображающей фазы луны, а подхваты в виде застывших стальных лилий удерживали их по бокам. Стены были обтянуты шелком цвета пепельной розы, который мягко мерцал в свете магических ламп. Пол из белого камня согревал густой, пушистый ковер, ворс которого был настолько глубоким, что ступни Элии буквально утопали в нем.

В центре комнаты, на небольшом возвышении, стояла кровать, больше напоминающая алтарь. Огромная, резная рама из черного дерева поддерживала высокий балдахин. Тончайшая тюль, прозрачная, как туман в Мертвых Ущельях, спадала складками, создавая вокруг кровати защитный кокон. Одеяло из тяжелого атласа лежало идеально ровно, без единой складки. На нем возвышалась гора подушек разного размера — от крошечных, расшитых жемчугом, до огромных валиков с кистями. Цвет белья был белоснежным, контрастируя с темным деревом каркаса.

Элия медленно перевела взгляд на детали, и её охватило чувство нереальности. Слева от кровати стоял изящный столик на выгнутых ножках. На его зеркальной поверхности в строгом порядке были расставлены флаконы из цветного стекла с притертыми пробками. Рядом лежала щетка для волос с костяной ручкой и серебряный поднос, на котором стоял графин с прозрачной водой и один-единственный кристальный бокал.

На противоположной стене располагался камин, вырезанный из серого мрамора. Огонь в нем не горел, но в нише были аккуратно сложены поленья белой березы, а на каминной полке стояли старинные часы, маятник которых раскачивался с усыпляющим ритмом: *тик-так, тик-так*. У окна стоял массивный стол, на котором лежала стопка чистой бумаги, чернильница в виде ворона и перо. Рядом, на мягком кресле с высокой спинкой, было аккуратно сложено нечто мягкое — платье, приготовленное специально для неё. В комнате царил запах лаванды и сандала. Здесь было так тихо, что Элия слышала собственное прерывистое дыхание.

Всё здесь было призвано усыпить её бдительность, окутать теплом и комфортом, заставить забыть о грязи, крови и железной клетке. Она сделала еще шаг, и её отражение в ростовом зеркале в золоченой раме показалось ей чудовищным пятном на фоне этого совершенства. Грязная, измученная девушка с затравленным взглядом смотрела на будущую «госпожу» этих покоев. Оно показывало девушку в лохмотьях, но в этой роскошной комнате она выглядела как ошибка мироздания.

«Они хотят, чтобы я поверила в их сказку», — прошептала она, глядя в свои расширенные от ужаса зрачки. — *«Они дадут мне платье, они дадут мне имя, они склонят передо мной головы. Но под всем этим я останусь девчонкой, чья жизнь сгорела на том мосту».*

Идея о том, что она «наследница», казалась ей самой изощренной пыткой Короля Тени. Если она примет это имя, значит, она признает, что её прежняя жизнь была ложью. Что её отец врал ей восемнадцать лет. Она вцепилась в свои грязные рукава, как в единственный якорь. Она не хотела быть Астерией. Она хотела быть Элией, которая просто хочет домой.

— Это все слишком уж... — прошептала она, и её голос утонул в бархатных складках занавесей. В этот момент она заметила на маленьком прикроватном столике нечто, что не вписывалось в интерьер. Там лежал маленький, засушенный цветок горного чабреца — точно такой же, какой рос возле их дома.

Тишина, последовавшая за мягким шелчком закрывшейся двери, показалась Элии оглушительной. Она так и осталась стоять у самого порога, не смея сделать и шага вглубь этого великолепия. Её руки судорожно сжимали края грязной куртки. Она смотрела на свои сапоги,

оставляющие темные пятна на белоснежном ворсе ковра, и чувствовала, как внутри неё разрастается холодная, липкая пустота.

«Астерия...» — это имя пульсировало в её мозгу, как незаживающая рана. — «Они все называют меня так. С такой уверенностью, будто правда, которую я знала восемнадцать лет, — всего лишь пыль на ветру. Но если я — не Элия, то кто тогда тот человек, что растил меня? Кто мой отец?» Мысли путались, налетая друг на друга, словно испуганные птицы в клетке: Отец «Где он сейчас? В этой же цитадели? В сыром подzemелье под моими ногами, пока я стою на этом проклятом шелке? Зачем они его мучают? Если им нужна я, почему просто не отпустить его? Он ведь просто старик... или нет?»

Страшная догадка о том, что отец мог скрывать от неё нечто монументальное, обжигала сильнее, чем огонь. «И он... Этот человек из леса. Король. Высочество. Почему он сам, лично, выслеживал нас? Великие правители не пачкают сапоги в лесной грязи ради простой крестьянки. Что во мне такого, что заставило его оставить свой трон и скакать за нами через ущелья?»

Она вспомнила его фиолетовые глаза — холодные, всевидящие. В них не было ненависти, в них было торжество собственника. Элия медленно подняла руку и коснулась своего лица. Кожа была сухой и горячей. Она чувствовала себя самозванкой в чужом храме. Её раздражала эта чистота, этот аромат лаванды, который пытался вытравить из её памяти запах дома.

— Что происходит? — прошептала она в пустоту комнаты. Её голос дрогнул и затерялся в тяжелых складках балдахина. — Зачем эта комната? Это не милость... это насмешка. Они хотят, чтобы я размякла. Чтобы я забыла, кто я.

Она сделала несколько неуверенных шагов к центру комнаты, её движения были скованными, ломаными. Она подошла к туалетному столику и увидела своё отражение в зеркале.

Она выглядела как дикий зверек, случайно забежавший во дворец. Взъерошенные волосы, темные круги под глазами, лицо, искаженное недоверием. «Всадник... он сказал, что я всё узнаю. Но какая цена у этой правды? Если цена — жизнь отца, то я хочу её знать», — подумала она, и новая волна страха сдавила горло.

Элия подошла к огромному окну, отодвинула тяжелую занавеску и прижалась лбом к холодному стеклу. Внизу расстилалась Столица — море огней, безупречных садов и обсидиановых шпилей.

Город выглядел как идеальный механизм, в который её вставили в качестве недостающей детали. Она начала судорожно соображать, что делать. Бежать? Куда? Она в самом сердце вражеской цитадели. Ждать? Но ожидание убивало её.

— Выйди ко мне! — внезапно выкрикнула она, обращаясь к стенам, зная, что за ней наверняка наблюдают. — Я хочу знать! Скажи мне правду в лицо!

Но стены молчали. Часы на каминной полке продолжали свой размеренный бег.

Элия бессильно опустилась на край кровати, но тут же вскочила, словно её обожгло. Мягкость перины показалась ей предательской. Она предпочла бы сидеть на крыльце их дома на ферме рядом с отцом, чем наслаждаться этим комфортом в одиночку.

Снова посмотрев на засушенный цветок на столике. Этот маленький кусочек её прошлой жизни казался здесь самым опасным предметом. Был ли это знак? Или это изощренная попытка Всадника, напоминание о том, что он может дотянуться до всего, что ей дорого?

Она обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь. Она знала одно: её прежняя жизнь закончилась на том мосту. А новая начнется скорее всего здесь, в этой золоченой тишине, и она должна была быть готова к тому моменту, когда дверь снова откроется и на пороге появится человек с фиолетовыми глазами.

Глава 9.

Страх, который сковывал конечности Элии, внезапно переродился в лихорадочную, отчаянную деятельность. Элия понимала: если она просто будет сидеть на этой мягкой кровати и ждать, она сойдет с ума. Ей нужно было действие. Ей нужно было найти отца. Она снова подошла к огромному окну и с усилием потянула за массивную бронзовую ручку. Окно поддалось на удивление легко, бесшумно повернувшись на петлях. В комнату ворвался поток прохладного ночного воздуха, принося с собой далекий гул города и аромат тех самых дурманящих цветов из Нижних садов.

Элия осторожно высунулась наружу. Высота была головокружительной. Её покои находились на одном из верхних ярусов обсидианового шпиля. Внизу, далеко под ногами, расстилались освещенные мягким магическим светом садов, которые отсюда казались крошечными макетами из изумрудов. —

—Только не смотри вниз, — прошептала она себе, чувствуя, как внутри всё сжимается от дурноты. — Смотри на стену.

Прямо под окном тянулся узкий декоративный карниз, вырезанный из того же черного, зеркально гладкого камня. Он был шириной не более двух ладоней, но этого было достаточно, чтобы поставить ногу. Обсидиановые стены были безупречно ровным, однако архитекторы украсили здание выступающими барельефами в виде переплетенных лоз и застывших горгулий.

Эти выступы могли послужить опорой для рук. Элия перекинула одну ногу через подоконник. Её грязный сапог соскользнул по гладкому камню, и сердце на мгновение замерло, провалившись куда-то в желудок. Она судорожно вцепилась в раму окна, тяжело дыша.

«Ладно, я сумею», — пронеслось в голове. — «Если я умру здесь, никто не узнает, что стало с отцом». Она нащупала подошвой выступ и, собрав всю волю в кулак, перенесла вес тела на карниз.

Теперь она стояла на узкой полоске камня, прижавшись спиной к холодной стене цитадели. Ветер трепал её волосы и полы куртки, пытаясь оторвать её от здания, но Элия медленно, шаг за шагом, начала продвигаться вправо, в сторону центральной башни — Звездного Дома.

Она двигалась вдоль стены, перехватываясь за выступы барельефов. Пальцы болели, садня в тех местах, где она стерла их о напильник на мосту, но она не обращала на это внимания. Проходя мимо других окон, она видела пустые залы, залитые мертвенным светом, длинные галереи со статуями и закрытые двери.

Нигде не было признаков тюрьмы. Она надеялась найти окно, ведущее в караульное помещение или к винтовым лестницам, уходящим вглубь башни.

Ей казалось логичным, что подземелья должны находиться в самом основании, и ей нужно было найти способ спуститься, минуя главные коридоры со служанками-призраками.

Внезапно она остановилась. За следующим поворотом башни карниз обрывался, уступая место широкой террасе, скрытой за выступающими пилястрами. Элия осторожно заглянула за угол и замерла. На террасе, освещенной лишь лунным светом, стояла знакомая фигура.

Всадник. Сам Кароль-Тени.

Он стоял спиной к ней, глядя на город, сложив руки за спиной. Его плащ лениво шевелился на ветру, напоминая крылья огромного ворона. Он не двигался, но Элия почувствовала, как по карнизу, по самому камню, к которому она прижималась, прошла волна знакомого холода. Затаив дыхание, буквально вжимаясь в холодный обсидиан стены. Сердце колотилось о рёбра так сильно, что ей казалось — Всадник слышит этот стук. Она видела, как лунный свет

играет на серебряном шитье его плаща. Он стоял неподвижно, словно само воплощение этой ночи, и его слова, брошенные в пустоту, всё ещё звенели в её ушах.

Она знала: любая попытка заговорить или пошевелиться сейчас может закончиться падением. Элия закрыла глаза, молясь, чтобы тени стен скрыли её.

Прошло несколько минут, которые показались ей вечностью. Всадник медленно поднял голову к звездам, словно ведя с ними немой диалог. Затем он издал короткий, едва слышный смешок — звук, от которого у Элии волосы встали дыбом.

— И долго ты собираешься прятаться? — негромко произнес он, и хотя его голос был едва громче вздоха ночного ветра, в ушах Элии он прозвучал как раскат грома.

Она похолодела от ужаса, до боли впиваясь ногтями в обсидиановые выступы. Он знал. Знал с самой первой секунды, как она ступила на этот проклятый карниз. Всадник не повернулся, не сделал ни одного движения в её сторону, но это ленивое, пугающее знание превосходства ранило сильнее любого клинка. Он просто играл с ней, позволяя тешить себя иллюзией побега.

Мужчина качнул головой, словно забавляясь её оцепенением, и, не оборачиваясь, направился внутрь башни через высокие сводчатые двери террасы.

— Ушел... — прохрипела она, вытирая липкий пот со лба.

Она понимала, что оставаться здесь нельзя. Но вместо того чтобы вернуться в безопасную роскошь комнаты, она упорно двинулась дальше по карнизу, огибая террасу. Её целью было не бегство из города, а те самые подземелья, в которых должен находиться её отец. — и, не оборачиваясь, направился внутрь башни через высокие сводчатые двери террасы.

Она заметила, что за углом башни карниз переходит в узкую техническую лестницу — ряд вбитых в камень железных скоб, предназначенных для чистильщиков или магических техников. Элия начала спускаться вниз, стараясь не смотреть в разверзшуюся под ней бездну.

Спустя бесконечные минуты акробатического спуска, Элия достигла уровня, где окна были заменены узкими амбразурами, закрытыми мощными решетками. Она спрыгнула на узкий технический балкон, скрытый в глубокой тени массивного контрфорса.

Здесь было темно. Единственным источником света были тусклые сферы, закрепленные у тяжелой кованой двери, ведущей внутрь нижних ярусов. Сквозь щели в двери доносился запах сырости и... тот самый запах магии Тени, который она чувствовала на мосту.

Глухое эхо чьих-то стонов донеслось снизу, заставив её сердце сжаться. Элия припала к замочной скважине. Внутри тянулся длинный коридор. По нему медленно прохаживали стражники, их шаги были тяжелыми и ленивыми. Она начала лихорадочно осматривать дверь в поисках слабого места.

Рядом с ней, на стене, висела связка ключей, которую, по всей видимости, оставил сменщик, ушедший на пост.

— Я найду тебя, папа, — прошептала она, протягивая руку сквозь прутья внешней решетки, пытаясь дотянуться до ключей. — Клянусь, я выведу нас отсюда.

Но как только её пальцы коснулись холодного металла ключей, по всему коридору за дверью разнесся низкий, вибрирующий звук, похожий на рык зверя.

Элия замерла. На одно безумное, сладкое мгновение ей показалось, что удача наконец-то улыбнулась ей. Ключи были так близко, буквально в нескольких дюймах от её дрожащих пальцев. Сердце в груди забилось с отчаянной, победной силой, а к горлу подступил комок надежды. Она затаила дыхание, боясь спугнуть этот миг, и на её губах уже почти появилась слабая, облегченная улыбка — еще секунда, и тяжелая связка окажется в её руках.

Но как только её пальцы коснулись холодного металла ключей, по всему коридору за дверью разнесся низкий, вибрирующий звук, похожий на рык зверя.

Элия мгновенно подобралась, её улыбка тут же погасла, а лицо мертвенно побледнело. Вся надежда испарилась, сменившись первобытным, парализующим ужасом. Жилы словно

заклинило, и она застыла на месте, не в силах даже отдернуть руку назад сквозь прутья решетки.

Из тени за углом медленно вышла фигура, при виде которой Элия едва не вскрикнула. Это был Следопыт Тьмы. Он стоял по ту сторону решетки, и его пустые глазницы под капюшоном смотрели прямо на её пальцы, замершие на ключах. Следопыт резко схватил Элию.

Холод от его прикосновения был не просто физическим — он ощущался так, будто в самую кровь Элии впрыснули жидкий лед. Пальцы Следопыта, тонкие и неестественно длинные, сомкнулись на её запястье с быстротой броска гадюки. Это не была хватка живого человека; его рука ощущалась как кость, обтянутая старой, промерзшей кожей.

— Нет! — Элия не выдержала.

Пронзительный крик вырвался из её груди, эхом отразившись от низких сводов каменного коридора. Она дернулась назад, пытаясь высвободить руку, но Следопыт лишь сильнее сжал пальцы. Его рука не дрожала. Он стоял по ту сторону решетки абсолютно неподвижно, словно часть самой двери. Из-под глубокой тени его капюшона на неё не смотрели глаза — там зияла пустота, в которой, казалось, клубился тот самый черный дым, что она видела у Короля. Он не звал стражу. Не поднимал крика. В этом безмолвии была самая страшная угроза.

Следопыт медленно начал тянуть её руку на себя, прижимая её запястье к холодным железным прутьям. Элия оказалась прикована к двери его хваткой. Её пальцы, которые еще секунду назад тянулись к ключам, теперь судорожно скрючились от боли и холода.

Свет сфер в коридоре за его спиной начало приседать и менять цвет с оранжевого на ядовито-зеленый. Тень от Следопыта на полу вытянулась, становясь неестественно длинной и острой, похожей на зазубренный клинок.

Она прижалась лицом к решетке, глядя в бездну его капюшона. Дыхание перехватило, сердце колотилось где-то в самом горле. Она видела, как иней начинает покрывать рукав её куртки в том месте, где он её держал.

— Пусти... — прохрипела она, её голос сорвался на шепот. — Пусти меня, ты, чудовище...

Следопыт резко отпустил её руку.

Элия отшатнулась, едва не сорвавшись с узкого технического карниза в бездну. На её запястье остались четкие багрово-синие следы от его пальцев, которые на глазах начали чернеть, словно от ожога.

Он не сделал больше ни движения. Он просто стоял там, за решеткой, преграждая путь. Следопыт Тьмы продолжал стоять неподвижно, но воздух между ним и Элией вдруг начал вибрировать, словно от сильного жара.

Холодный багровый след на её запястье пульсировал болью, и в тот момент, когда она уже приготовилась к новому удару или окрику стражи, из-под черного капюшона донесся звук.

Это не было похоже на человеческую речь. Это был скрежет камня о камень, сухой хруст ломающихся костей и свист ветра в пустых глазницах. Голос был хриплым, ломаным, словно существо годами не использовало связки, и каждое слово давалось ему с великим трудом.

— Здесь... нет... того... что ты ищешь, — проскрежетал он.

Элия замерла, её рука всё ещё дрожала, прижатая к груди. Она смотрела на него, не веря своим ушам. Этот монстр, эта безмолвная тень Короля, заговорила с ней.

— Ложь! — выдохнула она, и её голос сорвался на крик. — Я видела его! Ты сам показал мне его в моей голове! Он там, в конце этого коридора!

Следопыт медленно качнул капюшоном из стороны в сторону. Движение было неестественно плавным, текучим.

— Образ... — прохрипел он, и звук его голоса заставил сферы на стенах болезненно вспыхнуть зеленым. — Образ — это лишь тень твоего желания. Ты ищешь фермера... своего отца... Но в этих стенах нет его. Тот, кто сидит в каземате, — лишь старая оболочка для тайны, которую ты носишь под кожей. Он сделал полшага вперед, вплотную к решетке.

Теперь Элия видела край его бледных, почти прозрачных губ, которые не шевелились, пока он говорил. Звук шел откуда-то из глубины его существа.

— Ты хочешь спасти его? — Следопыт издал звук, отдаленно напоминающий сухой, безрадостный смех. — Ты пришла за ключами от клетки, но ты не видишь цепей, которые куются не из железа. Если ты войдешь сюда сейчас — ты найдешь лишь пустоту и свою собственную гибель. Он снова протянул костлявую руку, но на этот раз не схватил её, а указал в сторону самой высокой башни — Звездного Дома, где в окнах горел свет. — Твои ответы... наверху, — проскрежетал он. — Король держит ключи от твоей памяти, а не я. Иди к нему. Он ждет... Он всегда ждал. А старик... старик проживет еще одну ночь, если ты вернешься в свою золоченую клетку и перестанешь играть со смертью на карнизах.

Следопыт замолчал, и тишина в коридоре стала еще тяжелее, чем прежде. Он оставался стоять на месте, превратившись в безмолвное изваяние, преграждающее путь. Элия чувствовала, как ярость внутри неё борется с ледяным логическим пониманием: он прав. Даже если она украдет ключи, она не знает, как вывести измученного отца из сердца охраняемой цитадели.

И этот жуткий голос... в нем не было ненависти, в нем была странная, пугающая прямота существа, которое видит мир иначе.

— Почему ты помог мне? — спросила она шепотом. — Почему не зовешь стражу?

Следопыт не ответил. Его фигура начала медленно растворяться в тенях коридора, становясь частью стены, частью темноты.

— Иди... Наследница... — донесся последний, едва различимый шелест, и факелы за решеткой разом погасли, оставив Элию в полной темноте.

Элия застыла, прижавшись спиной к шершавому базальту. Темнота подземелий, в которой только что растворился Следопыт, казалась ей теперь более безопасной, чем то, что ждало её наверху. Слова о том, что отца здесь «нет», эхом отдавались в голове, мешаясь с ледяной пульсацией в обожженном запястье.

Она только успела поставить ногу на первую железную скобу, чтобы начать мучительный подъем обратно по стене, как прямо над её головой, из густой тени выступающего балкона, раздался ровный, лишенный эмоций голос.

— Вы зря тратите силы на камень и железо, Астерия. Истинные преграды в этом доме не имеют формы.

Элия едва не сорвалась. Она судорожно вцепилась в холодный металл скобы и задрала голову. На краю балкона, всего в нескольких футах над ней, стояла та самая женщина в сером шелке. Её лицо в лунном свете казалось вырезанным из белой кости, а глаза были абсолютно неподвижны. Она не выглядела удивленной тем, что гостя Звездного Дома висит над бездной в грязной куртке.

— Как вы... как вы нашли меня? — выдохнула Элия, чувствуя, как ветер обдает её лицо ледяными брызгами.

— В этом замке каждый ваш вздох оставляет след, который виден тем, кто умеет смотреть, — женщина протянула руку, но не для того, чтобы помочь, а скорее указывая направление. — Оставьте ваши попытки. Король приказал вам явиться к нему. Сейчас.

Элия почувствовала, как раздражение, которое она испытывала в саду, вспыхнуло с новой силой, заглушая страх.

— Приказал? — Элия стиснула зубы, её пальцы на скобе побелели. — А если я откажусь? Если я просто останусь здесь или... или сорвусь вниз? Что тогда сделает ваш Король?

Женщина едва заметно наклонила голову. Её голос оставался кристально чистым, но в нем проскользнула стальная нить.

— Если вы не придете, вечерний звон станет последним звуком, который услышит человек которого вы ищете. Король не любит повторять свои приглашения, Астерия. И он не терпит тех, кто заставляет его ждать ради прогулок по карнизам.

Слова о «последнем звуке» действовали на Элию как удар хлыста. Значит Всадник и впрямь знал что она лезла по стенам. Она вспомнила видение, которое показал ей Следопыт — отца, беззвучно шепчущего её имя. Она поняла, что у неё нет выбора.

Этот город, эта цитадель и даже эти холодные женщины были частью одной огромной сети, в которой она была лишь мухой. Элия рванулась вверх, вцепившись в холодный металл скобы, готовая лезть по отвесной стене до самого неба, лишь бы не чувствовать себя послушной марионеткой.

Но не успела она подтянуться, как сухая и неожиданно сильная ладонь служанки сомкнулась на её предплечье. Женщина дернула её на себя, заставляя перевалиться через перила балкона обратно на твердый камень.

— Хватит этих безумств! — голос женщины впервые утратил свою ледяную монотонность, в нем проскользнуло раздраженное нетерпение. Она не отпустила руку Элии, а мертвой хваткой потащила её прочь с балкона, через боковую дверь, ведущую в жилые коридоры. — Вы посмотрите на себя! Волосы в пыли, одежда разорвана, руки в крови... Король — не лесной разбойник, чтобы принимать гостей в таком виде. Вам нужно немедленно вернуться в покои, омыться и надеть то, что было приготовлено...

— Король — не лесной разбойник? — сквозь зубы процедила Элия, отчаянно пытаюсь упереться ногами в гладкий мрамор пола. — Да ваш Король хуже любого разбойника! Лесные воры забирают кошельки и уходят, а он крадет чужие жизни, запирает людей в клетки и держит моего отца в подземелье! Так какая разница, в каком виде я предстану перед палачом?!

Служанка резко остановилась, заставив Элию почти наткнуться на её жесткую, как броня, спину. Женщина медленно повернула голову, и в её серых, безжизненных глазах на миг полыхнуло нечто, похожее на грозное пламя.

— Не тебе судить Повелителя, девчонка, — ледяным шепотом, от которого по стенам поползли игольчатки инея, ответила она. — Лесные разбойники забирают то, что им не принадлежит. Король же просто возвращает себе свое. И поверь мне, в этих залах вид разорванного платья и грязных рук оскорбляет закон порядка куда сильнее, чем твои глупые, детские обиды. Иди.

Она причитала на ходу, быстро шагая по коридору и увлекая Элию за собой, словно нашкодившего ребенка. Но стоило им миновать первую галерею, как Элия резко остановилась. С силой рванула руку, вырывая её из хватки служанки.

— Довольно! — выкрикнула Элия, тяжело дыша. Её глаза сверкали из-под спутанных прядей волос. — Я не кукла, которую вы будете наряжать для своего господина. Если ваш Король так жаждал меня видеть, что выкрал из собственного дома и запер в этой обсидиановой клетке, значит, он увидит меня такой, какая я есть. Со всей этой дорожной грязью и кровью, которую пролили его люди. Я пойду так.

Женщина замерла. Её тонкие губы сжались в узкую линию. Она долго и пристально смотрела на Элию — на её перепачканное лицо, на гордо выпрямленную спину. Наконец, она медленно и многозначительно качнула головой, словно видела перед собой приговоренную, которая сама идет на эшафот.

— Да будет так, Астерия, — тихо произнесла она. — Ваша гордость станет либо вашим мечом, либо вашей петлей. Идемте. Время истекает.

Они двинулись дальше, но теперь служанка шла на шаг впереди, не пытаясь больше прикасаться к ней. Они начали подниматься по большой лестнице Звездного Дома.

Это был колоссальный спиральный подъем, ступени которого были вырезаны из дымчатого кварца. Под ними, в глубине лестничного пролета, мерцала бездна, а сверху лился мягкий,

тревожный свет сфер. Коридоры на верхних ярусах становились всё уже и величественнее. На стенах из полированного черного мрамора висели зеркала в серебряных рамах, расположенные так, что Элия видела бесконечную вереницу собственных отражений — грязных, изможденных, но непокоренных. Между зеркалами висели знамена — тяжелый черный бархат с вышитым серебром созвездием, которое Элия не узнавала.

На каждом повороте, в каждой нише застыли Стражи Тени. Их доспехи не отражали свет, они поглощали его. Лица были скрыты за глухими забралами, и только ритмичное, тяжелое дыхание выдавало в них живых людей.

При приближении Элии они не шевелились, но она чувствовала, как их взгляды провожают её. Воздух становился всё более разреженным но на удивление теплым. Запах темниц окончательно исчез, уступив место аромату снега и древней магии.

Наконец, они вышли в просторный коридор, где пол был устлан ковром, гасящим любой звук. Женщина остановилась и указала вперед. Прямо перед ними возвышались большие двустворчатые двери.

Они были сотворены из цельного массива черного обсидиана. По их поверхности медленно, словно живые вены, струились нити жидкого серебра, складываясь в причудливые магические печати. В центре дверей, на уровне глаз, был высечен барельеф: свернувшийся дракон, кусающий себя за хвост, внутри которого горел единственный фиолетовый камень.

— Ведите себя прилично, — прошептала служанка, отступая в тень колонны.

Двери начали медленно и бесшумно расходиться, открывая путь в залитый лунным светом зал. Элия переступила порог, чувствуя, как воздух зала мгновенно овеял её пылающее лицо .

Она ожидала увидеть пыточную камеру или суровый тронный зал, но то, что предстало перед её глазами, сбilo её с толку своей интимной, почти пугающей изысканностью. Зал был огромен и кругл, словно чаша, обращенная к небу. Вместо внешней стены здесь тянулось панорамное окно из цельного кристалла, открывающее вид на Столицу, которая с этой высоты казалась россыпью драгоценных камней на черном бархате. Стены были облицованы темным сапфировым мрамором, по которому змеились прожилки чистого серебра. В зале свет исходил от пола, инкрустированного светящимися камнями, создавая иллюзию, будто они стоят на поверхности застывшего ночного моря. По периметру застыли высокие стеллажи с древними свитками и статуи из дымчатого кварца, изображающие атлантов, поддерживающих купол. В воздухе витал тонкий аромат сандала и чего-то острого, похожего на запах надвигающейся грозы.

В самом центре этого холодного величия стоял небольшой круглый стол, накрытый белоснежной скатертью из тончайшего льна. На нем, в строгом и пугающем порядке, были расставлены блюда, словно это не допрос, а мирная встреча: Тонкий костяной фарфор с золотой каймой, серебряные приборы, отражающие блики звезд, и высокие бокалы из резного хрусталя. На блюдах лежали сочные фрукты, истекающие соком, ломти свежего белого хлеба и дымящееся мясо, приправленное пряными травами. Посреди стола стоял серебряный графин, наполненный вином цвета густой крови. За столом, откинувшись на спинку массивного резного стула, который больше напоминал трон из черного дерева, сидел Он — её худший кошмар.

Король был без короны. Его иссиня-черные волосы, гладкие, как вороново крыло, рассыпались по плечам, обрамляя лицо безупречной, почти пугающей красоты. Прямой, породистый нос, волевой подбородок и полные губы, на которых застыла та самая хищная, торжествующая улыбка, которую Элия видела в лесу. Его фиолетовые глаза светились в полумраке зала, приковывая к себе взгляд, словно магические магниты. Одет он был на удивление просто, не по статусу: на нем была лишь свободная рубашка из тонкого черного шелка с расстегнутым воротом, открывающим крепкую шею, и простые темные брюки.

Но даже в этой одежде его фигура — широкоплечая, мускулистая, напоминающая изваяние древнего бога — излучала подавляющую мощь. Элия застыла у входа. Она выглядела дико и неуместно в этом чертоге: растрепанные волосы, грязная куртка, руки в пятнах сажи и засохшей крови. Она тяжело дышала, её сердце колотилось в горле, но она не опустила глаз.

Король медленно, лениво повернул хрустальный бокал в руке. Рубиновая жидкость плеснула о стенки, окрашивая их в багрянец. Он смотрел на неё долго, не мигая, изучая каждую деталь её измученного лица, задерживаясь на багровом следе на её запястье.

— Ты заставила меня ждать, Астерия, — произнес он тихим, бархатистым голосом, в котором слышалась опасная ласка. — И, как я вижу, предпочла прийти в своих старых одеждах из дорожной пыли и упрямства. Он грациозно, словно хищник, готовящийся к прыжку, подался вперед и поставил бокал на стол. Его движения были текучими и абсолютно бесшумными. — Присаживайся, — он указал на свободный стул напротив себя. — Ты, должно быть, голодна после своей прогулки по карнизам. Мы ведь так и не закончили наш разговор о выборе, не так ли?

Элия сделала один шаг вперед, и звук её грязного сапога по полированному мрамору прозвучал как вызов. Она молчала, чувствуя, как фиолетовое пламя его глаз пытается прожечь её насквозь, вытягивая из неё остатки воли. Элия осталась стоять, вкопавшись подошвами грязных сапог в безупречный обсидиановый пол.

Расстояние между ними — всего несколько шагов по дорожному ковру — казалось ей непреодолимой пропастью. Она проигнорировала приглашение, даже не взглянув на стул, обитый нежным бархатом.

— Где мой отец? — её голос, надтреснутый и сухой, прорезал тишину зала. — Приведи его сюда. Немедленно. Ты обещал мне ответы, ты обещал, что он будет жить. Мне не нужен твой ужин. Я хочу видеть своего отца.

Король не шелохнулся. Он продолжал сидеть в своей расслабленной, почти ленивой позе, слегка откинувшись назад. Его пальцы, длинные и аристократичные, медленно поглаживали тонкую ножку бокала. Он поднес хрусталь к губам, сделал крошечный глоток, смакуя терпкое вино, и на мгновение прикрыл свои фиолетовые глаза, словно наслаждаясь моментом.

Когда он снова посмотрел на неё, в его взгляде не было гнева — только холодное, расчетливое любопытство исследователя, наблюдающего за бьющейся в силках птицей.

— Требования, Астерия? — его голос прозвучал мягко, почти ласково, но от этого тона у Элии по спине пробежал мороз. — Тыходишь в мой дом в грязи, после того как пыталась сбежать через мои подземелья, и начинаешь встречу с приказов? Ты забываешься. Здесь нет фермы. Здесь есть только моя воля.

Он снова отпил вина, глядя на неё поверх края бокала. Рубиновая капля застыла на его нижней губе, и он небрежно слизнул её, не отрывая взгляда от Элии.

— Однако, — продолжил он, поставив бокал на белоснежную скатерть. Звук удара стекла о дерево был тихим, но окончательным. — Твоё упрямство заслуживает вознаграждения. Оно напоминает мне о временах, которые этот город давно позабыл.

Король подался вперед, положив локти на стол. Рукава его шелковой рубашки закатались, обнажая крепкие предплечья. В лунном свете его кожа казалась мраморной.

— Давай сыграем, — предложил он, и его хищная улыбка стала шире. — Я предлагаю тебе сделку. Самую честную из тех, что ты когда-либо слышала. Один твой вопрос — один мой честный ответ. Но за каждый мой ответ ты заплатишь тем же. Один мой вопрос — один твой честный ответ. Он замолчал, давая ей прочувствовать тяжесть этих слов. — Ты хочешь знать об отце? Спрашивай. Но будь готова отдать часть своей правды взамен. Если солжешь — сделка расторгнута, но за этим ты наверно догадываешься что последует.

Элия видела, как в его глазах вспыхивают и гаснут фиолетовые искры. Он сидел так близко, что она чувствовала исходящий от него жар и запах чего-то древнего, пугающего. На столе перед ним лежало налитое соком яблоко, и он, не глядя, взял нож с серебряной ручкой, начиная медленно, с ювелирной точностью срезать тонкую полоску кожуры.

— Итак? — нож замер. — Кто начнет? У тебя есть шанс узнать всё: кто ты, почему я за тобой охотился и где сейчас тот, кого ты называешь отцом. Но готова ли ты услышать, что я спрошу у тебя?

Элия сжала кулаки так, что ногти вонзились в ладони. Она смотрела на него на этого красивого, опасного мужчину, который превратил её жизнь в пепел, — и понимала, что это её единственный шанс выжить в этой чертовой паутине.

Не раздумывала ни секунды. Она сделала шаг вперед, и её голос, окрепший от ярости, прозвенел под сводами зала, перекрывая шорох ветра за панорамным окном.

— Где мой отец и что с ним сделали? — она почти выплюнула эти слова, глядя прямо в фиолетовые бездны его глаз. — Это мой первый вопрос. Отвечай.

Король не торопился. Он аккуратно отложил серебряный нож, которым срезал кожуру с яблока. Его движения были тягучими, почти гипнотическими. Он снова взял бокал, на этот раз лишь для того, чтобы полюбоваться игрой света в рубиновой жидкости, и только после долгой, мучительной паузы заговорил.

— Твой вопрос принят, Астерия, — произнес он, и в его голосе послышалось странное почтение к её прямоте. — Ответ честен, как и было обещано. Твой отец — или тот, кого ты привыкла так называть — жив. Он находится в этой цитадели, в восточном крыле, пятью уровнями ниже этого зала. С ним не сделали ничего... физического. Его не пытали, его не морили голодом. Король сделал глоток и, не отрывая взгляда от Элии, добавил — Но он сломлен. Не моими людьми, а собственной ложью, которая вскрылась, как нарыв. Он сидит в камере, которая не заперта на ключ, но он не может выйти, потому что знает: его преступление против тебя весомее любой железной двери. Он украл у тебя восемнадцать лет жизни, и теперь тишина — его единственный судья.

Элия почувствовала, как у неё подкосились ноги. Жив. Это слово было единственным, за что она смогла уцепиться, пропустив мимо ушей его ядовитые замечания о предательстве.

Король медленно поставил бокал на стол. Улыбка на его губах стала чуть более острой, по-настоящему хищной. Он слегка наклонил голову, и прядь черных, как смоль, волос упала ему на лоб.

— Теперь мой черед, — его голос стал тише, приобретая вибрирующую, опасную глубину. — Скажи мне, Астерия... когда ты коснулась воды в фонтане Нижних Садов... о чем ты подумала в ту секунду? Ты почувствовала ужас или... ты почувствовала, что наконец-то вернулась домой, к силе, которую в тебе так старательно гасили?

Он замер, ожидая. На столе перед ним лежал очищенный плод, а в бокале еще плескалось вино, но всё его внимание теперь было сосредоточено на её лице. Он ловил малейшее подергивание её губ, малейшую тень в её глазах, готовый вскрыть её душу так же легко, как только что вскрыл кожуру яблока. А она стояла перед ним — грязная, измученная, — и чувствовала, как под его взглядом рушатся последние преграды.

Правда, которую он требовал, жгла её изнутри сильнее, чем метка Следопыта на запястье. Элия почувствовала, как по телу прошла дрожь. Вопрос Короля ударил в самую цель, в то самое потаенное место, которое она боялась признать даже перед собой. Она вспомнила мгновение у фонтана: золотую искру в воде, жар, разлившийся по венам, и то пугающее чувство, что её тело — это не просто плоть и кости, а сосуд. Она сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Солгать было нельзя она видела это по его глазам, которые, казалось, читали её мысли прежде, чем они успевали оформиться в слова.

— Я не почувствовала ужаса, — прошептала она, и её голос в тишине зала прозвучал как признание в преступлении. Она подняла на него взгляд, полный горькой решимости. — В ту секунду... мне показалось, что я наконец-то сделала полный вдох. Словно всё это время я жила в тесной комнате с закрытыми окнами, а эта вода... она выбила двери. Она сделала паузу, борясь с комом в горле. — Но это не было чувство дома.

Король слушал её, не перебивая. Его хищная улыбка на мгновение исчезла, сменившись выражением глубокого, почти мрачного удовлетворения. Он медленно взял кусочек очищенного яблока и отправил его в рот, продолжая сверлить её своим фиолетовым взглядом.

— Честный ответ, — констатировал он, проглотив плод. — Твоя душа поет ту же песню, что и камни этого города, Астерия. Ты можешь это ненавидеть, но ты не можешь это отрицать.

Он снова откинулся на спинку своего стула, вальяжно скрестив ноги. Его фигура в шелковой рубашке выглядела расслабленной, но Элия видела, как напряжены его плечи под тонкой тканью. Он потянулся к графину и долил в свой бокал вина, густого и темного, как сама ночь.

— Твоя очередь, — бросил он, лениво помешивая вино. — Спрашивай. Но помни: чем глубже ты копаешь, тем тяжелее будет правда, которую тебе придется нести.

Элия сделала глубокий вдох. Информация об отце дала ей опору, но теперь ей нужно было понять суть происходящего. Почему всё это происходит именно с ней?

— Кто я на самом деле? — спросила она, и её голос больше не дрожал. — Ты называешь меня Астерией, Следопыт назвал меня Наследницей.... Скажи мне правду без загадок: чья кровь я ношу и почему ты, сам Король Тени, лично охотился за мной в лесу, и на рынке как за самой ценной добычей в своём королевстве?

Король не ответил сразу. Он наслаждался моментом, смакуя её нетерпение так же медленно, как и вино в своём бокале. Он снова поднес хрусталь к губам, глядя на Элию поверх края, и его зрачки чуть расширились, поглощая свет фиолетовых сфер. Тишину зала нарушал лишь мерный стук маятника где-то в глубине покоев и едва слышный шелест ветра за стеклом.

— Ты стоишь там, как подсудимая перед плахой, Астерия, — небрежно бросил он, ставя бокал на скатерть. — Но здесь нет судей. Есть только мы. И истина, которая слишком тяжела, чтобы принимать её на ногах. Он снова указал на пустующее кресло напротив себя. Его жест был властным, но в нем сквозило странное, почти пугающее гостеприимство. — Сядь. Разговор будет долгим, а твои колени уже дрожат от усталости, хоть ты и пытаешься это скрыть за своей гордостью. Сядь, и я открою тебе первую завесу.

Элия замерла. Её тело действительно ныло, а адреналин, поддерживавший её на карнизах, начал иссякать, оставляя после себя свинцовую тяжесть. Она смотрела на стул, как на ловушку, но понимала, что стоя она проигрывает ему в этой психологической дуэли.

Сдаваться было горько, но необходимо. Медленно, с трудом переставляя онемевшие ноги, она сделала три шага к столу. Каждый звук её грязного сапога по дорожному ковру казался ей актом вандализма. Она опустилась на край кресла, держа спину прямой, как натянутая струна. Она не откинулась на спинку, не расслабилась — она сидела на самой кромке, готовая в любой момент вскочить.

Король наблюдал за каждым её движением с полуулыбкой хищника, который видит, что добыча наконец зашла в клетку. Но когда она замерла, ожидая ответа, он лишь придвинул к ней тарелку с тонко нарезанным мясом и ароматным хлебом.

— Теперь новая сделка, — произнес он, и в его голосе прозвучали вкрадчивые, бархатные нотки. — Ты хочешь знать, чья кровь течет в твоих жилах. Ты хочешь знать, почему я лично выслеживал тебя. Я скажу. Но только тогда, когда ты начнешь есть. Он взял вилку и лениво подцепил кусочек фрукта, демонстрируя, что никуда не торопится. — Твое истощение мешает тебе воспринимать правду. Я не хочу, чтобы ты снова лишилась чувств на середине моего рассказа. Ешь, Астерия. Каждая ложка — это часть твоей истории. Не притронешься к еде — я замолчу, и мы будем просто сидеть здесь в тишине, пока свечи не догорят.

Элия посмотрела на еду. Запах мяса и свежего хлеба был невыносимо соблазнительным для её изголодавшегося организма, но она чувствовала, что каждый кусок будет иметь вкус предательства. Она перевела взгляд на Короля.

Он сидел напротив, в своей шелковой рубашке, непринужденный и величественный одновременно. Его фиолетовые глаза мерцали, отражая свет звезд за окном. Он не сводил с

неё взгляда, ожидая её покорности. Элия не прикоснулась к приборам. Она сложила руки на коленях под столом, сцепив пальцы так сильно, что костяшки побелели.

— Я села, как ты хотел, — её голос был тихим, но твердым. — Но я не стану пировать с тем, кто держит моего отца в цепях. Если твоя правда зависит от того, проглочу ли я твой хлеб, значит, эта правда — такая же фальшь, как и твое гостеприимство. Говори сейчас. Или убей меня прямо здесь, потому что играть в игры я не буду.

Король замер. Он медленно отложил прибор, и его улыбка медленно растаяла, уступив место выражению холодного, сосредоточенного интереса. Воздух в зале внезапно стал густым, словно перед ударом молнии.

— Твой отец хорошо научил тебя ненавидеть, — прошептал он, подаваясь вперед так близко, что Элия почувствовала запах вина и холодной стали, исходящий от него. — Но он плохо научил тебя скрывать свою суть. Ты не притронешься к еде? Что ж... пусть будет так. Твой голод станет твоим наказанием за дерзость. Он сделал глубокий вдох и вперил свой взор в её глаза, словно пытаясь заглянуть в самую глубину её памяти. — Слушай же, Астерия... Ты спросила, чью кровь ты носишь. Ты спросила, почему я охотился за тобой. Ты — не просто дочь фермера. Ты — последняя искра того, что мой род пытался уничтожить триста лет назад. Ты — единственная выжившая из династии Соларисов, тех, кто правил этим городом до того, как Тень накрыла его. И твой «отец»... он не спас тебя. Он украл тебя из колыбели, залитой кровью твоих настоящих родителей.

Слова Короля ударили по ней, как ледяной физической таран. Секунду в зале царила мертвая тишина, в которой слышалось только прерывистое, свистящее дыхание Элии. Затем реальность взорвалась.

Элия вскочила так резко, что тяжелый стул с грохотом отлетел назад, ударившись о полированный мрамор. Она не чувствовала ни слабости в коленях, ни голода — только обжигающий, ослепляющий гнев, который волной поднялся от самого сердца.

Она оперлась ладонями о край стола, подаваясь всем телом вперед, к этому человеку, который с такой легкостью разрушал всё, что было ей дорого.

— Лжец! — выкрикнула она, и её голос сорвался, превратившись в яростный хрип. — Ты лжешь! Ты выдумал эту сказку, чтобы я перестала бороться! Чтобы я возненавидела того, кто защищал меня все эти годы! Она тряслась от негодования. Грязные пряди волос падали ей на лицо, закрывая обзор, но она видела его фиолетовые глаза — спокойные, неподвижные, отражающие её собственное безумие. — Мой отец любит меня! — продолжала она, почти срываясь на плач, но сдерживая слезы одной лишь злобой. — Он обрабатывал землю, он не спал ночами, когда я болела, он учил меня всему! А ты... ты пришел не известно от куда, и теперь смеешь говорить, что он — вор?! Единственный вор здесь — это ты! Ты украл его у меня, ты украл мою жизнь! Ты хочешь очернить его, потому что это единственный способ оправдать твою собственную жестокость!

Король даже не вздрогнул. Он продолжал сидеть, медленно вращая в пальцах бокал с вином. Его спокойствие на фоне её бури выглядело оскорбительным. Он лишь слегка приподнял бровь, наблюдая, как дрожит скатерть под её руками.

— Твоя верность делает тебе честь, — тихо произнес он, и в его голосе не было и тени издевки — только холодная, тяжелая правда. — Но любовь, построенная на фундаменте из лжи, — это не спасение. Это тюрьма. Ты называешь его отцом, но разве ты не задумывалась, почему он прятал тебя в навозе и пыли? Разве ты не видела страха в его глазах? Он медленно поставил бокал и тоже встал. Он был выше её на голову, и его тень мгновенно накрыла стол, блюда и саму Элию. Широкие плечи, обтянутые черным шелком, казались еще массивнее в полумраке. — Он не растил тебя, Астерия. Он тебя *хоронил*. Заживо. В неизвестности. — Король сделал шаг в сторону, обходя стол. Его движения были плавными, как у волка, обходящего добычу. — Он знал, кто ты. Он видел, как в твоих жилах течет свет, которое он презирал.

И если бы я не нашел тебя, ты бы так и умерла на той ферме, даже не узнав, что способна повелевать самим светом. Он остановился в двух шагах от неё. Элия видела, как на его шее пульсирует жилка. Запах холода стал невыносимо острым. — Посмотри на свои руки, — приказал он. — Вспомни жар в груди у фонтана. Это была не его любовь. Это была твоя кровь, которая проснулась, почуяв родной дом. Ты можешь называть меня монстром, и в этом ты будешь права. Но я — единственный в этом мире, кто говорит тебе, кто ты есть на самом деле.

Элия задыхалась. Она хотела ударить его, вцепиться в это красивое, лживое лицо, но её взгляд невольно упал на её собственные ладони. Они всё еще хранили то самое странное покаявание, которое началось в Нижних Садах.

— Ты... ты просто хочешь использовать меня, — прошептала она, отступая от него на шаг. — Как оружие. Или как символ. Тебе всё равно, кто я. Тебе нужна только эта «искра».

Король остановился и его губы снова тронула та самая хищная улыбка.

— Возможно, — признал он, не сводя с неё глаз. — Но разве это меняет тот факт, что твой «отец» — убийца твоих настоящих родителей, который решил поиграть в милосердие?

Элия почувствовала, как комната вокруг неё начала вращаться. Обвинение Короля было настолько чудовищным, что мозг отказывался его обрабатывать, превращая слова в белый шум. Она смотрела на него, и в её сознании образ доброго, ворчливого отца, который пах сеном и старой кожей, столкнулся с образом вора, стоящего по колено в крови её настоящей семьи.

— Ты лжешь, — повторила она, но на этот раз голос прозвучал слабо, почти как мольба. — Ты просто хочешь, чтобы я осталась одна. Чтобы мне не за кого было держаться, кроме твоей протянутой руки. — Ты говоришь о крови, о династиях... но где доказательства? — она вскинула подбородок, пытаясь вернуть себе остатки достоинства. — В этом замке всё пропитано твоей волей... Всё это — лишь декорации. Мои воспоминания о том, как отец заклеивал мои разбитые коленки, — вот что реально. А твои слова — это просто ветер.

Король не стал спорить. Он медленно подошел к окну и прислонился плечом к раме, глядя на спящий город. В этом жесте не было угрозы, только бесконечная, вековая усталость.

— Доказательства? — он коротко рассмеялся, не оборачиваясь. — Посмотри в окно, Элия. Видишь те шпильки? Они построены так, чтобы преломлять свет, который давал твой род, без Соларисов этот город — просто красивая гробница. Если бы ты была обычной крестьянкой, Следопыты Тьмы разорвали бы тебя еще в лесу. Они не умеют брать пленных. Но они склонились перед тобой. Не потому, что я им приказал, а потому, что твой запах... запах твоей крови для них как ожог. Они узнали свою госпожу раньше, чем ты сама. Он обернулся. Его лицо теперь было серьезным, лишенным всякой насмешки. — Ты спрашиваешь, зачем я лично скакал за тобой? Потому что я не мог доверить твою жизнь никому другому. И да, я хочу использовать тебя. Я хочу, чтобы ты заняла свое место.

Элия стояла, тяжело дыша, её грудь бурно вздымалась под грязной курткой. Слова Короля отравляли воздух, превращая его в едкий дым, который жег легкие. Весь мир — лес, ферма, запах свежескошенного сена и добрые глаза отца — всё это начало рушиться, осыпаясь пеплом у её ног.

Но она не могла, не смела позволить этой тьме победить. Она резко вскинула голову, откидывая спутанную прядь волос с лица. Её взгляд, полный отчаянной решимости, столкнулся с его фиолетовым взором.

— Хватит! — её голос сорвался на крик, который эхом отразился от холодного сапфинового мрамора стен. — Я не верю ни единому твоему слову! Ты лжешь. Если ты так уверен в своей правде, если ты не боишься... отведи меня к нему. Прямо щас! Она сделала шаг к Королю, почти вплотную, игнорируя исходящую от него ауру подавляющей мощи. — Я хочу услышать это от него. Глядя ему в глаза. Я хочу, чтобы он сам сказал мне, кто он и кто я. И если ты не трус, если тебе действительно нужна моя искра как ты говоришь, ты дашь мне эту встречу. Прямо сейчас!

Король Тени замер. На его лице на мгновение отразилась тень чего-то, похожего на уважение — или на предвкушение грандиозного финала. Он медленно опустил взгляд на её кулаки, сжимающие край скатерти, а затем снова посмотрел ей в лицо. Его хищная улыбка не исчезла, но стала более жесткой, лишенной всякой игривости.

— Ты хочешь увидеть, как рассыпается твоя последняя надежда? — прошептал он, и его голос был подобен шелесту стали. — Что ж. Я предупреждал тебя, Астерия: правда — это не утешение. Это приговор. Он резко развернулся, и полы его шелковой рубашки взметнулись, как крылья ночной птицы. — Идем. Я сам отведу тебя. Мне хочется увидеть тот момент, когда свет в твоих глазах окончательно сменится пониманием того, в какой глубокой могиле ты жила все эти годы.

Глава 10.

Они шли по тем частям цитадели, которые Элия еще не видела. Здесь не было гобеленов или золотой росписи. Стены были сложены из грубого, необработанного обсидиана, который, казалось, вытягивал всё тепло из воздуха. Свет здесь давали только редкие факелы, горящие холодным фиолетовым пламенем. Они спускались всё ниже и ниже по узким винтовым лестницам. Звук их шагов — властный и размеренный у Короля, и рваный, шаркающий у Элии — разносился по колодцам башен зловещим ритмом.

Когда они миновали главный караульный пост восточного крыла, Элия невольно ждалась, ожидая криков или лязга обнаженной стали. Но произошло нечто гораздо более жуткое. Огромные Стражи Тени, застывшие у колонн, как обсидиановые изваяния, при её приближении начали приходиться в движение.

Это не был выпад — это был слаженный, почти ритуальный жест. Тяжелые латы заскрежетали, когда они одновременно опустили головы, упираясь подбородками в нагрудники. В этом жесте не было страха перед наказанием Короля.

Элия кожей чувствовала исходящее от них благоговение, смешанное с инстинктивной тревогой. Они не смотрели на неё — они смотрели в пол. «Они видят не меня», — вспыхнула паническая мысль. Она смотрела на свои руки, на свои разбитые костяшки пальцев, и не узнавала их. Каждый факел, мимо которого она проходила, начинал гореть ярче, пламя вытягивалось в её сторону, словно приветствуя старую знакомую.

Стены замка больше не казались ей тесными — они казались... ждущими. Ждущими её приказа. «Если он не мой отец... если он действительно вырвал меня из окровавленной колыбели... то всё, что я любила, было театром одного актера?» Она вспомнила вкус каши, которую он иногда варил ей по утрам. Запах дыма от их печи. Неужели человек может убить твоих родителей, а потом восемнадцать лет целовать тебя в макушку перед сном?

С каждым ярусом запах роскоши сменялся запахом сырости, старого железа и невыносимого отчаяния. Наконец, они достигли уровня, где стражи в черных доспехах стояли неподвижно, как изваяния. При виде Короля они склоняли головы в гробовом молчании. Здесь коридор заканчивался одной-единственной дверью, окованной серебром, за которой не было слышно ни звука.

Король остановился у двери и повернулся к Элии. В полумраке его глаза сияли, как два зловещих маяка.

— Он там, — Король указал рукой на дверь. — За этой дверью — твое прошлое. И помни, Астерия: когда ты выйдешь отсюда, ты больше никогда не сможешь вернуться на ту ферму. Даже в своих мыслях.

Он коснулся ладонью и дверь с тяжелым, стонущим скрежетом начала открываться, открывая вид на небольшую, скудно освещенную комнатку. Здесь не было ни капли того величия, что окружало Короля наверху. Это был каменный мешок, пропахший плесенью, старой соломой и безнадежностью. Единственным источником света была узкая щель под потолком, сквозь которую пробивался холодный лунный луч, разрезая мрак пополам.

В самом дальнем углу, на куче грязного тряпья, сидел человек. Его фигура казалась маленькой и сгорбленной под тяжестью этих стен. Он закрыл лицо ладонями, и его пальцы, узловатые и натруженные, мелко дрожали.

— Папа! — крик Элии разорвал мертвую тишину каземата.

Она влетела в комнатку, спотыкаясь о неровные камни пола. В ту же секунду она упала перед отцом на колени, обхватывая его за плечи, вжимаясь лицом в его колючую, пахнущую

пылью рубаху. Она рыдала навзрыд, и эти слезы смывали дорожную грязь с её щек, оставляя чистые дорожки.

— Папа, это я! Я здесь! Мы уйдем отсюда, слышишь? — захлебываясь, шептала она, судорожно обнимая его, словно пытаясь защитить своим телом от всего мира.

Отец вздрогнул. Он медленно отнял руки от лица. Его глаза, воспаленные и ввалившиеся, испуганно метались по её лицу, а затем замерли на высокой фигуре, застывшей в дверном проеме. Там, прислонившись к косяку скрестив руки на груди, стоял Король Тени. На его губах играла та самая спокойная, хищная улыбка.

Элия почувствовала, как тело отца окаменело под её руками. Он резко оттолкнул её — не со зла, а от ужаса — и вскочил на ноги, тяжело дыша.

— Ты, порождение тьмы?! — голос отца сорвался на хриплый крик. Он вжался спиной в холодную стену, указывая дрожащим пальцем на Короля. — Зачем ты позволила ему приблизить тебя к себе, Элия?!

— Он наговорил мне ужасных вещей, папа! — Элия поднялась с колен, её лицо было мокрым от слез, а глаза горели лихорадочным блеском. — Он сказал, что я — не твоя дочь! Что ты украл меня из колыбели, залитой кровью! Он сказал, что ты убил моих настоящих родителей! Скажи мне, что он лжет! Скажи это прямо сейчас!

Отец задыхался. Цвет его лица стал землисто-серым. Он перевел взгляд с Элии на Короля, который продолжал молчать, наслаждаясь каждым мгновением этой пытки.

— Я спасал тебя! — вдруг закричал отец, и его голос сорвался на визг. — Я спас тебя от этой бездны, от этого города, от него! — Он ткнул пальцем в сторону Короля. — Какая разница, чья кровь в тебе, если я дал тебе жизнь?! Я растил тебя как свою! Я прятал тебя, чтобы ты не стала такой, как они! Это была не ложь, это было милосердие!

Король Тени медленно оттолкнулся от дверного косяка. Его движения были ленивыми и грациозными, он вошел в камеру, и пространство вокруг него словно сжалось.

— Милосердие? — Его голос прозвучал как удар колокола в склепе. Спокойный, глубокий, почти ласковый. — Ты называешь милосердием то, что вырвал наследницу престола из её законного дома и заставил её рыться в земле восемнадцать лет? Ты не спасал её, старик. Ты тешил свою трусость. Ты боялся, что если она узнает правду, твое крошечное, фальшивое счастье рассыплется.

— Замолчи! — отец сорвался на крик, ударив кулаком по стене. — Ты — Тень! Ты пришел за ней, чтобы превратить её в чудовище! Я видел, что твой род сделали с Соларисами! Я видел кровь в коридорах!

— И поэтому ты решил стать вором? — Король подошел почти вплотную к Элии, положив руку ей на плечо. Его пальцы были холодными и тяжелыми. — Посмотри на неё. Она вся в шрамах от твоей «любви». Она боится собственной тени.

Элия стояла между ними, переводя взгляд с одного на другого. Её мир раскололся надвое. С одной стороны — отец, который оправдывался, чьи глаза бегали, избегая её прямого взора. С другой — Король, чья правда была беспощадной и острой, как бритва.

— Так это правда? — прошептала Элия, глядя на отца. — Ты действительно не мой отец? Те люди... мои настоящие родители... они погибли из-за того, что ты меня забрал?

Отец замолчал. Его плечи опали, и он медленно опустился обратно на солому, закрыв лицо руками. Из-под его ладоней донесся глухой, сдавленный всхлип.

— Я хотел как лучше... — простонал он. — Я любил тебя, Астерия. Единственное, что я сделал правильно в своей никчемной жизни — это полюбил тебя.

Король наклонился к самому уху Элии.

— Любовь — это слишком слабое оправдание для похищения, — прошептал он. — Видишь? Он даже сейчас называет тебя чужим именем. Он любит не тебя, а ту ложь, которую сам создал.

Элия стояла между двумя мужчинами, и тишина, воцарившаяся в камере после признания отца, казалась тяжелее каменных сводов над головой. Она смотрела на человека, которого все восемнадцать лет считала своим миром, и видела лишь сгорбленную тень, прячущую глаза. Её сердце, еще минуту назад горевшее желанием защитить его, теперь превращалось в холодный осколок обсидиана. Она сделала шаг к нему, и звук её подошвы о солому был похож на хруст ломающихся надежд.

— Почему? — её голос был тихим, лишенным слез, звенящим от невыносимого напряжения. — Почему ты так поступил, папа? Если ты любил меня если ты действительно хотел мне добра почему ты построил мою жизнь на лжи? Почему ты позволил мне верить, что я — не та кем являюсь? Она опустила перед ним на корточки, но на этот раз не коснулась его. Её руки безвольно лежали на коленях. — Все те ночи, когда я смотрела на звезды и спрашивала, почему я чувствую этот странный зов ты ведь знал. Ты видел, как я мучаюсь, пытаюсь подавить то, что во мне просыпалось. Ты смотрел мне в глаза и врал. Каждый. Божий. День. Ради чего? Чтобы я чистила навоз в хлеву, пока моё настоящее имя тонуло в крови? И каждый день работала на поле?

Отец — или тот, кто носил это имя — медленно поднял голову. Его лицо, изборожденное морщинами, казалось постаревшим на десятилетие за последние минуты. Слезы катились по его впалым щекам, теряясь в седой щетине.

— Ты не понимаешь! — закричал он, и его голос сорвался на болезненный хрип. Он подался вперед, хватая ртом воздух. — Я видел, что делает власть! Я видел, как твоя мать как она кричала, когда Тень входила в город! Соларисы были великими, да, но величие — это проклятие, дочка! Оно притягивает смерть! Он замахал руками, словно пытаюсь отогнать невидимых призраков. — Я был простым гвардейцем. Когда начался штурм, когда запахло гарью и сталью, я нашел тебя в колыбели. Ты была такая маленькая такая тихая. Я подумал: «Если я оставлю её здесь, она станет либо трупом, либо трофеем для монстра». Я схватил тебя и бежал. Бежал до тех пор, пока мои легкие не начали гореть. Я хотел дать тебе жизнь, в которой нет короны, нет войн, нет магии, которая выжигает душу! Я хотел, чтобы ты стала просто моей дочерью.

— Твоей дочерью? — раздался спокойный, вибрирующий голос Короля. Он стоял за спиной Элии, высокая, неподвижная фигура в черном шелке. Его фиолетовые глаза светились холодным пламенем, отражая его презрение. — Ты украл свет и запер его в подвале, надеясь, что оно забудет, как светить, ты не спасал её, старик. Ты лишил её предназначения. Ты заставил её поверить в собственную никчемность, чтобы самому чувствовать себя нужным. Это не любовь. Это трусливое воровство судьбы.

Отец затрясся от ярости и бессилия.

— Ты! — он указал на Короля костлявым пальцем. — Ты хочешь сделать её своей марионеткой! Ты хочешь вернуть Солариса на трон, чтобы Тень окончательно подчинила себе свет! Элия, не слушай его! Его слова — яд.

Элия резко дернула плечом, сбрасывая тяжелую ладонь Короля. Она сделала шаг назад, становясь между Королем и съёжившимся на соломе стариком. Несмотря на грязь на её лице и разорванную одежду, в эту секунду она выглядела величественнее, чем все статуи в этом замке.

— Не смей его судить, — её голос больше не дрожал. Он стал низким, твердым и холодным, как сталь. — И не смей называть это воровством судьбы.

Король приподнял бровь, его фиолетовые глаза сузились, изучая её с новым, опасным интересом. Он не ожидал, что после такого сокрушительного признания она встанет на сторону того, кто её обманывал.

— Он лгал тебе восемнадцать лет, Астерия, — напомнил Король, сделав шаг вперед. Воздух в камере зазвенел от его подавляющей магии. — Он лишил тебя трона, магии и твоего

истинного имени. Он держал тебя в грязи, пока другие наслаждались твоим наследием. Ты защищаешь свою клетку?

— Я защищаю единственного человека, который был готов ради меня на всё! — выкрикнула Элия, и в её глазах на мгновение вспыхнуло золотистое пламя Соларисов, заставив тени в углах камеры испуганно отпрянуть. — Да, он лгал. Да, он украл меня. Но он делал это не ради власти, не ради артефактов и не ради какой-то там «искры», которая тебе так нужна. Он делал это, чтобы я могла просыпаться, не боясь, что меня убьют за цвет моих глаз! Она обернулась на отца. Старик смотрел на неё снизу вверх с такой смесью любви и стыда, что у неё защемило сердце. Она знала, что их прежние отношения мертвы, но предать его сейчас означало стать такой же, как Король Тени. — Ты предлагаешь мне «честную» жестокость, — Элия снова повернулась к Королю, её подбородок был гордо вздёрнут. — Ты говоришь правду только потому, что она служит твоим целям. Его ложная любовь дала мне тепло и кров, а твоя честная правда несет только холод и смерть. Она сделала глубокий вдох, её голос окреп. — Если ты хочешь, чтобы я стала твоей так называемой Наследницей, если тебе нужна моя помощь или моя кровь — слушай внимательно. Ты не тронешь его. Ты не причинишь ему боли и не оставишь гнить в этой дыре. Его жизнь — это цена моего присутствия в этом городе. Его «ложная любовь» сделала меня человеком. А твоя правда она пока сделала меня только сиротой во второй раз.

Король Тени замер в нескольких дюймах от неё. Его дыхание коснулось её лба. В тесном пространстве камеры их ауры столкнулись: его — густая, как ночной туман, и её — тонкая, но пронзительная, как первый луч зари. Улыбка хищника на его губах медленно сменилась выражением ледяного признания. Он понял, что не сможет сломать её так просто, как надеялся.

— Значит, ты выбираешь бремя благодарности вместо блеска короны, — прошептал он, и в его голосе проскользнуло нечто, похожее на мрачное восхищение. — Что ж, Астерия. Старик будет жить. Но не думай, что это победа. Со временем ты поймешь, что защищать тех, кто предал твое доверие — самая тяжелая ноша из всех существующих. Он резко развернулся, и его плащ взметнулся, гася единственный факел в коридоре за дверью. — Идем. Ты получила свою встречу.

Элия в последний раз посмотрела на отца. Она не обняла его снова. Между ними теперь стояла пропасть из восемнадцати лет лжи, которую нельзя было просто перешагнуть. Она лишь кивнула ему — прощая, но не забывая, — и вышла из камеры вслед за Королем, навстречу своей новой, пугающей судьбе.

Подъем из подземелий казался Элии бесконечным восхождением из самой преисподней. С каждым шагом по винтовой лестнице воздух становился суше, а тяжелый запах плесени и немых тел сменялся холодным ароматом обсидиана и магии.

Король шел впереди — его шаг был легким, почти невесомым, словно гравитация не имела над ним власти. Его тень, удлинённая светом редких факелов, изломанно скользила по стенам, накрывая Элию.

Она же едва поспевала за ним. Её сапоги тяжело стучали по кварцевым ступеням, а сердце всё ещё ныло от увиденного в комнате.

Когда они миновали очередной караульный пост, где стражи замерли в глубоком поклоне, она нарушила тишину.

— Где старик? — её голос прозвучал глухо, отразившись от спиральных сводов. — Кaleb. Он был ранен на мосту. Твои люди, они оставили его там умирать?

Король не остановился и не обернулся, но его голос донесся до неё отчетливо, без малейшей одышки.

— Маг оказался крепче, чем выглядел, — в его тоне скользнуло холодное одобрение. — Тень не так просто забирает тех, кто привык с ней играть. Он жив. Но его свобода, как и покой твоего «отца», теперь имеет цену.

Элия замерла на мгновение, вцепившись рукой в холодные перила.

— Цена — это я? — спросила она, глядя в его широкую спину.

Король остановился на площадке между ярусами и медленно повернулся. Свет фиолетовой сферы, парящей под потолком, заливал его лицо резкими тенями, подчеркивая хищный разворот плеч и блеск глаз.

— Не просто ты, Астерия, — он подался чуть вперед, и Элия невольно отступила на ступеньку ниже. — Твоя воля. Твое нежелание учиться будет стоять ему жизни. Калеп — опасный инструмент, и я не стану держать его в руках, если этот инструмент не будет помогать мне гранить твою силу. Его судьба теперь — это отражение твоих успехов. Будешь упрямитесь — и он узнает, что такое истинный холод моей темницы.

Они продолжили подъем, выходя в более широкие коридоры верхних ярусов. Здесь архитектура подавляла своей мощью: колоссальные статуи королей прошлого (тех самых, чьи имена Элия теперь боялась знать) подпирали своды, а окна открывали вид на засыпающую, но всё еще пульсирующую огнями Столицу.

— Ты хочешь сделать меня своей марионеткой, прикрываясь их жизнями, — горько произнесла Элия, стараясь не смотреть в окна, от которых кружилась голова.

— Марионетки не обладают светом Соларисов, — отрезал Король. Он остановился перед массивной дверью, украшенной серебряной вязью. — Марионетки лишь дергаются за ниточки. Тебе же я предлагаю взять в руки меч, который твой род выронил столетия назад. Но чтобы держать его, ты должна перестать быть девчонкой с фермы, которая дрожит.

Они вышли к высоким дверям её покоев. Те самые служанки в серых платьях уже стояли там, склонив головы. Воздух здесь снова пах лавандой и дорогим вином, но Элии этот запах теперь казался приторным, как аромат похоронных цветов.

Король остановился у самого порога, но не вошел внутрь. Он замер в полосе света, падающей из комнаты, и его черная шелковая рубашка блеснула, словно чешуя ночного змея. Он окинул Элию медленным, изучающим взглядом — от растрепанных, пропахших сыростью волос до багрового следа на запястье, оставленного Следопытом. На его губах снова заиграла та самая улыбка — не добрая, но и не лишенная своего рода темного милосердия.

— На сегодня откровений достаточно, — произнес он, и его голос прозвучал почти мягко, заполняя пространство между ними бархатной силой. — Твой дух крепок, Астерия, но тело на грани изнеможения. А мне не нужна сломленная ученица. Он кивнул служанкам, и те синхронно, как заведенные механизмы, сделали шаг вперед, ожидая приказа. — Приведи себя в порядок, — Король снова посмотрел ей в глаза, и фиолетовое пламя в его зрачках чуть притухло, став глубоким и спокойным. — Смой с себя пыль дорог и пепел своего прошлого. Я даю тебе пару дней. Используй их, чтобы прийти в себя, осознать свою новую кожу и принять то, что ферма в лесу больше не существует. Ешь, спи и дыши этим воздухом — теперь он принадлежит тебе по праву крови. Он слегка наклонил голову, и это движение было похоже на изысканный, едва уловимый поклон. — Доброй ночи, Наследница Соларисов. Спи крепко, пока тишина этого замка позволяет тебе это. Через два дня, на рассвете, затишье закончится. Мы начнем пробуждать то, что твой отец так старательно усыплял. И поверь, это будет больнее, чем любая правда, которую ты услышала сегодня.

С этими словами он резко развернулся. Король Тени стремительно пошел по коридору. Его шаги не издавали ни звука на дорогом ковре, и вскоре его высокая фигура просто растворилась в полумраке галереи, словно он сам был соткан из ночного воздуха.

Элия осталась стоять в дверях, глядя в пустой коридор. Тишина в Звездном Доме была настолько плотной, что она слышала, как кровь пульсирует в её висках. Служанка в сером шелке осторожно коснулась её локтя.

— Позвольте, госпожа... Ванна уже готова. Мы приготовили масла и чистые ткани.

Служанки вели Элию вглубь покоев, где за тяжелой портьерой скрывалась купальня. Это не было просто местом для мытья — это был чертог из белого мрамора и золота, залитый мягким, розоватым светом магических сфер, парящих под сводчатым потолком. Пол был выложен мозаикой, изображающей восход солнца над морем. В центре, утопленная в пол, располагалась огромная чаша ванны, вырезанная из цельного куска оникса. По краям чаши из золотых голов львов тонкой струей стекала горячая вода, наполняя воздух густым, ароматным паром. У стен стояли изящные скамьи с шелковыми подушками и резные столики, уставленные флаконами из венецианского стекла. Воздух дрожал от тепла и запаха лепестков роз, мирры и сандала.

С Элии медленно, слой за слоем, сняли её старую жизнь. Грязная куртка, пропитанная лесной сыростью, рубашка, запятнанная гарью, сапоги, видевшие кровь на мосту — всё это бесформенной кучей упало на пол.

Одна из служанок осторожно начала расплетать её спутанные волосы. Гребень из слоновой кости с трудом проходил сквозь узлы, но женщина действовала с невероятным терпением, прядь за прядью освобождая голову Элии от веток и пыли.

Затем её подвели к краю ониксовой чаши. Элия медленно опустилась в горячую воду. Ощущение было таким, будто она погружается в жидкий шелк. Жар проникал в каждую мышцу, вытягивая усталость и боль. Служанки суетились вокруг неё, словно тени: одна наносила на её кожу густую пену с ароматом жасмина, другая мягкой губкой смывала копоть с плеч.

Лежа в воде, Элия закрыла глаза. Перед внутренним взором проносились кадры этого безумного дня: фиолетовые глаза Всадника в лесу, холодный блеск мечей, сгорбленная фигура отца в и этот роскошный, пугающий ужин. «Он не может быть тем древним монстром, о котором рассказывал папа...» — думала она. — «В легендах Короли Тени — это столетние тени, иссохшие от магии. Но этот...» Она вспомнила его широкие плечи, уверенные движения, лицо, на котором не было ни единой морщины, кроме тех, что оставляла его хищная улыбка. Он выглядел едва ли старше двадцати пяти, может, тридцати лет — мужчина в самом расцвете сил, чья мощь была физической, осязаемой.

— Почему он такой молодой? — внезапно произнесла Элия вслух, сама не заметив, как мысли сорвались с губ. — Сколько же ему на самом деле лет?

Служанка, которая в этот момент намыливала ей волосы, на мгновение замерла. Её пальцы дрогнули, но она тут же продолжила работу, не проронив ни слова.

Тишина была ответом, который Элия и ожидала. Когда кожа Элии стала розовой от жара, её помогли выйти из воды. Её обернули в огромные полотенца из мягкого чесаного хлопка, которые мгновенно впитали влагу. Тело казалось неестественно легким, почти невесомым. На неё надели нижнее платье из тончайшего льна, а поверх — домашнее платье цвета пепельной розы. Ткань была настолько мягкой, что казалась второй кожей. Её усадили перед зеркалом. Служанка долго сушила её волосы теплыми полотенцами, а затем начала медленно расчесывать их. Теперь они сияли, отливая золотом — тем самым цветом Соларисов, который так долго прятали под грязью. Женщина умело заплела их в сложную, тугую косу, закрепив её серебряной шпилькой в виде распускающейся лилии.

Элия посмотрела на себя в зеркало. Из зазеркалья на неё глядела незнакомка. Чистая, изысканная, одетая в ткани, цена которых могла бы прокормить их деревню целый год. Но глаза остались прежними — затравленными и полными решимостью.

Она встала, чувствуя, как чистота давит на неё тяжелее любой грязи. Она была готова ко сну, но знала, что за закрытыми веками её ждут не сны, а фиолетовое пламя и шепот человека, который забрал её у отца, чтобы вернуть ей мир, который она никогда не просила. Элия медленно подошла к огромному окну.

Тяжелые бархатные портьеры, которые еще недавно казались ей занавесом в темницу, теперь были раздвинуты. Она прижалась лбом к холодному стеклу, глядя на раскинувшуюся внизу Столицу.

Город мерцал миллионами огней, похожий на рассыпанную по черному бархату звездную пыль. Она смотрела на шпили башен, на магические огни патрулей и вдруг почувствовала, как внутри нее поднимается странное, почти истерическое чувство.

«Наследница...» — пронеслось в голове. Она вспомнила те зимние вечера на ферме, когда на улице выл ветер, а отец, подбрасывая поленья в камин, тихим голосом рассказывал ей сказки. Сказки о Золотом Роде, о великих Соларисах, которые могли повелевать солнечным светом и чья кровь была чистым золотом. Она помнила, как слушала их, затаив дыхание, и как жалела эту «потерянную принцессу», чья жизнь оборвалась в огне и предательстве.

Элия издала короткий, сухой смешок, который тут же перерос в тихий, надрывный смех. Она прижала ладонь к губам, пытаясь подавить его.

— Значит, это я... — прошептала она в пустоту темной комнаты. — Та самая девочка из сказки, которая должна была работать в поле, пока за ней не придет принц на белом коне? Только вместо принца за мной пришел монстр из ночных кошмаров.

Ей было смешно от нелепости происходящего. Вся ее жизнь, каждый день, проведенный в трудах и заботах, оказался лишь декорацией, ширмой, которую так легко отбросили в сторону. Она чувствовала себя героиней балаганного представления, которую переодели в шелка, забыв спросить, хочет ли она играть эту роль.

Смех быстро сменился опустошением. Усталость, которую на время разогнала горячая вода и ярость, обрушилась на нее свинцовой плитой. Элия отвернулась от окна и подошла к огромной кровати.

Кровать казалось бескрайней. Простыни из хлопка были прохладными и пахли свежестью. Одеяло было легким, как облако, но при этом невероятно теплым. Элия забралась под балдахин, чувствуя себя крошечной в этом пространстве. Она утонула в мягкости перин.

После жестких соломенных тюфяков в перевозке эта кровать казалась ей ненастоящей, магической иллюзией. Она легла на спину, глядя на верхнюю часть балдахина, где в полумраке едва угадывались вышитые созвездия.

Мысли начали путаться, становясь тягучими, как мед.

«Завтра... завтра всё будет по-другому», — подумала она, закрывая глаза. — «Но сегодня я просто Элия. Просто девушка, которая очень хочет спать». Сон пришел мгновенно, глубокий и тяжелый, как падение в колодезь. Ее тело окончательно сдалось, погружаясь в небытие, где не было ни запаха крови, ни фиолетовых глаз Короля, ни горьких слов отца.

Тишину комнаты нарушало только её ровное дыхание и едва слышный шелест занавесей. Магические сферы в купальне давно погасли, и только лунный свет, пробивающийся сквозь окно, падал на её лицо, озаряя серебром туго заплетенную косу — единственный символ её новой, нежеланной принадлежности к этому замку.

Глава 11.

Утро ворвалось в покои не мягким светом зари, а ослепительным, почти агрессивным сиянием. Окна Звездного Дома были расположены так, чтобы ловить самые первые, самые чистые лучи солнца, и сейчас этот свет, преломляясь в кристалльных гранях декора, рассыпался по комнате мириадами радужных бликов.

Элия открыла глаза и тут же зажмурилась от резкой вспышки. Её сознание было чистым и пустым, как лист бумаги. Первые несколько секунд она просто лежала, ощущая невероятную, почти пугающую мягкость под собой. Воздух был прохладным и пах лавандой, а не привычным дымом от печи и сухой травой. «Где я?» — вялая мысль проплыла в голове. Она повернула голову на подушке, рука утонула в нежнейшем шелке. Она увидела высокий балдахин, расшитый нитями, и изящную резную мебель из темного дерева.

Это не был её дом. Это не была её золотая клетка с высокими потолком. И тут, словно плотину прорвало, вчерашний день обрушился на неё всей своей тяжестью. Мост. Пыль дорог. Холодные глаза Короля. Отец в подземелье. Кровь на её руках, которую она так старательно смывала вчера.

Элия резко села в кровати, сбрасывая легкое одеяло. Сердце забилось чаще, отзываясь тупой болью в висках. Она посмотрела на свои руки — чистые, — и ей стало тошно от этой чистоты.

Вчерашний смех над «сказкой» испарился, оставив после себя лишь вкус пепла и осознание того, что она — заложница в золотой клетке.

— Это правда, — прошептала она, и её голос прозвучал чуждо в огромной тишине залы. — Всё это правда.

Она спустила ноги с высокой кровати. Ступни коснулись густого ворса ковра, который был подогрет магией пола. Элия встала, чувствуя легкое головокружение. Платье, в котором она заснула, помялось, но всё ещё ощущалось как чужой, навязанный кокон. Она медленно прошла в купальню.

Утренний свет здесь был более мягким, отражаясь от белого мрамора. Элия подошла к ониксовой чаше. Вода в ней уже не бурлила, но из кранов продолжала сочиться тонкая струйка ледяной воды. Она зачерпнула пригоршню холодной воды и плеснула себе в лицо. Резкий холод заставил её вздрогнуть и окончательно прийти в себя.

Она умывалась долго, яростно, словно пыталась смыть не только остатки сна, но и то чувство нереальности, которое окутывало её с момента приезда в цитадель. Она подняла глаза и посмотрела на себя в зеркало. Вода стекала по её подбородку, коса за ночь слегка растрепалась, а в глазах застыла холодная, взрослая решимость. Больше не было места для слез или сомнений. Если она хочет спасти отца и Калеба, ей нужно играть по правилам этого места. По правилам Короля Тени. Она вытерла лицо мягким полотном и направилась в основную комнату.

Когда Элия вышла из купальни, служанка уже стояла в центре комнаты, сложив руки на животе в безупречном жесте покорности. На этот раз это была молодая женщина с неестественно бледной кожей и глазами цвета грозового неба. Она не произнесла ни слова приветствия, лишь коротким жестом указала на резное кресло перед зеркалом.

Элия села, чувствуя, как чужие прохладные пальцы начинают расплетать её вчерашнюю косу. Служанка действовала быстро и ловко. Она не стала снова плести простую косу. Вместо этого она разделила золотистые волосы Элии на множество тонких прядей, переплетая их с серебряными нитями. Верхнюю часть волос она собрала в высокую, сложную корону из кос, открывая шею и скулы, а нижние локоны оставила ниспадать на спину тяжелым, сияющим

водопадом. В виски были вплетены крошечные заколки в виде звезд из белого золота. К лицу Элии прикоснулись кисти, пахнувшие пудрой и пылью цветов. Ей слегка подчеркнули разрез глаз темными тенями, сделав взгляд еще глубже и пронзительнее, а губам придали едва заметный блеск, отчего они стали казаться мягче, контрастируя с её суровым выражением лица.

Когда пришло время одеваться, служанка достала из шкафа наряд, который заставил Элию невольно задержать дыхание. Это не было похоже на скромные, закрытые платья, к которым она привыкла в деревне.

Платье было сшито из легкого шелка цвета — глубокого черного, который при движении отливал расплавленным золотом. Лиф платья был жестким, подчеркивающим её тонкую талию, но вырез был непривычно глубоким, открывающим ключицы и нежную ложбинку на груди. Плечи оставались полностью обнаженными, а длинные, расширяющиеся книзу рукава крепились к платью тонкими серебряными цепочками. Боковой разрез на юбке доходил до середины бедра, обнажая ногу при каждом шаге. На ноги ей надели изящные туфли из мягкой замши на небольшом каблуке, которые шнуровались тонкими лентами вокруг щиколоток.

Элия посмотрела на себя в зеркало и почувствовала, как румянец стыда и возмущения заливает её щеки. В её родном лесу в таком виде она показалась бы себе почти раздетой, выставленной на показ.

— Я не могу это надеть, — прошептала она, пытаясь прикрыть руками обнаженные плечи. — Это слишком... здесь слишком много меня. Служанка впервые подняла на неё взгляд.

— В этом доме вы не просто женщина, госпожа. Вы — знамя. А знамя должно сиять. Женщина отошла на шаг и низко поклонилась. — Прическа завершена. Платье сидит безупречно. Его Высочество ожидает вас к завтраку в Малой Обсерватории.

Она указала на дверь, за которой уже слышался приглушенный лязг доспехов стражи, готовой сопровождать Наследницу. Элия сжала кулаки, чувствуя, как шелк платья холодит кожу. Она вспомнила о своей решимости играть по правилам.

Если Король хочет видеть её такой нарядной, открытой, беззащитной и величественной одновременно, она даст ему это. Но она не позволит ему увидеть страх за этим красивым фасадом.

Двери покоев распахнулись, и Элия переступила порог, чувствуя, как непривычно тяжелый шелк юбок шуршит по мрамору. Стоило ей сделать шаг, как за спиной раздался синхронный, резкий лязг металла — два гвардейца в обсидиановых латах пристроились в паре шагов позади. Их присутствие ощущалось как тяжелая, безмолвная тень, от которой невозможно скрыться.

Вчера, когда её вели в покои, Элия была слишком измучена и охвачена страхом, чтобы замечать детали. Теперь же, умытая и одетая в наряды Соларисов, она смотрела на замок другими глазами.

Коридоры, ведущие к Обсерватории, были выше и шире тех, по которым её вели в подземелья. Потолки терялись в сумраке, украшенные фресками, где золотые созвездия казались живыми. Элия заметила, что стены здесь не просто каменные — они были инкрустированы кристаллами, которые вибрировали, когда она проходила мимо, словно откликаясь на её присутствие. На пути им попадались другие обитатели замка. Узкие галереи патрулировали маги в длинных мантиях цвета индиго, которые при виде Элии замирали и прижимали руку к сердцу в глубоком поклоне. Служанки, чистившие серебряные подсвечники, низко склоняли головы, не смея поднять глаз.

Элия чувствовала на себе смесь суеверного ужаса и жадного любопытства. Для них она была ожившей легендой, призраком прошлого, который внезапно обрел плоть и кровь. Ей было невыносимо неловко: в деревне её знали как Элию, которая умеет латать заборы и работать в поле, а здесь её считали чем-то средним между божеством и опасным оружием. Каждый шаг

давался ей с трудом. Тонкие ремешки туфель и небольшой каблук заставляли её держать спину ровно, а глубокий вырез платья заставлял чувствовать себя уязвимой, словно с неё сняли кожу.

Ей хотелось запахнуть в старую куртку, спрятаться от этих шелков, которые охладили плечи. Они миновали внутренний мост, висящий над огромным садом.

Только сейчас Элия увидела масштаб замка: он был похож на гигантский черный кристалл, вырастающий прямо из скал, пронизанный магическими жилами света. Наконец, стража остановилась перед дверями из резного белого камня. В отличие от обсидиановой мощи остальных ворот, эти казались ажурными, почти невесомыми. Служанка, шедшая впереди, мягко коснулась створки.

— Малая Обсерватория, госпожа, — прошептала она.

Двери разошлись, и Элия оказалась в круглом зале с куполом из прозрачного хрусталя. Утро здесь было ослепительным. Зал был залит солнечным светом, который дробился в тысячах линз и телескопов, расставленных по периметру.

Зал Малой Обсерватории казался сердцем света внутри обсидианового тела цитадели. Купол из чистейшего горного хрусталя, укрепленный тонкими ребрами из белого золота, открывал небо во всем его утреннем великолепии. Стены были вырезаны из молочно-белого мрамора, который, казалось, впитывал солнечные лучи и отдавал их обратно мягким сиянием. На них не было гобеленов — их заменяли огромные, тончайшей работы звездные карты, выгравированные прямо на камне и инкрустированные сапфирами и алмазами. Между картами висели сложные астробии и маятники, которые бесшумно двигались, подчиняясь вращению мира. Под ногами расстилалась мозаика из лазурита и перламутра, изображающая зодиакальный круг. В центре зала стоял массивный стол из белого мрамора на десять персон.

На белоснежной скатерти красовались вазы с экзотическими фруктами, которых Элия никогда не видела в своем лесу: пурпурные плоды с серебристой кожицей, прозрачные ягоды, похожие на капли росы. Дымился свежий хлеб, источая аромат меда и семян, а в хрустальных графинах золотилось прохладное вино и густые соки.

Король сидел во главе этого великолепия, сохраняя свою вчерашнюю расслабленную манеру. Откинувшись на спинку стула, он выглядел на удивление буднично для повелителя теней: черные брюки из плотной ткани и рубашка с закатанными по локоть рукавами. Сново ни какой короны, никаких парадных мантий — только подавляющая харизма и фиолетовые глаза, в которых сейчас плясали лукавые искры. Его взгляд медленно скользнул по фигуре Элии, задерживаясь на открытых плечах и шее. Улыбка хищника, довольного своим приобретением, стала шире.

— Ты выглядишь так, будто солнце наконец-то нашло свое место в этих стенах, Астерия, — произнес он, и в его голосе послышалась глубокая, вибрирующая нотка. — Не стой в дверях. Этот свет создан для тебя, а не для моих стражей.

Он сделал легкий, приглашающий жест рукой в сторону стула напротив себя. Элия сжала пальцы, чувствуя, как шелк платья натягивается на бедрах, и заставила себя сделать первый шаг. Она шла через весь зал, ощущая на себе его пристальный, обжигающий взгляд.

Подойдя к столу и медленно опустилась на стул. Спина оставалась прямой, а взгляд — прикованным к его лицу. Она села, но не притронулась ни к приборам, ни к еде, ожидая, когда за этой мнимой идиллией завтрака проявится сталь его истинных намерений.

Элия сидела неподвижно, игнорируя ароматы свежего хлеба и сочных ягод. Её руки лежали на коленях, скрытые скатертью, но взгляд был прямым и острым, как обнаженный клинок.

Она изучала его так же пристально, как он изучал её мгновением ранее: его широкие плечи под тонким шелком рубашки, сильные руки с закатанными рукавами и это лицо, которое в утреннем свете казалось почти сверхъестественно совершенным.

— В сказках, что мне рассказывали, — начала она, и её голос прозвучал чисто и твердо под хрустальным куполом, — короли, обладающие такой властью над тенью, описывались как древние старцы, чья кожа похожа на пергамент, а глаза выцвели от веков магии. Она сделала паузу, не сводя глаз с его лица, ловя каждое движение его губ. — Но ты совсем не похож на них. В тебе нет и следа дряхлости или груза столетий. Сколько тебе лет на самом деле? И почему король такой огромной и мрачной империи выглядит так, будто он только вчера покинул поле для тренировок?

Король замер. Его бокал остановился на полпути к губам. На долю секунды в зале повисла такая тишина, что было слышно, как солнечные лучи дробятся в линзах телескопов. Он медленно опустил бокал на мраморную поверхность стола. В его фиолетовых глазах вспыхнул озорной, почти мальчишеский огонек, который совершенно не вязался с образом грозного владыки цитадели. Его губы дрогнули, и по лицу разлилась лукавая, дерзкая улыбка, обнажившая ровные белоснежные зубы. Он подался вперед, сокращая расстояние между ними, так что Элия почувствовала исходящий от него жар.

— Тебе кажется, что я слишком молод для того, чтобы держать этот мир в кулаке, Астерия? — проговорил он, и в его голосе прозвучала забава. — Или тебя пугает, что твой враг не рассыпается в прах от одного твоего взгляда? Он коротко рассмеялся — звук был глубоким и искренним, на мгновение разрушив натянутую атмосферу их поединка. — Мне двадцать шесть лет, — сказал он, откинувшись назад и сложив руки на груди. — Никаких заклинаний вечной молодости, никакого обмана зрения. Я такой же из плоти и крови, как и ты. Хотя Тень умеет сохранять то, что ей дорого, я всё еще измеряю свою жизнь годами, а не веками. Он лукаво прищурился, явно наслаждаясь замешательством, которое промелькнуло на её лице. — Мой возраст — это не слабость, как ты, возможно, надеялась. Это аппетит. У меня впереди еще много десятилетий, чтобы увидеть, как ты займешь свое место рядом со мной. А теперь, когда твое любопытство немного утолено, может быть, ты всё же почтишь этот стол своим вниманием? Даже Наследницам нужно питаться, чтобы поддерживать свой огонь.

Элия почувствовала, как по коже пробежал озноб. Она проигнорировала его шутку об «аппетите» и еде, зацепившись за слова, которые прозвучали слишком весомо, чтобы быть просто фигурой речи. Она медленно положила руки на край мраморного стола, подавшись вперед.

— Что значит — займешь свое место рядом со мной? — её голос был тихим, но в нем отчетливо слышался металл. — Ты говоришь так, будто моё будущее уже предreshено и вписано в твои звездные карты на стенах. Я здесь не по своей воле, Король. Я пленница, которую ты хочешь превратить в оружие. С какой стати ты решил, что моё место рядом с твоим тронem, а не против него?

Король не успел ответить. Он лишь приподнял бровь, собираясь что-то сказать, когда тишину Обсерватории нарушил гулкий, торжественный звук — тяжелые створки входных дверей из белого камня разошлись в стороны. Элия вздрогнула и обернулась.

По полу, чеканя шаг, в зал вошли двое. Их появление было настолько стремительным и уверенным, что стража у дверей лишь молча вытянулась в струну. Это были мужчина и женщина, и Элии на мгновение показалось, что у неё двоится в глазах. Они были поразительно похожи на Короля, та же порода, та же пугающая безупречность черт. Молодому человеку было на вид за двадцать. Высокий, с такими же иссиня-черными волосами, но подстриженными короче, чем у Короля. Его фигура была более гибкой и поджарой, а на плече покоился легкий кожаный доспех, расшитый серебром. В его движениях сквозила дерзость и нетерпение. Его глаза, тоже фиолетовые, но более светлого, почти сиреневого оттенка, с нескрываемым любопытством уставились на Элию. Девушка выглядела чуть старше мужчины, возможно, его ровесницей. Её волосы были заплетены в десятки тугих кос, перехваченных стальными кольцами, и спадали на спину, как грива. На ней был облегающий костюм из темной чешуйчатой

кожи, а на бедре висел короткий клинок. Её лицо было более суровым, а взгляд фиолетовых глаз — холодным и оценивающим, словно она видела потенциальную угрозу.

— Ты снова завтракаешь в компании, брат? — голос молодого человека был звонким и полным скрытой насмешки. Он шел впереди, небрежно помахивая перчатками. — А мы гадали, почему ты заперся в Обсерватории и не даешь сигналов к началу Совета. Неужели это та самая «золотая искра», о которой шепчется весь замок?

Они остановились в нескольких шагах от стола. Женщина хранила молчание, но её взгляд буквально прошивал Элию насквозь, изучая её обнаженные плечи и новое платье.

Король даже не шелохнулся. Он лишь слегка повернул голову к вошедшим, и в его взгляде на мгновение промелькнуло нечто похожее на семейную теплоту, мгновенно скрытую за привычной маской властности.

— Даниэл, Лира, — произнес он, и в его голосе зазвучали новые нотки. — Вы, как всегда, нарушаете тишину в самый неподходящий момент. Познакомьтесь. Перед вами — Астерия из рода Соларисов. Последняя из этого рода.

Элия переводила взгляд с одного на другого. Три пары фиолетовых глаз. Три одинаково хищных и уверенных профиля. Она поняла, что перед ней не просто свита, а его кровь.

— Твои родные? — спросила она.

Даниэл коротко хохотнул, а Лира лишь сузила глаза, положив ладонь на эфес ножа. Атмосфера мгновенно сменилась с интимного поединка двух воль на напряженное противостояние целой династии. Король коротким жестом подозвал служанок, которые, словно тени, возникли из ниш у входа.

Секунда, и на мраморной столешнице появились новые приборы из тончайшего фарфора, а тишина Обсерватории наполнилась звоном серебра и смехом вошедших.

Лира и Даниэл расположились по обе стороны от Короля, превращая стол в некий триумвират власти. Лира была воплощением опасной грации. Её кожа была чуть бледнее, чем у брата, а скулы — острее. Черные волосы, заплетенные в десятки кос с вплетенными стальными кольцами, при каждом движении издавали едва слышный металлический шелест. На ней был облегающий костюм из чешуйчатой кожи, подчеркивающий её атлетичную фигуру воительницы.

Сначала она смотрела на Элию с ледяным высокомерием, её фиолетовые глаза изучали каждый миллиметр «деревенской принцессы», словно ища слабое место для удара. В отличие от суровой сестры, Даниэл был воплощением порочного обаяния. Расстегнутый ворот рубашки, дерзкая ухмылка и взгляд, в котором читалось бесконечное любопытство к женщинам и вину. Его волосы были короче, взерошены ветром, а в левом ухе блестела серьга с крошечным сапфиром. Несмотря на вид бабника и разгуляя, Элия заметила мозоли на его руках — такие бывают только у тех, кто не выпускает рукоять меча часами.

— Ну же, сестра, не сверли её взглядом, — Даниэл бесцеремонно схватил с подноса наливное яблоко и с хрустом откусил. — Она и так выглядит так, будто ждет, что мы её сейчас съедим. Хотя признаю, брат, вкус у тебя отменный. Платье сидит на ней... многообещающе.

Лира, которая до этого момента сохраняла каменное выражение лица, вдруг не выдержала. Она посмотрела на смущенную и настороженную Элию, затем на своего вальяжного брата и... расхохоталась. Это был чистый, звонкий смех, совершенно не вязавшийся с её грозным видом.

— О боги, Даниэл, посмотри на неё! — Лира хлопнула ладонью по столу, переходя на веселое подтрунивание. — Она думает, что мы — демоны из её сельских страшилок. Расслабься, принцесса. Мы не кусаемся... если на нас не нападать. В пылу разговора Лира потянулась за графином и, взглянув на брата, небрежно бросила, — Дамиан, передай мне те ягоды, если ты еще не всё поглотил своей бездонной утробой.

При звуке этого имени Дамиан, в воздухе словно что-то зазвенело. Элия замерла с бокалом у губ. Вчера его называли Королем, Всадником, Высочеством. Это имя, произнесенное в домашней обстановке, сделало его пугающе реальным, человеческим.

Дамиан едва заметно приподнял уголок губ. Его хищный взгляд, до этого блуждавший по залу, снова сфокусировался на Элии. Он смотрел на неё, как смотрит охотник на редкую птицу, которая впервые позволила накормить себя с рук. В его глазах светилось удовлетворение: он видел, как она настороженно ест, как маленькими глотками пьет сок, словно проверяя его на наличие яда.

Атмосфера была странной, двойственной. С одной стороны — Даниэл и Лира, которые громко спорили о качестве новых мечей и вспоминали свои последние похождения, смеясь и перебивая друг друга. С другой — Дамиан, который сидел почти неподвижно, излучая мощь и тишину, и Элия, которая чувствовала себя так, будто попала на пир к хищникам, которые временно решили поиграть в вежливость.

— Видели сегодня Калеба. — сказал Даниэл наливая себе вина.

Элия медленно опустила вилку.

— Вы знали Калеба? — спросила она тише, чем хотела.

— Знали? — Лира усмехнулась, разрезая мясо. — Он был придворным магом еще при нашем отце. Тот факт, что он прятался, — величайшее оскорбление для короны. Но признаю, спрятался не плохо. До тех пор, пока Дамиан не решил, что пора вернуть долги.

— Долги? — переспросила Элия, чувствуя, как внутри всё напряглось. — Кaleb помогал мне, защищал меня. Какие у вас могут быть долги перед человеком, которого вы держите в клетке? И вообще... мне всё равно, что там между вами. Я не часть вашей игры.

Её голос дрогнул, но прозвучал отчетливо. За столом внезапно стало тихо. Даниэл перестал крутить вилку, Лира отложила нож, а Дамиан, до этого расслабленно наблюдавший за сценой, медленно перевел взгляд на сестру, а затем на брата. Между ними состоялся короткий, почти неуловимый обмен взглядами — тяжелый, полный скрытого смысла, понятного только этой троице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.